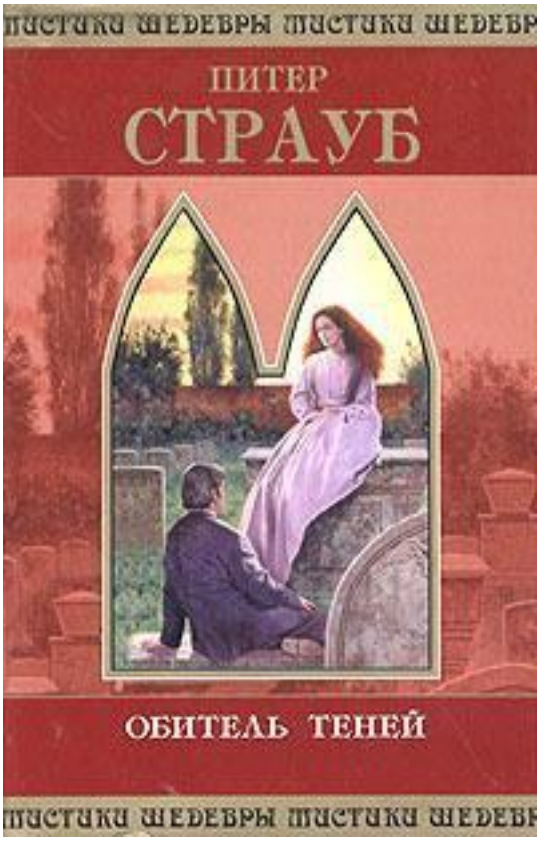
МИСТИКА ШЕДЕВРЫ МИСТИКА ШЕДЕВР
ПИТЕР
СТРАУБ
ОБИТЕЛЬ ТЕНЕЙ
МИСТИКА ШЕДЕВРЫ МИСТИКА ШЕДЕВР

Питер Страуб

Обитель теней

1980

Страуб П.

Обитель теней / П. Страуб — 1980

Стремление познать непознаваемое иногда уводит туда, откуда нет возврата, где правит Зло и жизнь оказывается страшнее самой Смерти.Юному Тому Фалангену, приглашенному в Обитель Тьмы, довелось против своей воли стать учеником Великого Мага и воочию увидеть ад на Земле.

© Страуб П., 1980

Содержание

От автора 7
ТОМ В "ЗАНЗИБАРЕ 7
АНЕКДОТ 11
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ 13
Глава I 13
Глава 1 15
Глава 2 16
Глава 3 19
Глава 4 23
Глава 5 26
Глава 6 28
Глава 7 30
Глава 8 32
Глава 9 35
Глава 10 36
Глава 11 36
Глава 12 37
Глава 13 39
Глава 14 39
Глава 15 41
Глава 16 43
Глава 17 43
Глава 18 45
Глава 19 46
Глава 20 49
Глава 21 50
Глава 22 50
Глава 23 51
Глава 24 53
Глава 25 54
Глава 26 54
Глава 27 57
Глава II 60
Глава 1 60
Глава 2 61
Глава 3 61
Глава 4 62
Глава 5 63
Глава 6 65
Глава 7 67
Глава 8 67
Глава 9 68
Глава 10 68
Глава 11 72
Глава 12 75
Глава 13 77

Глава 14 79
Конец ознакомительного фрагмента. 81

ОБИТЕЛЬ ТЕНЕЙ
Питер СТРАУБ

Посвящается Бенджамину Биткеру Страубу

«Малышка Красная Шапочка была моей первой любовью, а наша воображаемая свадьба стала пределом моих детских мечтаний».
Чарльз Диккенс

«Ключ от сокровища есть само сокровище».
Джон Барт

Обе школы – как старая, так и новая – являются плодами вымысла автора и не должны вызывать каких-либо ассоциаций с реально существующими учебными заведениями. Точно так же Обитель Теней, ее местонахождение и обитатели полностью вымышлены.

Хотелось бы от всей души поблагодарить Хирама Стрейта и Барри Прайса за ценные советы и замечания по теме этой книги: магии и колдовству. Особо я признателен Корри Крэндел за знакомство с двумя вышеупомянутыми джентльменами и с Волшебным Замком.

От автора

ТОМ В "ЗАНЗИБАРЕ

Однажды, более двадцати лет назад, приятель Тома Фланагена, школьника-середнячка из Аризоны, пригласил его на рождественские каникулы в дом своего дядюшки. Том отказался. В школе никто не знал, что его отец умирает от рака. Дядя приятеля жил довольно далеко, и быстро вернуться оттуда домой было бы трудно. В конце учебного года приглашение поступило вновь, и на сей раз Том принял его.

К тому времени отца его уже три месяца не было в живых, а вскоре после его смерти произошла трагедия в школе. Оба мрачных события настолько ошеломили мальчика, что он без долгих размышлений ухватился за возможность переменить обстановку и, быть может, выкарабкаться из депрессии. У него был и еще один довод в пользу поездки, кому-нибудь он мог показаться абсурдным, но для Тома был очень веским: он почему-то был уверен, что его друг нуждается в поддержке и защите. Теперь это казалось ему важнейшим делом в жизни.

В то время, когда я впервые услышал от Тома Фланагена эту историю, он уже работал в одном из ночных клубов Лос-Анджелеса, на Сансет-стрип, но его по-прежнему недооценивали. Сама атмосфера "Занзибара" указывала на то, что это убогое заведение стало последним прибежищем для потерпевших крушение в бурном океане шоу-бизнеса. Вопреки моему убеждению, что Тому Фланагену тут совсем не место, сам он относился к своему пребыванию здесь совершенно спокойно, будто это некий перст судьбы или же он в жизни не видел ничего, кроме подобных "Занзибару" гадюшников.

Впрочем, он работал здесь всего две недели. Очевидно, он делал передышку перед новым рывком, как поступал уже не раз со времени нашей совместной учебы – передышка и затем шаг вперед, передышка и снова шаг.

Даже в обстановке столь кричащей безвкусицы Том выглядел, казалось, точно так же, как и семь-восемь лет тому назад, когда его рыжевато-русые вьющиеся волосы начали редеть. Несмотря на профессию, актерство было ему, как и раньше, совершенно не присуще. Он даже не взял артистического псевдонима, а на афише у входа в "Занзибар" значилось лишь: "Сегодня и ежедневно – Том Фланаген". Традиционную мантию он надевал лишь на время "разминки" и, переходя к основной части представления, с видимым удовольствием сбрасывал ее одним движением плеч, оставаясь или в смокинге, или даже в костюме обыкновенного посетителя, заскочившего в "Занзибар" пропустить с приятелем по кружечке пивка. Чаще всего он выступал в неопределенного цвета твидовом пиджаке от Харриса, рубашке от братьев Брукс с расстегнутой верхней пуговицей, пониже которой болтался галстук, серых брюках, которые он, похоже, гладил, укладывая на ночь под матрас. Я знал, что он стирает носовые платки прямо в раковине и высушивает их, плотно обернув вокруг трубы с горячей водой, а потом лишь встряхивает, перед тем как положить в карман.

– Привет, старина! – Он поднялся навстречу мне, и его заметно увеличившиеся залысины сверкнули в лучах света, отраженного зеркалом по ту сторону стойки бара. Я отметил, что он по-прежнему в прекрасной физической форме, только вот морщинки вокруг глаз стали как будто глубже.

Рукопожатие его было, как обычно, крепким, и я в который уже раз почувствовал глубокий шрам на внутренней стороне его ладони. – Чертовски рад тебя видеть! – Он одарил меня белозубой улыбкой.

– Я тоже. Вот прослышал, что ты в городе, и решил повидаться.

– Ты для меня, дружище, всегда словно бальзам на душу.

А знаешь почему? Ни разу от тебя не слышал: "Как твоя работа?"

– А что тут спрашивать? Уж мне ли не знать твоих способностей.

В самом деле, он был лучшим фокусником из всех, кого мне доводилось видеть.

– Стараюсь держаться на уровне, – скромно ответил он, выуживая из кармана карточную колоду. – Не хочешь попытать счастья еще разок?

– Дай мне еще один шанс.

Он перетасовал колоду сначала двумя руками, потом одной, разделил ее на три части, а затем сложил их снова вместе уже в другом порядке.

– Так? – спросил он, протягивая мне колоду.

– Угу…

Я снял верхние две трети колоды и перевернул нижнюю карту. Это был трефовый валет.

– Положи обратно, – сказал Том, отхлебывая пиво. На карты он не глядел.

Я наугад сунул карту назад в колоду.

– А теперь смотри внимательно, – улыбнулся Том, – сейчас будет один старый фокус-покус… – Он принялся довольно сильно похлопывать ладонью по колоде. – Да-да, я уже чувствую, как она идет наверх… – Том, подмигнув мне, похлопал еще, затем снял верхнюю карту и, даже не удосужившись взглянуть на нее, протянул мне.

– Ну никак до меня не доходит, каким образом ты это проделываешь, – вздохнул я.

При желании он мог выудить ту же карту из моего кармана или из заклеенного конверта, лежащего внутри запертого на ключ кейса, однако, по моему разумению, чем проще фокус, тем он больше впечатляет.

– И не дойдет. Сказал же я тебе: смотри внимательно, а ты… Так что лучше уж пиши свои романы.

– Но ведь не мог же ты прилепить ее к ладони. Ты до нее даже ни разу не дотронулся!

– О, это действительно хороший старый фокус, вот только не для сцены. Даже здесь, в клубе, он не пойдет: слишком далеко от зрителей. Да и не ради карточных фокусов они сюда приходят…

Том оглядел полупустой зал, словно измеряя расстояние от столиков до сцены, жалея, что не может показать здесь во всем блеске то мастерство, которое оттачивал на протяжении десятка лет. Я же задумался о другом расстоянии: о тех годах, что разделяли сидевшего передо мною Тома и рыжевато-русоволосого мальчика, жизнерадостного, кипевшего энергией молодости. Кто мог в то время предсказать, что ждет Тома Фланагена впереди?

Учителя и одноклассники считали его потенциальным неудачником. Не таким, конечно, безнадежным, как, например, Маркус Рейли: тот и в самом деле плохо кончил, застрелившись в собственной машине, когда ему едва перевалило за тридцать. Были и другие: Том Пинфолд, ставший менеджером банка, выбросился из окна после аудиторской проверки, которая обнаружила недостачу в несколько сотен тысяч на счетах клиентов. Том Фланаген же считался как бы запрограммированным неудачником – ведь он не только не проявлял ни малейшего стремления к успеху, но и, похоже, делал это умышленно.

Словно прочитав мои мысли, Том поинтересовался, не видел ли я кого-нибудь из наших бывших одноклассников, и мы немного поболтали о Хогане, Филдинге и Шермане, друзьях нынешних, которые двадцать лет назад были нашими товарищами по несчастью. Затем он спросил, над чем я сейчас работаю.

– Ну, – замялся я, – вообще-то собирался начать книгу про то лето, что ты провел с Дэлом.

Откинувшись на стуле, Том уставился на меня с явно наигранным изумлением.

– И даже не пытайся возражать, – остановил я его. – Ведь за последние пять-шесть лет при каждой нашей встрече ты мне так или иначе напоминаешь о тех событиях: провокационными

вопросами, таинственными полунамеками и черте как еще. Не отпирайся – ты сам хочешь, чтобы я об этом написал.

Он ослепительно улыбнулся и на мгновение стал прежним, кипевшим энергией мальчишкой.

– Что ж, может, ты и прав… Наверное, я смогу луг кое в чем тебе помочь.

– Кое в чем? – передразнил я его. – Только и всего?

– Кто из нас какой-никакой, а все-таки писатель? Ну разумеется, я кое-что готов тебе поведать, тем более что и сам в последнее время начал думать, что уже пора.

– Тогда я тебя слушаю внимательнейшим образом.

– Ну и замечательно, – удовлетворенно заметил он. – А кстати, с чего ты намереваешься начать?

– Начать книгу? – уточнил я. – Думаю, с дома, с Обители Теней.

На некоторое время он задумался, потирая подбородок.

– Нет, не так. До этого ты все равно дойдешь. Начни-ка лучше с анекдота. С кошачьего короля… – Он снова призадумался, затем кивнул. Мне неоднократно доводилось наблюдать, как он точно так же размышляет над сценарием будущего представления, стараясь довести его до совершенства. – Да, с кошачьего короля… А может, лучше даже начни со школы – я хочу сказать, начни само повествование. Ты обнаружишь там кое-что действительно любопытное, если, конечно, вспомнишь.

– Возможно, возможно…

– Повторяю: если вспомнишь. Я помогу тебе.

Он снова улыбнулся, чуть задумчиво, как будто сам погрузился в воспоминания, и в это мгновение я подумал, что, какими бы ни были обстоятельства его жизни и его теперешнее окружение, только полный идиот назвал бы этого человека неудачником.

– Наверное, ты прав, – сказал я. – Но что это за кошачий король, и какое он имеет отношение к нашей истории?

– О, пусть это тебя не беспокоит: кошачий король обязательно появится в нужное время в нужном месте. Так всегда бывает… А теперь извини: мне бы надо проверить кое-что из оборудования перед представлением.

– Послушай, тебе не кажется, что это заведение не для тебя?

– Ты так считаешь? Да нет, полагаю, мы с "Занзибаром" отлично подошли друг другу. Местечко это вовсе не такое уж плохое…

Мы распрощались, и я направился к светло-туманному прямоугольнику распахнутой двери. Мимо промчался автомобиль, по тротуару процокала каблучками девушка, затянутая в узенькие джинсы, и неожиданно я понял, что покидаю клуб с явным облегчением. Том заявил, что он его вполне устраивает, но я ему не верил ни на грош. Лично у меня клуб "Занзибар" вдруг вызвал ассоциацию.., с тюрьмой.

Уже у двери я обернулся и увидел, что Том сидит в полумраке, с закатанными рукавами, похожий на властелина этой пустой темной комнаты.

– Ты остаешься здесь еще на две недели? – спросил я.

– На десять дней.

– Я сам уеду через неделю, так что до того нам надо бы повидаться.

– Было бы замечательно. Да, кстати…

Я вопросительно взглянул на него.

– Это был трефовый валет?

Я рассмеялся, а он отсалютовал мне кружкой пива. У Тома была привычка никогда не смотреть на карту, даже после фокуса. В таких вот маленьких чудесах и крылась вся прелесть его искусства.

Так что там он говорил про кошачьего короля?

Мне оставалось лишь теряться в догадках до тех пор, пока тот, как Том и обещал, не появился в нужное время в нужном месте, а именно в словаре-справочнике, попавшемся мне в руки несколько недель спустя. Когда я прочитал эту историю, то понял, что поразительная интуиция Тома не подвела его и на этот раз.

Рассказ этот я изложу в той интерпретации, в какой его впервые услыхал мой друг.

АНЕКДОТ

– Вообразите птичку, – сказал фокусник, – дрожащую от страха, хлопающую крыльями, напуганную до смерти. Сейчас она вылетит из этой шляпы.

Он сдернул белую шаль с шелкового цилиндра, и оттуда вывалился голубь того же цвета, что и шаль. Птица и в самом деле тряслась от ужаса, бессильно хлопала крыльями и, не в состоянии взлететь, упала на полированный стол.

– Не правда ли, хорошенькая птичка? – Фокусник улыбнулся двоим мальчуганам, его единственным зрителям. – А теперь вообразите кошку.

Он накрыл цилиндр шалью, сдернул ее, и из недр таинственной шляпы появился белый кот, причем он выполз плавно, как змея, не сводя взгляда с голубя, и стал медленно подкрадываться к птице.

Фокусник, похожий более на клоуна своим выбеленным мелом лицом и огненно-рыжим париком, из-под которого выбились иссиня-черные космы, ухмыльнулся мальчикам и внезапно сделал сальто назад, приземлившись на руки в перчатках. Постояв несколько мгновений на руках, он одним резким движением вернулся в первоначальное положение туда, где и стоял, после чего накрыл шалью неестественно длинное кошачье тело.

Фокусник сунул руку под шаль, и та упала на стол, будто под ней ничего и не было. Чуть поодаль обезумевшая от страха птица неистово молотила крыльями по поверхности стола и издавала душераздирающие звуки.

– Вот так, – пробормотал фокусник, – кошка и птичка, птичка и кошка… – Он по-прежнему ухмылялся. – Что ж, раз наша миленькая птичка так напугана, пусть лучше она исчезнет.

Он щелкнул пальцами, накинул на голубя шаль, и тот действительно исчез.

– При виде кошки мне вспоминается всякий раз одна абсолютно правдивая история, – обратился он к зачарованным мальчикам тоном рассказчика, единственная цель которого – развлечь публику. – Как и большинство самых правдивых историй, эта весьма стара: ее рассказывал еще сэр Вальтер Скотт Вашингтону Ирвингу, а также знаменитый монах Льюис не менее знаменитому поэту Шелли Мне же ее поведал один старый друг, между прочим, очевидец событий Ну так вот Тот самый мой приятель, о котором идет речь, направился однажды к своему другу (это был не я), намереваясь у него заночевать Он целый день провел в пути, устал смертельно и, когда уже смеркалось, подошел к давно покинутому полуразрушенному монастырю. Присев у входа, облокотившись о чугунную ограду, он сбросил башмаки и принялся массировать ноющие от усталости ноги Вдруг непонятные звуки заставили его обернуться и вглядеться во двор монастыря сквозь прутья решетки Перед ним на заросшем густой травой заброшенном дворе, выстроившись в две длинные шеренги, медленно шествовали кошки, множество кошек. Невиданное зрелище так его поразило, что он попытался просунуть голову между прутьев, чтобы вглядеться получше Тут он заметил, что кошки, следовавшие во главе процессии, несли на спинах маленький гробик, а направлялись они к небольшой разрытой могиле Изумленный до крайности, он всмотрелся еще пристальней и увидел, что маленький гроб увенчивает корона.

Добравшись до могилы, кошки стали опускать гроб Картина эта настолько его ужаснула, что он, едва успев сунуть ноги в башмаки, опрометью бросился к дому своего друга За ужином он, разумеется, не смог сдержаться и рассказал об увиденном.

Не успел он завершить рассказ, как хозяйский кот, до сих пор мирно дремавший у камина, вскочил словно ужаленный и, человеческим голосом проорав" "Теперь я кошачий король!", исчез в дымоходе. Вот, мои маленькие друзья, хотите верьте, хотите нет, но именно так все и было, и это – чистая правда.

***

Начать это повествование мне следовало бы не со слов «Однажды, более двадцати лет назад, приятель Тома Фланагена.» и т.д., а, например, так: «В некотором царстве, в некотором государстве…», или же: «В те далекие времена, когда люди жили в лесах дремучих…»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ШКОЛА

«Восславим же, друзья, родную нашу школу, Что высится там, на зеленом холме».
Из школьной песенки

Глава I
СНЫ НАЯВУ

Последний день летних каникул: синева ясного, безоблачного неба; сильная, изнуряющая жара; завершения и начинания; разочарования и обещания печально витали в воздухе… Возможно, грустил лишь мальчик, лежащий на животе в густой траве и размышляющий: сорвать ли одуванчик, что торчит прямо перед глазами ? И если сорвать, не сделать ли то же самое с другим одуванчиком, в трех футах от первого? Золотисто-желтый, напоминающий львиную гриву цветок мерно покачивался на чересчур тонком для него стебле. От сока одуванчиков руки так воняют… В этот последний день летних каникул не все ли ему равно – воняют руки одуванчиками или нет ? Он потянулся к ближнему цветку и, вырвав его с корнем, отбросил в сторону. Ему показалось, что он услышал тяжкий вздох одуванчика, прощавшегося с жизнью. Мальчик уже было протянул руку ко второму, но тут же отдернул: большой цветок на тонком стебельке выглядел настолько беззащитным, что он пожалел его – пускай живет… Мальчик перевернулся на спину и уставился в бездонно-голубое небо.

«Прощай, прощай, – проговорил он про себя. – Прощай, свобода». И все же где-то в глубине души он с нетерпением ожидал предстоящих перемен: теперь он старшеклассник, а значит, его ждет, быть может, самая важная в жизни перемена – начало взросления. Как и все дети в этом переломном возрасте, он испытывал жгучее желание узнать, что его ждет дальше, хоть одним глазком заглянуть в будущее.

Одинокая птица описывала круги прямо у него над головой, так высоко, что дышала, очевидно, совсем другим воздухом.

Должно быть, он нечаянно заснул. По крайней мере, все происшедшее после того, как он у видел птицу, впоследствии казалось ему сном.

Цвет неба постепенно изменился на дымчатый, почти что серебристый. Что, тучи набежали? Нет, ни облачка… Перевернувшись снова на живот, он рассеянно осмотрелся по сторонам: оттуда, где он лежал, были видны четыре двора. Качели во дворе у Трамбуллов настолько заржавели, что вряд ли простоят до будущего лета. Мистер Трамбулл слишком ленив, чтобы заняться ими, да и дети его уже выросли. В соседнем дворе Сисси Харбинджер только что вылезла из бассейна и, осторожно ступая по раскаленному кафелю, направилась к шезлонгу доводить до совершенства свой орехового оттенка загар. Во дворе вокруг белоснежного дома орудовал исполинских размеров газонокосилкой садовник Коллис Фальк, заклятый враг и безжалостный истребитель одуванчиков.

Какой-то человек шел вдоль Мейса-лейн, по ту сторону дворов и домов. В этом старом пригороде пешеходы не являлись таким редкостным явлением, как в недавно отстроенных фешенебельных районах вроде Куантум-хиллз, но все-таки встречались не столь часто, чтобы не вызвать интерес.

Мальчик все еще не сознавал, что видит сон.

Возле белоснежного дома пешеход остановился. Возможно, он также пользовался услугами садовника и теперь ждал, пока Коллис Фальк, отвлекшись на секунду от своей тарахтелки, его заметит. Но нет, ему нужен не садовник: незнакомец завертел головой и взглянул на мальчика, как будто искал именно его… Их разделяло не менее трехсот ярдов… Предположение вдруг перешло в уверенность: а ведь и в самом деле этому типу нужен он. От этой мысли мальчику стало не по себе, его охватил непонятный страх. Он вжался в землю, стараясь спрятаться в густой траве.

«Что за непонятный сон? – подумал он. – И чего я вдруг испугался?»

Тем временем становилось все темнее. Воздух сделался каким-то серебристым. Незнакомец приближался. Коллис Фальк со своей неимоверной газонокосилкой находился теперь как раз между ними, скрыв мальчика от того типа. Ну же, самое время сматываться!..

И все-таки откуда этот внезапный, необъяснимый страх?

Казалось, все вокруг дышало опасностью, таинственной угрозой, источником которой была, вне всякого сомнения, маленькая фигурка там, на Мейса-лейн. Невидимая сейчас, она тем не менее испускала некие флюиды зла, от которых шел мороз по коже…

(Лицо у него какое-то ледяное.).

Да нет, это просто бред… Вскочив на ноги, мальчик бросился бежать и только теперь окончательно понял, что это сон: в дальнем конце своего собственного сада он вдруг увидел дом, которого там никогда не было, равно как и окружавших его громадных деревьев. Дом этот под тростниковой крышей был не более двадцати футов высотой, с маленькой коричневой дверью между двумя окошками. Ни дать ни взять сказочная избушка, не только безопасная, но и уютно-гостеприимная.

Она спасет его от неведомого зла, шагающего по Мейса-лейн.

Мальчик сразу понял, что это дом доброго волшебника.

Миновав обступившие дом деревья и распахнув дверь, мальчик ощутил глубокий вздох сожаления и досады, будто испущенный всем, что его доселе окружало: ржавыми качелями, бассейном Сисси Харбинджер, газонокосилкой Коллиса Фалька, но прежде всего незнакомцем с Мейса-лейн, понявшим, что мальчишка от него ускользнул.

– А, это ты, – проговорил волшебник – старик в просторном, сильно поношенном халате, с изборожденным глубокими морщинами лицом, большую часть которого прикрывала пышная борода. Откинувшись на спинку стула, он улыбался мальчику.

Тот как-то сразу понял, что перед ним старейший из волшебников, а сам он стал персонажем никем не написанной сказки. – Здесь ты в безопасности, – заверил его старик.

– Да, я знаю.

– Запомни это, – наставительно сказал волшебник. – И еще одно запомни: тут все иначе, нежели там.., снаружи.

– Ведь это сон, да? – спросил мальчик.

– Кто знает, что есть сон, а что – реальность ? – вздохнул волшебник. – Тот мир, в котором ты живешь, есть суета сует, а то, что порой считают вздором, нередко преисполнено глубокого смысла. Поверь мне на слово, глубокого смысла. Но ты хороший мальчик, ты это поймешь. – В руке волшебника возникла курительная трубка. Он глубоко затянулся и выпустил густое облако серого дыма. – О да, ты найдешь то, что должен найти. Все будет хорошо. Тебе, конечно, придется преодолеть смертельную опасность, сдать такой экзамен, к которому не готовят в школе. Будет у тебя и своя, – он хихикнул, – Красная Шапочка, а также серый волк и все такое прочее. Но у тебя есть голова на плечах, поэтому все испытания ты преодолеешь.

– Настоящие Красная Шапочка и серый волк? Как в сказке?

– Да, как в этой и в других сказках, – рассеянно проговорил волшебник и вдруг спросил:

– Скажи-ка мне, как поживает твой отец?

– Отец? По-моему, с ним все в порядке.

Волшебник кивнул и выпустил очередное облако дыма. Мальчику показалось, что он очень слаб, этот древний-предревний волшебник, некогда могущественный, а теперь почти утративший силу и с трудом удерживающий даже трубку.

– Я, конечно, мог бы научить тебя кое-чему, но, наверное, это тебе не нужно, – сказал старик. – Впрочем, кажется, я передал тебе главное. Это темный-темный лес. Не будь я таким дряхлым… Жаль, конечно, что я так стар…

На какое-то мгновение он, похоже, задремал: лишь трубка во рту продолжала дымить, да кисти рук подрагивали на коленях. Но вот его водянистые глаза опять открылись.

– У тебя ведь нет ни братьев, ни сестер?

Мальчик кивнул.

– Теперь можешь вернуться домой, сынок, – он уже ушел. – Волшебник улыбнулся. – И помни: отныне тебе предстоит вести борьбу, тяжелую борьбу.

Волшебник вновь закрыл глаза. По логике вещей мальчику именно теперь полагалось пробудиться от сна, но просыпаться страшно не хотелось. Он выглянул в окно и вместо своего двора увидел лес. Плотные облака тумана окутывали деревья серой мглой.

Старец пошевелился, открыл глаза и посмотрел на растерявшегося мальчика.

– Да, вот еще что: сердце твое будет разбито, – промолвил он. – Ведь это то, что ты ожидал услышать? Так будь же к этому готов и знай, что иначе ты пропадешь, мой мальчик. За все нужно платить, и, к сожалению, тебе придется заплатить сполна. Ты меня понял ?

– Понял, – пробормотал мальчик, пятясь к двери. – Спасибо за предупреждение.

– Поверь, иного выхода для тебя нет.

– Да, мне все понятно.

– И остерегайся серых волков. Не забывай об этом.

– Я буду помнить.

Мальчик наконец покинул дом волшебника, думая, что тот опять уснул. Деревьев вокруг дома уже не было. Отойдя чуть дальше, он вдруг увидел самого себя, спящего в траве возле сорванного одуванчика.

Глава 1

По целому ряду причин школа Карсона претерпела кардинальные изменения и даже называется теперь по-другому. Раньше это была школа для мальчиков, очень, старомодная, с причудливыми и порой чересчур суровыми порядками. Лишь повзрослев, мы, тогдашние ученики, уразумели, что железная дисциплина насаждалась с единственной целью: скрыть весьма убогую сущность родимой альмаматер. В самом деле, только во второразрядной школе такой человек, как Лейкер Брум, мог занять должность директора, а уж удержаться на этом месте сколь-нибудь продолжительное время он смог бы только в третьесортном учебном заведении, каковым школа Карсона по сути и являлась.

В ту пору, когда Джон Кеннеди был еще сенатором от штата Массачусетс, "Макдональдс" продавал не более двух миллионов гамбургеров в год, а узенькие галстуки и воротники с петлицами впервые входили в моду, школа Карсона славилась неумеренно спартанским воспитанием, гипертрофированной чопорностью и болезненной заботой о своей репутации. Теперь же это привилегированное учебное заведение для сыновей и дочек богатеньких родителей, которые гнушаются обычными, а тем более государственными школами. Столь же разительно изменилась и плата за обучение: с семисот пятидесяти долларов в год она подскочила почти до четырех тысяч.

Школа теперь и расположена в другом месте. Когда я учился в ней вместе с Томом Фланагеном, Дэлом Найтингейлом и другими, она занимала старинный готический особняк на вер-

шине холма и еще современную пристройку из стекла и стальных балок, причем старая часть как будто поглощала новую, а весь комплекс навевал смертельную тоску и чувство безысходности.

Главное здание, как и расположенный позади него просторный и не менее старинный спортивный зал, было в основном деревянным. Полированные деревянные стены директорского кабинета, дубовые книжные стеллажи библиотеки, лестничные перила и в особенности натертый до блеска фигурный паркет коридоров неизменно очаровывали состоятельных родителей, демонстрирующих приверженность ко всему британскому. Классные комнаты напоминали большей частью крошечные камеры с окнами-бойницами, панельными стенами и уродливыми радиаторами отопления, которые почти не функционировали. Скорее всего, здание изначально было задумано как главное из усадебных строений, но по каким-то причинам переделано под школу, причем на скорую руку.

Проезжая раз в два-три года мимо новой школы на Куантум-хиллз, я вижу ее удлиненный фасад из красного кирпича, стилизованный под строения эпохи английских королей Георгов, обширные ярко-зеленые газоны вокруг здания, а чуть поодаль – такое же изумрудное футбольное поле. Все это так похоже на университетский кампус, да и порядки тут, насколько мне известно, никак уж не сравнить с теми, что существовали в наше время. Наверное, в здешних школьных коридорах никогда не раздавался зловещий шепоток:

"Ты ничтожество! Заруби себе на носу, что я – спаситель твой, твоя путеводная звезда, твой луч света во тьме".

"Я – спаситель твой…" Так заявляло о себе зло. Это был голос дьявола – могущественного и одновременно бессильного в своей злобе.

Глава 2
ПЕРВЫЙ ДЕНЬ В ШКОЛЕ: 1958

Темная лестница, мерцающий полумрак в коридоре, освещаемом лишь расставленными вдоль одной из стен свечами в блюдцах, куда стекал воск. Наверное, распределительный щит взорвался или где-то сгорела проводка, а дворник, он же завхоз, не явится до завтрашнего утра, когда все остальные школьники придут на регистрацию перед началом учебного года. Даже загорелые за лето лица двух десятков новичков, слонявшихся по коридору, выглядели при свечах бледными и потому казались испуганными.

– Добро пожаловать в нашу замечательную школу, – пошутил кто-то из четверых или пятерых учителей, собравшихся у прохода в еще более темный коридор, который вел в административную часть здания. – Не думайте, что тут всегда такой бардак: бывает и гораздо хуже.

Один из новичков вымученно хихикнул. Строго говоря, новичком никто из них не являлся: все они учились в начальных классах той же самой школы Карсона, только не здесь, а в здании с мансардой, расположенном внизу.

– Сейчас начнем, – оборвал смешок другой учитель. Он был самым старшим из всех и самым высокорослым, с узкой морщинистой физиономией, напоминавшей черепашью морду. На длинном носу красовалось пенсне, поблескивавшее, пока он вертел головой, стараясь выяснить, который из учеников хихикнул. Чуть вьющиеся волосы, разделенные идеально прямым пробором, придавали ему несколько карикатурное сходство с барменами конца прошлого века. – Так вот, дорогие мои, кое-кому из вас следует накрепко усвоить, что время игрищ и веселья кончилось. Здесь вам не младшие классы. Хоть вы пока еще и сосунки, к вам будут предъявляться требования как ко взрослым. Это понятно?

Не услышав ответа, он громко засопел, что было, без сомнения, признаком приближающейся вспышки гнева.

– Я спрашиваю: это понятно! Вы что, остолопы, оглохли?

– Нет, сэр… То есть да, сэр, понятно.

– Это ты, Фланаген?

– Я, сэр, – отозвался ладно скроенный мальчик с копной рыжевато-русых волос. Лицо его в колеблющемся свете свечей казалось доброжелательно-учтивым.

– Ты ведь играл в футбол за младшую команду, так?

– Да, сэр.

Все новички невольно напряглись.

– Отлично. Крайним?

– Да, сэр.

– Великолепно. Подрастешь на фут, и через пару лет попробуем тебя в университетском дубле. Хороший крайний нам бы очень пригодился… – Учитель кашлянул в кулак, взглянул через плечо на темный коридор административной части и скорчил недовольную гримасу. – Полагаю, мне следует объяснить причину этого невероятного.., гм.., происшествия. Видите ли, школьный секретарь не может разыскать ключ вот от этой двери. – Он раздраженно постучал костяшками пальцев по тяжелой дубовой двери за своей спиной. – Разумеется, Тони ее открыл бы, однако он выходит на работу только завтра. Делать нечего. Думаю, мы сделаем все, что положено, и при свечах.

Он оглядел нас так, словно последними словами бросил вызов. Лицо его показалось мне не шире ребра доски, а глаза были посажены так близко, что почти соприкасались.

– Кстати, все вы будете зачислены в юниорский дубль футбольной команды университета, – заявил он. – Вас всего двадцать – один из самых малочисленных классов в школе, и на поле нам понадобятся все. Этот год станет для вас решающим. Конечно, сделать из всех вас более-менее приличных футболистов нереально, но, могу заверить, мы приложим все усилия.

Другие преподаватели явно заскучали, однако он не обратил на это ни малейшего внимания.

– Некоторых из вас я знаю по отзывам, кстати весьма лестным, Эллингхаузена, тренера восьмого класса, другие же мне совершенно незнакомы. Вот ты, к примеру. – Он ткнул пальцем в толстячка рядом со мной. – Имя?

– Дейв Брик.

– И все?

– Дейв Брик, сэр, – поправился парнишка.

– Ты будешь центровым.

Дейв был явно ошарашен, однако покорно кивнул.

– Ты? – обратился учитель к маленькому пареньку с кожей оливкового цвета и темными глазами.

Тот вместо ответа только что-то пискнул.

– Имя? – повысил голос учитель.

– Найтингейл, сэр…

– Надо бы тебе, Найтингейл, немножко нарастить мясца, а то что это – кожа да кости.

Найтингейл кивнул, и я заметил, как у него дрожат коленки.

– Ну-ка, малыш, отвечай как положено: да, сэр, нет, сэр…

Кивок – это не ответ!

– Да, сэр.

– Мяч-то хоть перехватывать умеешь?

– Думаю, да, сэр.

Учитель фыркнул и опять обвел нас взглядом. Запах горящего воска в коридоре становился все сильнее. Внезапно узколицый протянул руку и ухватил Дейва Брика за свисавшую на лоб кудрявую челку.

– Брик! Немедленно убрать эту гадость! Не то я тебе ее отстригу самолично!

От неожиданности Брик дернулся назад. Кадык его заколыхался, словно он сдерживал подступившую тошноту.

Учитель убрал руку и вытер пальцы о свои мешковатые брюки. Затем как ни в чем не бывало продолжил:

– Сейчас, пока школьный секретарь готовит нужные вам бумаги – всякие там анкеты и тому подобное, я вам представлю присутствующих здесь преподавателей. Меня зовут мистер Ридпэт. Я веду всемирную историю и, как вы уже наверное догадались, тренирую футбольную команду. Предмет мой вы начнете изучать лишь через два года, а вот на поле мы увидимся гораздо раньше. Далее. – Сделав шаг в сторону, он повернулся так, что лицо его оказалось в тени. – Здесь перед вами большинство учителей, с которыми вы встретитесь в этом году. С мистером Торпом, преподавателем латыни, вы будете иметь удовольствие познакомиться послезавтра. Латынь – предмет такой же обязательный, как футбол, английский или математика. Мистер Торп – великий педагог и, кстати, такой же несговорчивый, как я. Во время Первой мировой войны он был летчиком. Для вас большая честь учиться у мистера Торпа. Мистер Уэзерби, учитель математики, станет вашим классным руководителем. Со всеми проблемами можете обращаться к нему, хотя, поскольку он перебрался к нам из самого Гарварда, вряд ли он снизойдет до вашей чепухи.

Маленький человечек в роговых очках и изрядно помятом пиджаке, мешком свисавшем с плеч, поднял голову и улыбнулся.

– Рядом с мистером Уэзерби – преподаватель английского мистер Фитцхаллен. Он из Амхерста.

Моложавый, приятного вида мужчина – тот самый, что пошутил насчет школьного бардака, – поднял руку в приветственном жесте. Судя по выражению его физиономии, излияния мистера Ридпэта нагнали на него смертную тоску.

– Мистер Уиппл, история Америки. – Этот был совершенно лысым крепышом с личиком настоящего херувима, в яркой, но не очень чистой спортивной куртке. Эмблема школы была приколота к ней простой булавкой. Он поднял руки и потряс сплетенными кистями над головой в знак приветствия. – Мистер Уиппл представляет в нашей школе университет Нью-Гемпшира.

Ридпэт оглянулся в темный коридор. Лишь из-под одной двери пробивалась слабая полоска света.

– Ты ей не поможешь? – обратился он к Уипплу из Нью-Гемпшира. Тот, кивнув, исчез во тьме. – Через пару минут бумаги будут готовы, а пока можете поболтать.

Болтать мы, разумеется, не стали, а просто топтались в коридоре, пока мистер Ридпэт не окликнул нас:

– Ну-ка подойдите все сюда. Кто те двое, кому выделена стипендия? Поднимите руки.

Мы с Чипом Хоганом подняли руки. Все с любопытством посмотрели в нашу сторону. По сравнению с нами все остальные, включая даже Дейва Брика, выглядели просто богачами.

– Так-так.., ваши имена?

Мы назвались.

– Так ты тот самый Хоган, который в прошлом году победил на дистанции в семьдесят пять ярдов?

– Да, это я, – ответил Чип, забыв добавить обязательное "сэр", на что мистер Ридпэт почему-то не обратил внимания.

– Вы оба сознаете, я надеюсь, какую грандиозную возможность получаете?

– Да, сэр, – ответили мы в один голос.

– А остальные? Вы все это сознаете?

Нестройным хором новички ответили, что сознают.

– Вы все должны понять, что вам теперь предстоит трудиться так, как вы никогда не трудились. То же относится и к спорту: мы вас заставим играть так, как вам никогда еще не дово-

дилось. Это я вам твердо обещаю. Мы сделаем из вас настоящих мужчин, достойных школы Карсона. Таких, какими школа могла бы гордиться. А у кого кишка окажется тонка, – тут он презрительно скривился, – тому придется иметь дело с мистером Торпом, и я таким ох как не завидую.

В коридор выплыла громадных габаритов пожилая дама, за которой следовал мистер Уиппл с ручным фонариком.

Дама, в коричневой шерстяной кофте и с поблескивавшим на носу пенсне, держала толстую стопку рассортированных и сложенных крест-накрест бумаг.

– Представляете, – сходу начала она, – нашла под копировальным аппаратом! Френчи не только чашки за собой никогда не моет, он даже не думает класть что-либо на место. – Не переставая ворчать, она с шумом опустила стопку бумаг на переднюю парту. – Помогите-ка мне разложить документы.

Учителя поплелись выполнять просьбу. Ридпэт объявил торжественно:

– А это миссис Олинджер, школьный секретарь. Прошу любить и жаловать.

Миссис Олинджер с достоинством кивнула, взяла у мистера Уиппла свой фонарь и удалилась.

– Разбирайте бумаги и заполняйте, – распорядился Ридпэт.

Выстроившись согласно его указаниям в цепочку, мы стали обходить парты с разложенными документами, забирая по одному экземпляру каждого.

Следовавший за мной парнишка что-то пробормотал. Ридпэт его расслышал и тут же взорвался:

– Как это нет карандаша?! Первый день в школе и без карандаша! Ну-ка напомни, как тебя зовут.

– Найтингейл, сэр.

– Ах да, Найтингейл, – с гримасой отвращения повторил Ридпэт. – Послушай, откуда ты такой взялся? Где ты учился раньше? В какой школе?

– В точно такой же школе, сэр, – промолвил Найтингейл своим девчачьим голосом.

– Что-о-о?!

– В Эндовере, сэр. Я учился в прошлом году в Эндовере.

– Я дам ему карандаш, сэр, – вмешался Том Фланаген.

Покончив с разбором бумаг, мы выстроились в дальнем конце коридора, в кромешной темноте, ожидая дальнейших указаний.

– По лестнице наверх, в библиотеку, – устало приказал Ридпэт.

Глава 3

Мы поднялись по лестнице туда, куда несколько минут назад удалилась миссис Олинджер. Ступени были освещены лучами предзакатного солнца, пробивавшимися сквозь окна-бойницы, а вот здесь окна между стеллажами были внушительных размеров, и, если бы не сумрачный интерьер, свойственный любой библиотеке, помещение просто сияло бы. К тому же наверху я заметил громадные люстры-канделябры, которые, надо думать, ярко горели в обычные дни занятий. Теперь же длинные ряды полок, уставленные книгами, в большинстве своем без суперобложек, придавали помещению пустынно-мрачноватый вид.

Широкие и длинные письменные столы, также из темного дерева, были расставлены в два ряда в центре свободной от стеллажей части помещения. Мы положили на них наши бумаги. Прямо перед нами находился стол библиотекаря, рядом с ним – отдельный стеллаж со словарями и справочниками, а также ящички картотеки. Миссис Олинджер наблюдала, как мы гуськом входили в библиотеку и рассаживались, а возле нее стояла незнакомая худая дама с завитыми белокурыми волосами; черное платье и очки в золотой оправе неплохо сочетались

с ниткой жемчуга вокруг ее шеи. Последними вошли учителя и, разместившись за одним задним столом, тут же принялись переговариваться.

– Минуточку внимания, – миссис Олинджер укоризненно взглянула в их сторону, и учителя тут же замолчали. Лишь кто-то из них принялся постукивать карандашом по столу, чем и продолжал заниматься все время, пока мы оставались в библиотеке.

– Позвольте вам представить миссис Тьют, нашего библиотекаря, – сказала миссис Олинджер. Худая дама с ниткой жемчуга кивнула как-то нервно, словно у нее был тик. – Таким образом, вы сейчас находитесь в ее владениях. Сейчас вы заполните регистрационные анкеты, после чего миссис Тьют покажет вам библиотеку и объяснит, как ею пользоваться. Если у кого-то возникнут вопросы по анкетам или по информации, изложенной в других листках, которые вам розданы, поднимите руку, и кто-нибудь из учителей поможет вам.

Карандаш продолжал барабанить по столу.

Покончив с анкетой, я огляделся. Большинство новичков, за исключением одного-двух, уже закончивших, продолжали писать. Злосчастная челка Дейва Брика опять упала ему на лоб. Физиономия его от натуги покраснела и покрылась капельками пота: у него, очевидно, были проблемы. Брик поднял руку, и мистер Фитцхаллен не спеша проследовал к его столу.

– Похоже, он мужик что надо, – шепнул мне на ухо Боб Шерман.

Мы оба принялись наблюдать, как Фитцхаллен, вытащив руки из карманов элегантного пиджака, склонился к бумагам Брика. Изящество, судя по всему прирожденное, сквозило во всем облике учителя, но не оно вызвало у Шермана симпатию. Среди преподавателей мистер Фитцхаллен был самым молодым – ему, очевидно, не исполнилось и тридцати. Даже беззаботно-рассеянное выражение его лица, чуть отстраненное и в то же время доброжелательное, сближало его скорее с нами, чем с коллегами-учителями. Фитцхаллен выпрямился, подошел к столу библиотекаря и вернулся с шариковой ручкой, которую и протянул Брику коротким жестом, при этом вид его, как и этот жест, выражал чуть насмешливое добродушие. Этот короткий эпизод словно говорил нам, что еще недавно мистер Фитцхаллен был таким же школьником и что его теперешнее положение служит для нас живым примером, которому неплохо было бы последовать.

Этот образ – один из трех, оставшихся со мною навсегда со школьных дней, – быть может, менее яркий, чем два других (о которых ниже), но точно так же неразрывно связан, хоть и по-своему, с дальнейшими событиями. Сейчас, оглядываясь в прошлое, вспоминая тот добродушно-насмешливый жест молодого учителя, протягивающего шариковую ручку злополучному страдальцу Дейву Брику, я не перестаю удивляться тому, как легко нас, маленьких простачков, можно было обмануть элегантным внешним видом и безукоризненными манерами.

***

Полдюжины листков, полученных нами вместе с анкетой, содержали самую разнообразную информацию о школе. Тут был текст школьной песенки («Восславим же, друзья, родную нашу школу, что высится там, на зеленом холме»), гимн футбольной сборной («Зеленое на золотом»), девиз школы на латыни: «Alls volat propriis» – со следовавшим тут же переводом: «Летящий на собственных крыльях». Кто этот «летящий», было непонятно. Скорее всего, это относилось к Б. Тармену Бантеру, который в 1901 году основал предшественницу школы – академию Лоудстар. Свое теперешнее наименование школа Карсона обрела в 1914 году, когда директором был Томас А. Роуэн, «англичанин по рождению с ирландскими корнями», как следовало из пояснения. Отдельный листок содержал перечень директоров школы, начиная с Роуэна и заканчивая нынешним, Лейкером Брумом. В списке преподавательского состава было десятка три имен, причем последнее – Александр Уэзерби – вписано чернилами. Выяснилось также, что книжный фонд библиотеки насчитывает двадцать тысяч томов, что число учеников

так называемой Верхней школы (в противоположность Нижней – начальной) равняется ста двенадцати, что школа располагает двумя футбольными полями и столькими же площадками для бейсбола. Был даже отдельный список учащихся старших классов, где звездочками отмечались имена старост.

Какая-то возня сзади заставила меня обернуться. Возле одного из столов я увидел побагровевшего мистера Ридпэта.

Левой рукой он ухватил за шиворот беднягу Найтингейла, а правую сунул под стол, пытаясь добраться до какой-то штуковины, которую насмерть перепуганный Найтингейл хотел передать соседу, Тому Фланагену. Тот тоже выглядел испуганным, хотя и не так, как Найтингейл. Наконец, завладев столь разгневавшим его предметом, мистер Ридпэт триумфально воздел руку.

– Что-о-о?! Карты?! – зарычал учитель.

Это была и в самом деле упаковка от игральных карт, и еще даже не закрытая, значит, колоду только что засунули обратно, когда заметивший криминал мистер Ридпэт поднял шум. Трое остальных преподавателей и все ученики ошеломленно уставились на эту сцену, а раскрасневшийся Ридпэт принялся допрашивать виновников происшествия:

– Кто из вас принес эту гадость в школу? Чьи карты?

А ну, быстро признавайтесь!

– Мои, – выдавил Найтингейл. Сейчас он напоминал мышонка в когтях кошки.

– Та-а-ак… – Учитель, дернув мальчика за воротник, злобно оглянулся по сторонам: он определенно не верил, что такой замухрышка способен на подобное. – Ничего не понимаю… А ну, говори ты, Фланаген!

– Сэр, он всего лишь собирался показать мне новый карточный фокус.

– Новый. Карточный. Фокус, – раздельно повторил Ридпэт, вздергивая Найтингейла за шиворот так, что его галстук зацепился за ухо. – Новый карточный фокус! – Внезапно Ридпэт выпустил из рук воротник мальчика. Колода с глухим стуком шлепнулась на стол. Впрочем, учитель тут же накрыл ее ладонью. – Эту мерзость я выброшу. Миссис Олинджер, подойдите, пожалуйста.

Она приблизилась к столу. Мистер Ридпэт убрал ладонь с колоды. Миссис Олинджер взяла карты, даже не взглянув на них, затем направилась к мусорной корзине, после чего вернулась на место.

– Так вот, фокусники, – проговорил мистер Ридпэт, – на сей раз вам это сойдет с рук, но лишь потому, что сегодня ваш первый день в школе. – Склонившись над столом, он переводил взгляд с одного мальчика на другого. – Но больше чтоб такого не было. Никогда карты в школе больше не появятся. Понятно вам? – Найтингейл с Фланагеном согласно кивнули. – Ишь, фокусники… Лучше бы хорошенько запоминали то, что напечатано на этих вот листках: вам это очень пригодится. А ты, Фланаген, учти: свою карьеру в школе ты начинаешь из рук вон…

Слова эти прозвучали как угроза. Вернувшись за свой стол, Ридпэт утомленно сжал пальцами виски.

– Передайте регистрационные анкеты по рядам вперед, – распорядился мистер Фитцхаллен.

Взглянув на Найтингейла, я увидел, что оливковая кожа его лица от только что пережитого испуга стала пепельно-серой.

Спустя несколько минут мы через темный холл направились на нашу первую аудиенцию у директора Лейкера Брума.

Кабинет директора располагался внизу, в самом сердце старинного особняка. Миссис Олинджер, что-то бормоча себе под нос, спускалась первой и освещала карманным фонариком путь остальным. За нею шли учителя, последний из которых, мистер Уиппл, держал свечу для

нас, замыкающих шествие. На лестнице, впрочем, это казалось лишним – через окна-бойницы все еще проникал свет, а вот в вестибюле уже было совсем темно.

Именно отсюда начинался коридор, ведущий в административную часть здания, откуда к нам впервые вошла миссис Олинджер. Пол был застлан восточным ковром. Напротив резной деревянной арки, обозначавшей вход в коридор, виднелась тяжелая дверь, также из дерева, с прикрепленными крест-накрест длинными стальными пластинами. Она походила на парадный вход в церковь.

Остановившись в зыбком свете свечи, мы притихли.

Мистер Фитцхаллен лишь один раз стукнул в тяжелую дверь.

Проговорив: "Удачи вам, мальчики", миссис Олинджер исчезла в коридоре вместе со своим фонариком. Фитцхаллен открыл дверь, и мы вошли.

***

В глаза ударил яркий свет, а в нос – сильный запах воска: на каждом свободном дюйме стояла по меньшей мере пара свечек. Впечатление, что мы вдруг очутились в церкви, усилилось. За письменным столом восседал директор, сняв пиджак и закинув руки на затылок. Директор встретил нас улыбкой:

– Подойдите ближе, мальчики, дайте мне вас рассмотреть.

Когда мы скучились перед столом, он опустил руки и поднялся.

– Только постарайтесь не уронить какую-нибудь свечку, хорошо? – шутливым тоном проговорил он. – Обожаю свечи, однако они могут быть опасны в смысле пожара. – Он был невысокого роста, худощавый, с коротким ежиком седеющих волос и глубокими бороздами морщин у рта. – Знаете, директор напоминает невольника: он должен быть на рабочем месте, даже когда занятий нет. Тем самым я хочу сказать, что при необходимости вы можете меня здесь найти практически в любое время. Зовут меня мистер Брум. Ну что вы так робеете? Не стесняйтесь. Если у вас ко мне возникнут какие-то вопросы, обратитесь к миссис Олинджер, и она назначит время, когда я вас приму.

Скрестив руки на груди, он сделал шаг назад и облокотился о темный книжный шкаф. Директор носил очки в тяжелой роговой оправе. Сорочка на нем была тщательно выстиранной и отутюженной. Вообще все, что касалось директора, было безукоризненным: от внешнего вида самого мистера Брума до его кабинета, обставленного несколько старомодно, но со вкусом.

– Конечно, – продолжал он, – гораздо более вероятно то, что вас будут приглашать в сей кабинет по необходимости, причем отнюдь не всегда для вас приятной. – Рот его слегка скривился. – Надеюсь, однако, что это относится лишь к немногим. Большинство наших учеников прилежны и трудолюбивы, а потому проблем у них не возникает. Тем не менее должен предупредить вас: те, у кого они в самом деле появляются, в нашей школе не задерживаются. Если вы хотите пользоваться сполна теми преимуществами и благами, которые дает учеба в школе Карсона, вы обязаны усердно заниматься, быть послушными, достойно вести себя и не отлынивать от занятий спортом. Учитывая отмеченные мною преимущества и блага, требования эти не столь уж обременительны. – Он снова одарил нас улыбкой. – Настаивать на их строжайшем исполнении не только наше право, но и долг.

Я, как и весь педагогический коллектив, имею твердое намерение работать так, чтобы в каждом из вас школа оставила добрый след, чтобы, кем бы вы впоследствии ни стали, люди говорили бы о вас с гордостью как о выпускниках школы Карсона. Вот так.

Он посмотрел поверх наших голов на учителей, и большинство из нас обернулись. Мистер Уиппл листал заполненные нами анкеты. Мистер Ридпэт стоял, как солдат по команде "вольно": расставив ноги и заложив руки за спину.

Двое остальных вперили взгляд в пол, словно не желая встречаться глазами с директором.

– Бумаги у вас, мистер Уиппл? – осведомился тот. – Дайте их мне, пожалуйста.

Уиппл, быстро обойдя нас, подошел к директорскому столу и положил стопку анкет прямо перед кожаным креслом.

– Сэр, обратите внимание на две верхние анкеты, – сказал он, отходя.

– Что? А, понятно. – Директор шагнул к столу, при этом оправа его очков блеснула в отблеске свечей красноватым светом. Он взял два верхних листка. – Так, Найтингейл и Шерман, попрошу вас остаться на минутку. Остальные пройдите в библиотеку, там получите учебники и расписание занятий. Мистер Ридпэт, проводите их.

Минут через пятнадцать Найтингейл и Шерман вошли в библиотеку и будто сомнамбулы двинулись к столам, на которых теперь были разложены учебники. У Шермана горели щеки.

– Ну что? – шепнул я ему. – Что ему от вас понадобилось?

Шерман изобразил усмешку:

– Да это просто старый вонючий пердун…

Затем нам показали наши шкафчики в коридоре второго этажа новой пристройки. Стены здесь были из стекла, сквозь которое виднелся мощенный гравием школьный двор с единственным растением – лимонным деревом.

Спустя несколько недель Том Фланаген поведал мне, почему директор задержал Боба Шермана и Дэла Найтингейла. Оказывается, Найтингейл не указал в анкете имена родителей. Родители его умерли, а жил он с крестными отцом и матерью, которые только что переехали из Бостона и поселились на Сансет-лейн, в четырех или пяти кварталах от школы. Случай с Шерманом был сложнее: мистер Брум устроил ему настоящую головомойку.

Глава 4
НЬЮ-ЙОРК, АВГУСТ 1969-ГО: БОБ ШЕРМАН

– Что я тут делаю? – допытывался у меня Шерман. – Ты можешь объяснить, за каким дьяволом я торчу здесь, вместо того чтобы балдеть где-нибудь на Гавайях, потягивая «Коорс» и таращась на океан?

Мы сидели в его офисе, и говорил он громко, стараясь перекричать рок-музыку, несущуюся из стереосистемы. Офис занимал ряд комнат в здании, где раньше располагалось немецкое посольство. На потолках в двенадцать футов высотой сохранилась лепнина. Один диван, обитый натуральной кожей, стоял возле длинного письменного стола, другой такой же – у стены. Громадный бостонский папоротник в кадушке рядом с колонками фирмы "Боуз" выглядел так, словно его накачали витаминами. На полу по всему ковру с длиннющим ворсом были раскиданы пластинки.

– У тебя ведь на любой вопрос был всегда готов ответ, – продолжал бесноваться Шерман. – Так поведай мне: что я забыл в этой занюханной дыре? Ты-то здесь потому, что я здесь, но я-то здесь зачем? Молчишь? Один из проклятых сакраментальных вопросов, да? Слушай, тебе эта музыка не осточертела? Пожалуй, сменю пластинку, если ты не возражаешь.

Зазвонил телефон, уже в шестой раз с тех пор, как я вошел в офис. Произнеся: "О Господи!", Шерман поднял трубку, одновременно показав знаком, чтобы я поставил новую пластинку.

Сделав это, я уселся на диван и вытянул ноги. По телефону Шерман разливался соловьем. Это он умел – недаром получил диплом юриста. А еще заработал язву, да и нервы у него были ни к черту. Такую вот цену пришлось заплатить за то, что зарабатывал он, пожалуй, больше всех наших бывших одноклассников. В одежде он теперь стал исключительно разборчив, вот и сейчас на нем был щегольской рыжевато-коричневый пиджак, желтоватые очки-хамелеоны и того же цвета туфли из мягчайшей натуральной кожи. Зажав трубку плечом и скрестив на груди руки, он облокотился о подоконник и кисло улыбнулся мне.

– Вот что я тебе скажу, – начал он, положив наконец трубку. – Филдингу следует возблагодарить Господа за то, что не подался в музыкальный бизнес, хоть он и был в сто раз талантливее большинства этих лабухов, с которыми мне приходится иметь дело. Как он, кстати? Все еще пытается получить диплом доктора философии?

Я кивнул. Вдруг мне пришло в голову:

– Знаешь, когда ты стоишь вот так, облокотившись о подоконник, то чертовски напоминаешь Змеюку Лейкера.

– Ну, теперь меня еще больше потянуло на Гавайи, – расхохотался он. – Да, Змеюка Лейкер, Лейкер Брум… Что это тебе напомнило о нем?

– Да просто твоя поза.

Он опустился на диван и взгромоздил ноги на стол.

– Его давным-давно следовало запереть под замок. Надеюсь, теперь он уже не директорствует?

– Он много лет назад ушел на пенсию, точнее, разумеется, его "ушли". Никогда бы я не согласился с ним работать. – Вообще-то, я и сам только что ушел из школы, где в течение трех лет преподавал английский. – Кстати, я никогда не спрашивал, а если и спрашивал, то забыл, что ты ответил: о чем это вы беседовали со Змеюкой в первый день?

Ну, помнишь, когда он оставил тебя и Найтингейла в кабинете.

– А, когда мы заполняли регистрационные анкеты? – ухмыльнулся он. – Старая задница, я же рассказывал, ты просто все забыл. Между прочим, это мой коронный номер на вечеринках. Если ты еще не передумал и зайдешь в субботу вечером, там мне и задай этот вопрос.

Ну конечно же, теперь я вспомнил! В один неимоверно жаркий вечер (хотя дело и было поздней осенью) мы сидели в "берлоге" его отца и пили охлажденный чай из высоких бокалов с надписью "На здоровье!".

– Приду всенепременнейше, хотя бы ради того, чтобы еще раз услышать это, – заверил я его.

В Нью-Йорке я оказался проездом, по пути в Европу, и, кроме Шермана и Филдинга, мне в этом городе видеть не хотелось никого. К тому же Шерман умел отлично готовить, а его вечеринки отличались типично холостяцкой расточительностью.

– Ну и отлично, – заключил он как-то отстраненно.

Похоже, мысли его снова принялись витать вокруг забот, в избытке доставляемых ему двадцатилетними гениями, с которыми Шерману приходилось работать. – Да, – вдруг вспомнил он, – я тут случайно встретил Тома Фланагена. Представляешь, он выглядит по меньшей мере лет на сорок!

Вообще-то, этот парень – полный придурок. Подвизается в каком-то бруклинском притоне под названием "Красная Шапочка". Это с его-то талантом! Да, магия деградирует…

Я помню удивительные вечеринки у Шермана еще по временам, предшествовавшим его переезду в Лос-Анджелес, и эта, субботняя, соответствовала лучшим традициям. Сидевший слева от меня знаменитый фолк-певец, смахнув со своей пышной бороды остатки пищи, принялся рассказывать о миллионном деле с наркотиками, в которое были замешаны двое его не менее знаменитых коллег. Блондинка рядом с Бобом, похожая на англичанку, причем жительницу сельской местности (к этому типу старина Боб был всегда неравнодушен), откупорила бутылку коньяка. Шерман выковыривал вилкой кусочки ветчины из остатков салата.

– Мой друг, что сидит напротив, хотел, если я не ошибаюсь, услышать одну старую историю, – сказал он.

– Отлично, – произнес фолк-певец, решив, что обращаются к нему.

– История эта про то, как небезызвестный в узких кругах Змеюка Лейкер оказал нам радушный прием в школе, где он был директором. В тот первый день мы заполняли регистрационные анкеты. В графу, где спрашивалось о любимом предмете, я вписал "финансовое

дело". – Блондинка и фолк-певец расхохотались: Шерман слыл замечательным рассказчиком. – Один жирный маленький говнюк по имени Уиппл – он вел у нас историю – подсунул мою анкету директору, этому самому Змеюке Лейкеру, и тот, завершив свою приветственную речь, оставил меня в кабинете вместе с еще одним парнишкой, которого, впрочем, тут же отослал подождать в холле. Я от страха чуть в штаны не наделал: вид у Змеюки был такой, что он напоминал нечто среднее между владельцем похоронного бюро и профессиональным киллером высокого класса. Он восседал за своим столом и ухмылялся мне в лицо. Так, вероятно, ухмыляются, намереваясь отрезать кому-нибудь яйца.

Подождав, пока смех стихнет, Шерман продолжал:

– "Так ты, оказывается, большой шутник? – сказал Змеюка. – Ну, здесь, уверяю тебя, такие шутки не проходят.

Впрочем, у тебя есть шанс: рассмеши меня. Валяй же, скажи что-нибудь смешное". Он заложил руки за голову, а я стоял как идиот, не в силах вымолвить ни слова. "Да ты никак дрожишь от страха, мистер Шерман? – усмехнулся Лейкер. – Скажи-ка мне, какой у нашей школы девиз. Молчишь? "Alis volatpropriis" – "Летящий на собственных крыльях". Ну, летящий, как я полагаю, должен время от времени приземляться, но главное то, что он летает, он умеет летать. Вот чего мы добиваемся от наших учеников, вот чего мы ждем от них, а вовсе не идиотских шуточек. Что ж, раз ты еще и трус – стоишь тут, будто воды в рот набрал, – тогда я расскажу тебе одну поучительную историю, а ты слушай внимательно.

Давным-давно жил-был мальчик. Когда ему исполнилось, если мне память не изменяет, четырнадцать лет, он покинул уютный, безопасный отчий дом и решил жить самостоятельно. Он считал себя большим хитрецом и умницей, однако в действительности был трусом и простаком и рано или поздно непременно плохо кончил бы. Знакомясь с разными людьми, он то и дело сыпал шуточками, которые, как он воображал, их смешили. На самом же деле люди смеялись над его самонадеянностью.

Однажды король этой страны проезжал по городу, и мальчик увидел его золоченую карету, настоящее произведение искусства, сработанное лучшими королевскими мастерами.

Шесть великолепных вороных коней были впряжены в карету. Когда она проезжала мимо, мальчик, обратившись к стоявшему рядом горожанину, сказал: "Что это за старый шут в разукрашенной повозке? Да он, наверно, весит столько же, сколько все шесть лошадей, так он отожрался за наш с вами счет". Видишь ли, Шерман, его, как и тебя, страшно интересовали финансы… Глупый мальчик ждал, что его собеседник станет хохотать, однако тот пришел в ужас: все добропорядочные граждане этой страны любили и уважали своего короля.

Случилось так, что король все слышал. Остановив карету, он велел своим людям привести маленького мерзавца во дворец. Слуги короля схватили мальчика и поволокли прямо по улицам, не обращая внимания на его вопли.

Его провели по бесчисленным комнатам дворца и втолкнули в тронный зал. Два свирепых пса на цепи сидели по обе стороны трона. Они зарычали при виде мальчика, однако остались на месте – охранять владыку. Мальчик же не помнил себя от страха: псы, как он заметил, были не только свирепыми, но и явно голодными.

"Ну, маленький шутник, рассмеши меня, иначе ты умрешь", – обратился к нему король. Мальчик, не в силах вымолвить ни слова, лишь дрожал как осиновый лист. "Даю тебе еще один шанс – рассмеши меня". И снова молчание.

"Фас, Череп!" – крикнул король, и пес, что сидел справа от трона, рванулся к мальчику и вцепился ему в правую руку.

"Последний шанс, шутник", – сказал король, и мальчик побелел как полотно. "Фас, Призрак!" Пес, сидевший слева, рванулся и вцепился в левую руку мальчика. "Теперь ты понял, к чему могут привести глупые шутки? Кушайте, мои собачки, кушайте", – заключил король".

Шерман скорчил гримасу.

– "Кушайте, мои собачки, кушайте", – повторил он. – От этих слов я чуть не блеванул прямо в директорском кабинете, а Змеюка стоял и ухмылялся. "Убирайся, и чтобы при подобных идиотских обстоятельствах мы с тобой больше не встречались", – проговорил он наконец. Повернувшись, я на негнущихся ногах побрел к двери и тут услыхал за спиной глухое рычание. Я обернулся – из-под директорского стола вылезал громадных размеров доберман. "Убирайся, живо!" – рявкнул на меня Лейкер-Змеюка, и я пулей выскочил в коридор.

– Вот дерьмо, – пробормотал фолк-певец.

Приятельница Шермана выразительно уставилась на него, ожидая эффектного финала рассказа. Я же теперь вспомнил все от начала до конца – и правда ведь, историю эту он рассказывал при мне уже не раз.

Шерман усмехнулся, глядя прямо на меня:

– Что, вспомнил? Это еще не все. Когда я уже был в дверях, этот садист крикнул из-за своего письменного стола: "Alis volatpropriis, мистер Шерман! Запомните это хорошенько!" А на стене рядом с дверью его кабинета я заметил табличку. Впрочем, ее нельзя было не заметить. Табличка гласила: "Не жди, пока станешь великим человеком. Будь великим учеником".

– Будь великим засранцем, – проговорил фолк-певец. – Вот же подонок, этот твой директор!

Мы с Шерманом расхохотались, чем немало его озадачили: история эта произвела на него впечатление и вряд ли показалась забавной. Блондинка, впрочем, хохотала тоже: у Шермана, был настоящий талант смешить, в особенности женщин. Давным-давно я понял, что в немалой степени благодаря этой способности он неизменно пользовался успехом у слабого пола.

Глава 5

Выйдя из школы, Том Фланаген и Дэл Найтингейл остановились на минутку, чтобы примерить школьные фуражки, розданные всем еще в библиотеке. Обоим они были велики так, что сваливались с головы.

– Какого они размера? – буркнул Том. – Разве что на головастиков… Ну ладно, завтра обменяем: там, в коробке, их еще осталось до черта. Кстати, известно ли тебе, как нужно их носить? Козырек должен отстоять от переносицы на два пальца.

Он продемонстрировал, как правильно надевать фуражку. Найтингейл попытался сделать то же самое, однако козырек упрямо сползал ему до кончика носа.

– Ничего, их придется носить только до конца первого семестра, – успокоил его Том.

Тем не менее оба поначалу с удовольствием щеголяли в дурацких головных уборах. Для Тома фуражка символизировала начало взрослой жизни. Старшие классы были в его глазах воротами в этот загадочный и пугающе-желанный мир взрослых, а старшеклассники выглядели почти как настоящие мужчины. Для Дэла же все обстояло гораздо проще: быть может, подсознательно он ощущал, что новая школа может стать для него домом. По его мнению. Том-уже теперь чувствовал себя там как дома.

В ту минуту Дэла обуревало одно-единственное желание: подружиться с Томом Фланагеном.

***

Я не уверен, что точно описываю душевное состояние четырнадцатилетнего Дэла Найтингейла. Однако несомненно, что в те первые недели в школе Карсона он чувствовал себя страшно одиноким. Том сказал мне как-то:

– Мне не доводилось видеть человека, который так нуждался бы в друге, как Дэл. По своей наивности я в то время не мог этого понять. И потом, ты же знаешь школьную среду: если

кто-то мечтает о понимании и дружеской поддержке, да просто о сочувствии, о возможности излить кому-то наболевшее, можно с уверенностью сказать, что он этого не дождется. Такова реальность, как это ни печально.

Никогда не предполагал, что Том настолько чувствителен к чужой душевной боли. Сентиментальность никак не сочеталась с его обликом: буйная копна рыжеватых волос, невысокая, атлетически сложенная фигура, довольно дорогая, хоть и слегка помятая одежда. Но дело даже не в этом – всякий, кто мало-мальски знал Тома Фланагена, мог бы утверждать, что он просто не способен на дружескую привязанность, поскольку сам в ней не нуждается.

В действительности это было совсем не так. По-моему, Дэл Найтингейл распознал истинную сущность Тома еще тогда, когда примерял постоянно сваливавшуюся ему на нос школьную фуражку.

***

– В моей книжке про карточные фокусы нет того, что ты мне пытался показать, – заметил Том.

– При переезде я прихватил с собой много таких книжек, – ответил Дэл, не решаясь сказать большего.

Однако Том сам взял на себя инициативу:

– Здорово! Покажешь? Идем к тебе, а оттуда я позвоню маме. Она собиралась заехать за мной в школу после регистрации, но кто же мог сказать, когда все это закончится? Ну так как мы до тебя доберемся? Доехать на чем-нибудь можно?

– Тут близко и пешком… – Дэл слегка замялся. – Вообще-то, дом это не мой: крестные снимают его.

Том лишь пожал плечами – дескать, не важно, – и они. спустившись по ступеням парадного входа, пересекли бульвар Санта-Роза, после чего двинулись по аллее Мира. Карсон был старым пригородным районом, вдоль тротуаров выстроились мощные дубы и раскидистые вязы. Дома, мимо которых они проходили, были знакомы Тому с пеленок: в большинстве своем двухэтажные, с удлиненным фасадом, каменные или деревянные, но все белого цвета. В каждом квартале обязательно были одно-два здания с крытыми галереями-верандами вдоль всего фасада. Сквозь многочисленные трещины бетонных плит тротуара проросла жесткая трава. Дэл, вся сознательная жизнь которого прошла в городских школах-интернатах, воспринимал всю эту патриархальную обстановку как нечто нереальное, похожее на сон. На какой-то миг он даже забыл, где находится и куда сейчас направляется.

– Не думай о Ридпэте, – сказал вдруг Том. – Он, конечно, псих, но тренер хороший. А вот кое-кого ожидают серьезные неприятности…

– Кого? – дрожащим голосом спросил Дэл: вне всякого сомнения Том имел в виду именно его.

– Да этого – Брика. Долго ему не протянуть. Держу пари, он вылетит из школы еще до конца года.

– Почему ты так уверен?

– Даже не знаю, как тебе сказать. Выглядит безнадежно, да к тому же глуповат. Помнишь, как Ридпэт сходу прицепился к его волосам? Вот если бы его папаша был в совете директоров или же вся его семья окончила эту школу… Ну, ты понимаешь.

Походка Фланагена, как Дэл впоследствии заметил, была типичной для выходцев из Карсона: от покачивания плечами галстук ходил из стороны в сторону, словно маятник.

– Да, кажется, понимаю.

– Ну конечно. Погоди, ты еще увидишь Харрисона – он помладше. У него точно такие же волосы, как у Брика, однако папаша его – большая шишка. В прошлом году он пожертвовал

школе пятнадцать тысяч на приобретение лабораторного оборудования… Так, ну и где же твой дом?

Непривычная обстановка и чарующая перспектива обрести наконец товарища в лице Тома настолько захватили Дэла, что он совсем забыл, куда и зачем они направлялись.

– Ах да… На следующей улице.

Дойдя до перекрестка, они повернули. Дэлу до сих пор не верилось, что теперь он здесь живет.

– Мистер Брум хотел поговорить с тобой… – начал Том.

– А, да…

– У тебя отец посол или кто-то в этом роде?

– Мой отец умер. И мама тоже.

– О господи, извини, – быстро проговорил Том и мигом сменил тему. Как выяснилось, его собственный папаша в последнее время что-то зачастил в больницу Святой Марии: то ему понадобится срочно сделать рентген, то пройти некие процедуры, вот только торчал он там почему-то до глубокой ночи. На самом деле Хартли Фланаген, юрисконсульт крупной корпорации, был здоров как бык: еще студентом он играл защитником за сборную Стэндфордского университета, да и сейчас мог свободно подтянуться на перекладине раз пятнадцать, хоть и выкуривал по три пачки в день. Тут же Том перескочил совсем на другое:

– Знаешь, мистер Ридпэт вовсе не плохой, хотя, быть может, и не слишком деликатный. – Оба мальчика рассмеялись. – А вот с его сынком надо вести себя поаккуратнее.

Этого Стива Ридпэта я хорошо запомнил еще в младших классах.

– Он что, еще похуже папаши?

– Ну тогда он был гораздо хуже, может, теперь потише стал. – По выражению лица Тома Дэл понял, что он в этом сильно сомневается. – Однажды он мне прилично начистил физиономию, которая ему почему-то не понравилась. Он учился в восьмом классе, а я – в пятом. Один из учителей видел все это, и тем не менее Стива не исключили. Ну а я принял кое-какие меры, чтобы больше не попадаться Стиву под руку.

– Вот и дом, – сказал Дэл, все еще не в состоянии произнести слово "мой". – А как он выглядит?

Прежде чем ответить. Том снял школьную фуражку и сунул ее в карман.

– Кто, Стив Ридпэт? Кстати, его прозвище – Скелет, но не дай Бог, если он услышит, что ты его так называешь. Да и вообще постарайся с ним не общаться ни при каких обстоятельствах. Ну так что, зайдем мы или нет?

Дверь дома вдруг открылась, и оттуда выглянул негр в форменной одежде.

– Я видел, Дэл, как вы с твоим другом подходили, – сообщил он.

Глава 6
УДЭЛА

– Скелет… – повторил Дэл, качая головой.

Том же удивленно разглядывал высокого лысого негра, который их впустил. В самом деле было чему удивляться: лишь немногие семьи этого, хоть и весьма зажиточного, пригорода могли себе позволить держать проживающую вместе с ними прислугу, а уж дворецкий был явлением из ряда вон.

Присмотревшись, Том понял, что одежда дворецкого была никакой не формой, а просто темно-серым костюмом с подобранным ему в цвет шелковым галстуком на фоне белоснежной сорочки. Негр улыбнулся Тому, явно наслаждаясь произведенным на него впечатлением. Его широкое лицо выглядело моложаво, однако короткие завитки волос, в особенности на висках, уже посеребрились.

– Ну, молодой хозяин, – сказал он, – у тебя будет все в порядке в новой школе, раз ты уже успел завести такого симпатичного друга.

От этих слов Том слегка смутился, а Дэл тем временем представил их друг другу:

– Это Бад Коупленд, он работает у моего крестного. Бад, это Том Фланаген из моего класса. Они дома?

– Мистер и миссис Хиллман уехали осматривать дом, – ответил негр. – Что вам принести: "колу" или, может, чаю со льдом? Вы где будете?

– Спасибо, Бад, мне "колу", – попросил Дэл, пока Том размышлял, нужно ли обменяться с дворецким рукопожатием. Поняв, что делает это с явным опозданием, он тем не менее протянул негру руку:

– Рад с вами познакомиться, мистер Коупленд. Мне тоже, пожалуйста, "кока-колу".

Дворецкий, улыбнувшись еще шире, пожал руку.

– Очень приятно, Том. Значит, две "колы"…

– Мы будем в моей комнате, Бад, – сказал Дэл и повел Тома внутрь.

Помещение, заставленное ящиками и коробками, служило, очевидно, гостиной. Столовую почти полностью занимал громадный прямоугольный обеденный стол красного дерева.

– Какой же еще дом они поехали осматривать, раз вы сюда только что переехали? – удивленно спросил Том.

– Им хочется купить что-нибудь попросторнее, с большим участком, может, даже с бассейном… Здесь, как они говорят, слишком похоже на пригород, так что они бы предпочли переехать в настоящий пригород. – Дэл вел Тома по лестнице наверх. Светлые прямоугольники на обоях указывали на то, что здесь когда-то висело множество картин или фотографий. – Не думаю, что они станут распаковываться.

Они ненавидят этот дом.

– Почему? Мне кажется, он вполне приличный.

– О, надо было видеть, как они жили в Бостоне. Большую часть времени я проводил с ними, а летом…

Дэл как-то настороженно оглянулся на Тома: то ли он боялся лишних вопросов, то ли, наоборот, ждал их.

– Что летом?

– Ну, летом меня увозили в другое место… Да, в Бостон.

Знаешь, у них там было нечто совершенно грандиозное. Бад тоже переехал оттуда с нами. Ко мне он относился всегда просто замечательно. Ну, вот и моя комната…

Пока они шли по коридору и черные как смоль волосы Дэла мелькали где-то на уровне глаз Тома, он подумал, что дома его новый друг вел себя гораздо увереннее, нежели в школе. Остановившись возле одной из дверей, Дэл обернулся.

На сей раз в выражении его лица не было никакой неопределенности, а лишь радостное возбуждение.

– Итак, говоря "высоким штилем", добро пожаловать в мою маленькую вселенную, в мой мир. Ну заходи же!

Охваченный смутной тревогой, Том Фланаген переступил порог и очутился, как ему показалось, в кромешной тьме.

Неяркий свет струился только из коридора за спиной. Послышался высокий голос Дэла, уверенности в котором теперь было чуть-чуть меньше:

– Ты, надеюсь, понимаешь, что я хочу этим сказать?

Глава 7
РИДПЭТ ДОМА

Припарковав свой черный «студебеккер», Честер Ридпэт потянулся через сиденье за кейсом, пестревшим, как и кузов машины, множеством заплат, причем некогда черная изоляционная лента, из которой они были сделаны, уже частично посерела. Ридпэт – пальцы его тут же прилипли к ручке – водрузил на колени увесистый кейс, внутри которого чего только не было: программки футбольных матчей (некоторые из них относились к году, когда он только приобрел свою развалюху), заметки о расстановке игроков и тактическом рисунке игр, учебники, планы уроков, а также памятки для учителей, при помощи которых Лейкер Брум предпочитал общаться с педагогами. Управление на расстоянии – таков был излюбленный стиль директора. Даже на совещаниях, созываемых руководством университета, которому подчинялась школа Карсона, директор сидел отдельно от преподавателей. Все распоряжения доводились до сведения персонала через Билли Торпа: тот не только преподавал латынь, но и занимал должность заместителя директора и при этом пережил трех шефов. Иногда Честеру Ридпэту он представлялся единственным достойным уважения человеком во всей вселенной. Во всяком случае, невозможно было даже вообразить, что у Билли Торпа мог быть такой сын, каким был его Стив.

Тяжко вздохнув и стерев пот со лба. Честер Ридпэт вылез из машины. Кейс его, казалось, был наполнен кирпичами.

Нащупав в кармане связку ключей и с трудом отыскав нужный, Ридпэт открыл входную дверь и был тут же оглушен тяжелым роком – "скотской музыкой", как он ее называл.

Он знал, что многие родители, возвращаясь с работы, окунались в подобный грохот, но как-то не верилось, что в столь же оглушительный. Стив, как только приволок свой граммофон из магазина, повернул ручку громкости вправо до отказа и с тех пор, похоже, к ней не прикасался. Ридпэт старался не заходить в комнату сына даже при крайней необходимости – тот все равно не расслышал бы его слов, да и, очевидно, не имел ни малейшей потребности общаться с родителем.

– Я дома! – заорал Ридпэт-старший и изо всех сил хлопнул дверью: если его крика Стив и не расслышит, может быть, почувствует, как дрожат стены.

Бардак царил дома так давно, что Ридпэт уже перестал обращать внимание на валявшиеся повсюду грязные рубашки и свитера, равно как и на заляпанный ковер. Этот цветастый ковер производства "Уилтона" они с Маргарет купили для гостиной сразу после того, как дом был приобретен в рассрочку на двадцать лет, и с тех пор, как жена ушла от него пятнадцать лет назад, Ридпэт неизменно получал болезненное удовлетворение от всяческих издевательств над этим мемориалом супружеской жизни. В отдельных местах – в частности, перед его любимым креслом и около дивана – ковер был так замызган, что даже изображенных на нем аляповатых цветов уже не было видно.

Кучки грязной одежды и белья валялись вперемешку с искромсанными ножницами журналами и комиксами. Из них Стив вырезал свои "штуковины" (именно это слово он употреблял), которыми обклеивал стены спальни. Война в Корее несколько расширила круг любимых сюжетов: комната его пестрела теперь фотографиями кричащих детей, разбитых джипов и окровавленных трупов в хлопчатобумажных куртках. Танки, таранящие школьное здание, соседствовали с монстрами из комиксов. После появления этих новых "штуковин" Ридпэт и вовсе перестал заглядывать к сыну.

Он тяжело плюхнулся в кресло, уронив рядом неподъемный кейс, и стянул через голову галстук, даже не удосужившись развязать узел. После этого швырнул на пол пиджак и потянулся к тумбочке, единственным предметом на которой был телефон.

– Приглуши звук, черт тебя побери! – заорал он. Секунду подождав, он еще громче завопил:

– Бога ради, сделай потише!

Грохот самую малость поутих, и Ридпэт набрал номер Торпа.

– Билли? – сказал он в трубку. – Это Честер. Думал, тебе будет интересно послушать про новичков. В большинстве своем – неплохие, однако отдельные экземпляры дают пищу для размышлений. Поэтому тебе и позвонил. Да, поделиться с тобой соображениями и, так сказать, скоординировать наши усилия. Идет? Ладно, перехожу к делу. Во-первых, есть один весьма перспективный футболист, по фамилии Хоган, вот только что касается учебы могут быть проблемы… Нет, не могу сказать ничего определенного, просто мне так показалось. Я вовсе не хочу, Билли, заранее настраивать тебя против парня, но ты его держи в ежовых рукавицах, ладно? У него есть задатки лидера, что, может быть, и хорошо, и плохо.

Теперь перехожу к действительно плохому: есть среди них настоящее чудо в перьях. Зовут его Брик, Дейв Брик. Волосы как у вонючего зулуса, грязнее моей чертовой колымаги.

Ну ты понимаешь, что отсюда следует. Полагаю, вопрос с ним необходимо решить немедленно и радикально, чтобы одна паршивая овца не испортила все стадо, то бишь всю школу. Кроме того, один умник по фамилии Шерман. Он успел уже кое-что ляпнуть в регистрационной анкете… Ты записываешь имена?

Стерев с лица пот, Ридпэт покосился на лестницу: как можно слушать эту мерзость днями напролет?

– И еще. Помнишь, попечительский совет перевел к нам из Эндовера одного сироту? Найтингейла. Зачислив его, мы, вероятно, сделали большую ошибку, Билли. То есть, быть может, Эндовер был рад-радешенек от него избавиться. Почему? Во-первых, его внешний вид. Он напоминает маленького грека, что ли, или итальяшку, да еще, похоже, трусоват…

Ну, Билли, черт возьми, первое впечатление меня еще никогда не обманывало. И, между прочим, оно очень скоро подтвердилось: я его застукал с колодой карт. Да, можешь себе представить? В библиотеке… Говорит, что показывал карточный фокус Тому Фланагену. Да-да, карточный фокус…

С ума сойти, да? Разумеется, карты я конфисковал. Думаю, этот парень станет битником или чем-нибудь еще похлеще.

Конечно ты прав, Билли, никогда не надо говорить заранее, и все же… Да ты пойми: эти чертовы карты я сцапал прямо у него из рук, к тому же он попытался сопротивляться.,. Ну хорошо, Билли, только я все-таки думаю, что его следует зачислить в черный список вместе с этим Бриком…

Некоторое время он молча слушал. Лицо его сначала напряглось, затем скривилось.

– Да, безусловно. Со Стивом в этом году будет все нормально. Ты сам увидишь, как он переменился, – ведь он теперь выпускник. В этом возрасте они стремительно взрослеют.

Наконец он с явным облегчением положил трубку. Стив взрослеет?! У Торпа было двое сыновей – приятной наружности, да к тому же вполне благополучных, и о ком Ридпэту меньше всего хотелось говорить с ним, так это о Стиве. Чем меньше тот узнает про него, тем лучше.

"Скелет" – так прозвали его сына… О Боже!

Поднявшись с кресла, Ридпэт лягнул кейс, полный футбольных программок, в задумчивости сделал несколько шагов к лестнице, затем повернулся и, подхватив чемоданчик, направился в полуподвальный этаж, в свой кабинет. Нужно было кое-что обмозговать насчет младшей команды перед первой тренировкой. Выходя из гостиной, он случайно заглянул в кухню и неожиданно увидел там на фоне окна тощий силуэт Стива. Перегнувшись через мойку, Стив уткнулся в стекло, выпачкав его сальным носом и губами. Так, значит, сын все-таки иногда спускается вниз из своей берлоги?

Глава 8
"ВСЕЛЕННАЯ" ДЭЛА

– Я тут всего четвертый день, но мне не хотелось сидеть на чемоданах, как они сидят. – говорил Дэл. Теперь он уже явно нервничал, это чувствовалось по голосу. – Поэтому и решил разобрать свои вещи. – В коридоре послышались шаркающие шаги. – Ну, что скажешь?

– Ничего себе… – пробормотал Том. Обстановка комнаты Дэла, которую из-за полумрака он едва мог рассмотреть, поразила его. На стене над кроватью висела огромная карта звездного неба, а напротив – несколько фотографий в рамках. Он узнал Джона Скарна по фото, напечатанному в его собственной книжке про карточные фокусы, и, конечно, Гудини, однако остальные не были знакомы ему. Люди с серьезными лицами и пронизывающим взглядом, хотя в их облике присутствовало что-то театральное. Фокусники, наверно…

С полки, подвешенной под фотографиями на уровне пояса, скалился череп, внутри находилась маленькая свечка, которую Дэл тут же зажег. Только сейчас Том обратил внимание на книги: ими была забита полка над черепом. Вся комната, включая и письменный стол, оказалась завалена самыми разнообразными предметами, имеющими отношение к магии. Он увидел хрустальный шар на куске бархата, миниатюрную гильотину, шляпу-цилиндр, несколько шкафчиков с выдвижными ящичками, украшенных филигранью и лакированных, с китайской росписью, черную трость с серебряным набалдашником. Высокие окна были полностью закрыты зеленым аквариумом, со дна которого сквозь стайки мельтешащих рыбок поднимались пузырьки воздуха.

– Глазам своим не верю, – выдохнул Том. – Даже не знаю, чему больше удивляться. И это все – твое?

– Ну, я это собрал не сразу, – ответил Дэл. – Кое-что было у меня давным-давно: лет этак с десяти, когда я начал этим делом увлекаться. Теперь-то я уже почти профессионал. Уверен, это мое будущее.

– Ты собираешься стать фокусником? – удивился Том.

– Ага. Ты тоже?

– Вообще-то, я об этом никогда не думал. Но вот одна мысль пришла мне в голову именно сейчас.

Дэл взглянул на него вопросительно и, как Тому показалось, чуть испуганно.

– Предполагаю, что в этом году в школе станет гораздо интереснее – благодаря тебе.

Дэл ответил шутливым поклоном.

Бад Коупленд принес им два запотевших от холода бокала "кока-колы" со льдом и дольками лимона, после чего мальчики почти целый час рассматривали коллекцию Дэла. Затем тот своим тоненьким голоском принялся с энтузиазмом объяснять Тому секреты некоторых фокусов, которые, по его утверждению, неизменно приводили его в восторг, с тех пор как он заинтересовался этим делом.

– Все, что иллюзионисты показывают со сцены, не стоит ломаного гроша, – заявил Дэл. – Я предпочитаю непосредственный контакт со зрителем. Как говорит мой дядя Коул, если ты можешь проделывать карточные фокусы на таком вот близком расстоянии, тебе удастся абсолютно все… – Дэл наставительно поднял указательный палец, что в сочетании с цилиндром, который он нахлобучил с самого начала, придало ему уморительный вид. – Нет, не совсем так. Не абсолютно, а почти все. Дядюшка, кстати, проделывает такое, что просто ахнешь, однако он не хочет раскрывать свои секреты даже мне. По его словам, некоторые фокусы – настоящее искусство, а не просто иллюзия, следовательно, это – настоящее волшебство. Дать этому разумное объяснение просто невозможно. – Поняв, что выглядит комично, Дэл опустил наконец палец. – По крайней мере, так утверждает он. Вообще мне кажется, что ему ведомо много

такого, о чем ни одна живая душа даже не подозревает. Он довольно забавный, но иногда может нагнать такой страх, что душа уходит в пятки. Человек он просто выдающийся. Он лучше всех, по крайней мере я так считаю.

Дэл настолько увлекся, что даже сквозь смуглую кожу на щеках проступил румянец.

– Он фокусник?

– Причем самый лучший. Но в отличие от других ни разу не выступал на сцене.

– А где же?

– Только дома. Он дает частные представления для узкого круга. Это даже нельзя назвать представлениями: он это делает главным образом для самого себя. В общем, мне трудно объяснить… Быть может, ты с ним когда-нибудь познакомишься и все увидишь сам.

Дэл присел на кровать и взглянул на Тома так, как будто жалел, что сказал лишнее. Гордость за своего замечательного дядюшку боролась в нем с другими чувствами.

И тут до Тома дошло: Дэла заставило разговориться его тягостное одиночество, и он, судя по всему, нарушил некий запрет.

– Он тебе не разрешает говорить с кем-либо о себе? – полуутвердительно спросил Том.

Дэл медленно кивнул.

– Да. Это из-за Тима и Валерии.

– Твоих крестных?

– Конечно. Они его не понимают, не могут понять. Откровенно говоря, он ведь действительно немного не в себе. – Дэл тут же оборвал себя и, откинувшись назад, переменил тему:

– Давай, покажи, что ты умеешь. У тебя есть с собой карты или возьмешь мои?

***

Спустя много лет Том Фланаген поведал мне, как Дэл – спокойно, ничуть не оскорбительно и даже с сочувствием – выставил его на посмешище:

– Тогда, в четырнадцать лет, я воображал себя мастером карточных фокусов. После того как заболел отец, я просто-таки окунулся в это дело, чтобы хоть немного отвлечься. Те книжки, что у меня были, я вызубрил чуть ли не наизусть всего за месяц.

Мы с ним беседовали в той самой «Красной Шапочке», о которой говорил Шерман, назвав это место притоном, что почти соответствовало истине.

– После того, что я увидел в комнате у Дэла, можно было предположить, каков его уровень: если он пока и не профессионал, то очень близок к этому. И тем не менее я вообразил, что смогу с ним потягаться именно в том, в чем он себя чувствовал как рыба в воде: в карточных фокусах при непосредственном контакте со зрителем. Ну так вот, он знал, что я собираюсь делать, раньше, чем я это проделывал, и сам делал то же лучше меня раз в сто. От избитых приемов, вроде отвлечения внимания или банального шулерства, его просто тошнило. Дэл обладал просто фантастической памятью и наблюдательностью, используя эти качества на все сто. Я был просто поражен, я был уничтожен. Подобной ловкости рук я в жизни не видал. – Том вдруг расхохотался. – Да и что вообще я видел, прежде чем познакомился с Дэлом?

***

Дэл повернул череп со свечой лицом к стене, и полумрак в комнате, где громадный аквариум напрочь загораживал окна, стал не менее густым, чем в школьной библиотеке.

– Черт, мне же надо позвонить домой, – спохватился Том. – Мама, наверное, недоумевает, куда это я запропастился.

– Тебе надо идти домой? Прямо сейчас?

– Я мог бы попросить ее заехать за мной через часик.

– Да, так было бы лучше. Мне бы не хотелось, чтобы ты уходил прямо сейчас.

– Мне тоже.

– Ну и отлично. Телефон в соседней спальне – ты можешь позвонить оттуда.

Том прошел через холл в соседнюю спальню, которой, судя по всему, пользовались крестные родители Дэла. Дорогие кожаные чемоданы, наполненные кое-как сложенной одеждой, валялись на неубранной кровати; на стульях высились штабеля коробок с наклеенными на них бирками. Телефонный аппарат стоял на одной из прикроватных тумбочек, рядом со справочником, раскрытым на страницах с адресами и телефонами агентов по торговле недвижимостью.

***

Набрав домашний номер, Том переговорил с матерью и положил трубку как раз в тот момент, когда снаружи послышался звук мотора. Он подошел к окну – у ворот гаража остановился серый «ягуар», похожий на быстроходный катер.

Из машины вышла пара. Похоже, оба пребывали в отвратительном настроении: либо они только что поругались, либо таким было их перманентное состояние. Мужчина – крупный блондин, кричаще и безвкусно одетый. Женщина – тоже блондинка, в тонком, как паутинка, платье. Черты лица обоих сильно различались: крупные, несколько размытые, у мужчины и тонкие, резкие – у дамы.

Из вестибюля их голоса зазвучали громче; Том даже уловил слабый бостонский акцент. Будь он в гостях у кого-нибудь другого, скажем у Морриса Филдинга или Хоуи Стерна, то, конечно же, спустился бы вниз, чтобы поздороваться, а уж незнакомым тем более надо бы представиться. Однако при виде этой до крайности раздраженной пары у Тома не возникло ни малейшего желания знакомиться с Хиллманами, как, впрочем, очевидно, и у них самих, да и Дэл вряд ли был бы рад такому проявлению вежливости. Поэтому Том предпочел вернуться в комнату Дэла, его "вселенную", по пути раздумывая о том, каким он хотел бы видеть свой собственный "мир".

***

Когда мать приехала за Томом, он вслед за Бадом Коуплендом спустился к парадному входу. В заполненной коробками и ящиками гостиной он заметил Тима и Валерию: они стояли с бокалами в руках и даже не взглянули в его сторону. Бад Коупленд, выпустив его, высунулся в дверь.

– Вы ведь подружитесь с нашим Дэлом, да? – мягко проговорил он.

Том кивнул и машинально протянул руку. Коупленд, широко улыбаясь, горячо сжал его ладонь. На лице дворецкого мелькнуло выражение признательности и тут же исчезло.

– Я вижу, Фланагены из Аризоны – истинные джентльмены, – проговорил негр, все еще сжимая руку мальчика. – Удачи тебе. Рыжик, и будь осторожен.

Уже в машине мать сказала Тому:

– Я и не знала, что этот дом купила негритянская семья.

Удачи тебе, Рыжик, и будь осторожен…

Глава 9
СОН ТОМА

Странное предупреждение Бада Коупленда определенно наложило отпечаток на сон, привидевшийся Тому той же ночью. Приснился ему гриф – Тому доводилось видеть этих пернатых страшилищ, когда он путешествовал с родителями по аризонской пустыне. Грифы, как правило, неподвижно восседали на возвышении: островерхой крыше дома, верхушке одиноко растущего дерева или же на вершине скалы…

Местность была пустынной, поросшей чахлым кустарником. Гриф уставился на Тома холодным пронизывающим взглядом, будто все-все знал про него и видел всю его подноготную. Чудовищная птица напоминала сфинкса, равнодушного ко всему – к жаре и холоду, к жизни и смерти. Как и древний сфинкс, гриф невозмутимо взирал на окружающий его мир, жизнь в котором текла своим чередом, нисколько не волнуя бесстрастного наблюдателя.

Сколько этому грифу было лет? Сколько эти птицы живут вообще? Наверное, долго-долго, а этот, надо думать, уже был пожилым. Перья его слиплись от многолетней грязи, клюв потемнел.

Сначала мерзкое существо пожрало его отца, теперь настал черед самого Тома. Ничто его не остановит, жизнь идет своим чередом, время от времени предоставляя грифу пищу, чтобы тот насытился. Так было и будет всегда…

Отец умер, и тело его стало для грифа пищей. Теперь это был дочиста обглоданный скелет. Отвратительная птица внезапно шевельнулась и, подпрыгивая на когтистых лапах, приблизилась к Тому, вперив немигающий взгляд прямо ему в лицо.

И вдруг чудовище заговорило. Если б змеи, крысы или летучие мыши обладали даром речи, они бы, наверное, говорили так же: слишком быстро, хрипловато-клекочуще, трудноразличимо для человеческого уха. Гриф говорил что-то чрезвычайно важное, но разобрать слова с первого раза было совершенно невозможно, а повторять птица, похоже, не намеревалась. Да и сам Том от души надеялся никогда больше не слышать этот жуткий голос-клекот.

Нимало не заботясь, понял ли Том его слова или нет, словно тот был не более чем иссохшим сучком, упавшим с растущей чуть поодаль юкки, гриф склонил лысую голову набок, повернулся и запрыгал прочь, в пустыню.

Жара становилась все более невыносимой.

Внезапно – как это обычно случается во сне – Том очутился вместо пустыни в болотистой местности, поросшей густым папоротником, а удалялся от него уже не гриф, а человек в длинном пальто. Походка его напоминала птичью, а двигался он, не оборачиваясь, не обращая ни малейшего внимания на мальчика. Постепенно силуэт его растворялся в серовато-мглистом, насыщенном влагой воздухе. Фигура на секунду скрылась за валуном, появилась снова и наконец исчезла.

Оттуда, где только что Том видел таинственного незнакомца, вдруг бесшумно взлетела громадная белесая птица.

Взмахнув крыльями, она воспарила ввысь…

Том проснулся, уверенный, что отец умер. Его бездыханное тело лежит сейчас в родительской спальне, рядом с еще не пробудившейся и ничего не подозревающей матерью.

Боль и отчаяние охватили Тома. Сердце его бешено заколотилось и вдруг подпрыгнуло куда-то к горлу. Сбросив одеяло и глухо застонав, с трудом сдерживая рвущийся наружу крик, мальчик вскочил и, окруженный кромешной, враждебной тьмой, кинулся в холл.

Дрожа всем телом, он схватился за ручку двери родительской спальни, на мгновение прикрыл глаза и, глубоко вздохнув, мягко нажал на ручку.

Переступив порог, Том выдохнул так громко, что разбудил мать. Она лежала одна на широкой двуспальной кровати, которая с отцовской стороны даже не была застелена.

– Том? – удивилась она.

– Папа…

– Он же в больнице, Томми, ты что – забыл? На обследовании. Все будет в порядке, ты не беспокойся. Завтра он должен вернуться… Да что с тобой?!

– Кошмар приснился… – пробормотал мальчик и, извинившись, побрел к себе в спальню.

Глава 10
ПОЭЗИЯ

Наутро, когда Рейчел Фланаген уехала за мужем в больницу Святой Марии, Том сел за письменный стол и написал стихи – в первый и последний раз в жизни. Что его к этому подтолкнуло, объяснить он был не в состоянии: поэзию он не любил и не понимал, стихов никогда не читал и как их сочинять – понятия не имел. То, что вышло из-под его пера, по его мнению, и стихами-то назвать было нельзя, поэтому он даже не побеспокоился о заголовке.

Вот что он написал:

Летящий человек, твои ли это крылья?
Звери и птицы говорят с тобой, и ты
Там, в вышине, понимаешь их слова.
Сны, фокусы, футбол – все так перемешалось
В моей несчастной голове. Перед глазами –
Россыпи карт в безжизненной пустыне.
Летящий человек, ты ль мне явился
Как птица в небесах?
Летящий человек, вернешь ли мне отца?
Теперь, когда перед тобой, передо мной и перед ним
Есть время – вечность…

Два года спустя мистер Фитцхаллен задал классу неимоверно трудное задание – написать стихи. Том, как ни старался следовать рекомендациям учителя («Каждую строку можете начинать с одного и того же слова. Можно также повторять в каждой строке название какого-нибудь цвета или какой-то страны, особенно в конце строки – для рифмы»), не смог выжать из себя ни строчки. Тогда, отчаявшись, он вдруг вспомнил про то, давнишнее стихотворение и отыскал его в недрах письменного стола. Переписав его в тетрадку и сдав учителю, он получил свое произведение обратно с оценкой «отлично» и с комментарием, написанным каллиграфическим почерком Фитцхаллена: «Стихотворение проникнуто глубоким, зрелым чувством. Тебе пришлось над ним изрядно потрудиться, не правда ли ? А почему нет заголовка ? Если не возражаешь, я бы хотел поместить твое стихотворение в школьном журнале».

И действительно, под заголовком "Когда люди жили в лесах дремучих…" оно появилось в зимнем номере школьного литературного журнала.

Глава 11
"СНЕЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК"

Как нам было указано, мы заняли первые два ряда самой большой аудитории, расположенной чуть дальше по коридору от нашей классной комнаты. Перед нами восседали в громоздких деревянных креслах мистер Брум, миссис Олинджер и высокий седовласый незна-

комец с суровым, слегка удлиненным лицом, похожий на президента какого-нибудь банка. Справа от них высилась кафедра из дерева янтарного цвета.

Обернувшись, я заметил мистера Уэзерби, подсевшего к учителям на задний ряд. В промежутке между нашим классом и преподавателями рассаживались прочие ученики в порядке старшинства: за нами – второклассники и так далее, вплоть до выпускников, располагавшихся перед учителями. Многие были в костюмах, и почти каждый – в голубой блузе А аккуратно повязанном галстуке. Два выпускных класса здесь занимали явно привилегированное положение, что прямо-таки читалось на физиономиях старшеклассников. Да и весь их облик носил оттенок снисходительного превосходства.

Мистер Брум взобрался на кафедру и окинул начальственным взором аудиторию, в особенности первые ряды.

– Давайте, мальчики, начнем с молитвы, – возгласил он.

По аудитории пронесся шорох – более сотни ребят преклонили колени.

– Господи, дай нам разум, чтобы отличить хорошее от плохого, и укажи нам путь к пониманию того, что есть благо, а что – зло. Научи нас впитывать в себя знания и пользоваться ими, чтобы стать лучше, чем мы есть. И да преисполнимся мы в новом учебном году надеждой, усердием, дисциплиной и еще большим прилежанием. Аминь.

Он обратил взгляд на нас.

– Итак, начинается новый учебный год. Что это означает? Это означает, что вы, мальчики, должны проявить еще большее трудолюбие – ведь с каждым новым годом вы приближаетесь к колледжу, где нет места ленивым. И здесь, в школе, лентяев и бездельников мы тоже не потерпим. В особенности это относится к выпускному классу: в этом году вас ждет множество испытаний. Однако мы, преподаватели, не стремимся к развитию интеллекта за счет духовности.

Более того, лично я ставлю превыше всего именно духовное начало, и этот принцип, по моему разумению, должен лежать в основе нашей школьной жизни. Предупреждаю: некоторые из вас не смогут доучиться до конца года, и не обязательно из-за плохой успеваемости. Долг каждого из вас – неуклонно следовать моральным принципам нашей школы везде: на уроках, в спортзале, в ваших взаимоотношениях, наконец, в повседневной жизни. Мы будем внимательно следить за тем, как вы следуете этим благородным принципам, проявляя честность, порядочность, самоотверженность и прочие необходимые качества. Я хочу заверить как новичков, так и выпускников, а также всех, кто сидит в этой аудитории между ними, что сорняки на нашей ниве мы будем выпалывать безжалостно. В других школах для них хватит мест, но здесь мы их терпеть не станем. Если в стаде появляется паршивая овца – в этом виновата она сама, а вовсе не стадо. Мы распахиваем перед вами ворота в мир, ваша же задача – доказать, что вы того достойны. Я закончил. Старшеклассники, прошу вас выходить первыми.

– Вот уж настоящий снежный человек, прямо чудище какое-то, – шепнул мне Шерман на ухо, когда пришла наша очередь двигаться к выходу. – Подожди, я тебе еще расскажу про собак…

Глава 12

Высокий, седовласый незнакомец, похожий на банкира, оказался не кем иным, как знаменитым мистером Торпом.

Он уже сидел за учительским столом, когда мы вошли в предназначавшийся нам класс – тесное помещение в старой части школьного комплекса. Возле учителя стоял русоволосый парень в темных очках. Они о чем-то беседовали и замолчали, как только мы заняли места за партами.

Затем мистер Торп объявил:

– Это один из учащихся выпускного класса, зовут его Майлс Тигарден. Он займет у нас немного времени, чтобы разъяснить вам правила поведения для новичков. Выслушайте его предельно внимательно – он один из лучших учеников, гордость школы и, кстати, староста своего класса. Пожалуйста, мистер Тигарден.

Откинувшись на стуле, Торп обвел нас добродушно-покровительственным взглядом.

– Благодарю вас, мистер Торп, – сказал старшеклассник. – Итак, правила поведения для новичков достаточно просты, и ничего такого страшного в них нет. Неукоснительно им следуйте, знайте свое место – и у вас будет все в порядке. Начнем с того, что вы обязаны носить фуражки повсюду в школе, за исключением классных комнат, а также по дороге домой из школы, во время спортивных соревнований, различных собраний и прочих мероприятий. К старшеклассникам обращайтесь: "мистер такой-то". Каждого из нас вы должны знать по имени, это очень важно. То же самое относится к знанию песен, гимнов и прочей информации, изложенной в листках, которые вам были розданы. Если кто-то из старшеклассников вдруг уронит книгу, вы обязаны поднять ее и передать ему либо отнести туда, куда он скажет.

Если вы увидите старшеклассника стоящим перед закрытой дверью, обратитесь к нему по имени и откройте перед ним дверь. Если старшеклассник просит завязать ему шнурки, завяжите и поблагодарите за оказанное доверие. Короче, выполняйте все, что вам скажет старшеклассник, причем без промедления, даже если распоряжение покажется вам нелепым. Это понятно? Если старшеклассник что-то у вас спросит, прежде чем ответить, обратитесь к нему по имени. Следуйте этим правилам, и проблем у вас не будет.

– Это все? – спросил мистер Торп. – Благодарю, вы свободны.

Тигарден сгреб свои учебники с учительского стола поспешно покинул класс. Мистер Торп опять оглядел нас, теперь уже без тени добродушия.

– Кто скажет, почему так важно то, что вы сейчас услышали? – Он замер выжидательно, но ответа не получил. – Ну хорошо, вспомните, на чем сегодня утром мистер Брум особенно заострил внимание. Итак?..

Незнакомый мне парнишка, подняв руку, ответил:

– На моральных принципах школы, сэр.

– Прекрасно. Тебя зовут… Холлингсуорс? Молодец, Холлингсуорс, умеешь быть внимательным. Похоже, один ты слушал, в то время как остальные клевали носом… А что такое эти принципы, что есть дух школы? Это значит, что на первом месте для вас должна стоять сама школа, и только потом – ваше собственное "я". Вы этого пока не осознаете, а вот Майлс Тигарден давно проникся этим принципом и следует ему неукоснительно. Потому-то он и стал старостой.

Торп поднялся во весь свой высоченный рост.

– Теперь перейдем к вам. Ну, во-первых, внешний вид…

Посмотрите на себя со стороны. Повторяю: взгляните.., на себя.., со стороны! Ведь большинство из вас выглядят так, словно не ночевали дома, а у некоторых волосы, да еще немытые, закрывают глаза. Черт знает что такое! И вообще, вы смахиваете на закоренелых лодырей. Лодырь! Для меня это звучит как оскорбление, да и не только для меня. Подобным внешним видом вы оскорбляете старших ребят, и, уверяю вас, они вам этого не спустят. Запомните: это не простая школа. Нет, не простая! – Последние слова он прямо-таки проорал, заставив нас подскочить на стульях. – Не простая это школа! Ничего, мы вас перевоспитаем, каждого из вас, а кто будет упираться, тот обречен. Обречен, понятно вам? Все, надеюсь, понимают значение этого слова? Обреченный – это тот, кому суждено попасть в беду или даже погибнуть.

Так вот, тот, кто по незнанию или злонамеренно будет нарушать моральные принципы нашей школы, обречен на гибель!

Торп, шумно вдохнув в себя воздух, провел ладонью по гладко причесанной седой шевелюре. Да он просто псих – таково было наше первое впечатление. Впоследствии мы узнали, что подобные эмоциональные взрывы были для него обычным делом.

Глава 13
УЧИТЕЛЯ

Проведя в школе первые недели, мы получили весьма полное представление о наших учителях. В отличие от психованного Торпа мистер Фитцхаллен был просто очаровашкой; мистер Уиппл, не способный внушить нам ни любви к нему, ни страха, тщетно старался вызвать одновременно оба чувства и добился того, что мы его ни в грош не ставили; мистер Уэзерби, педагог от Бога, прямо-таки мастерски провел нас сквозь дебри начального курса алгебры (между прочим, Дейв Брик неожиданно проявил просто потрясающие способности к математике, он даже принялся таскать повсюду логарифмическую линейку в кожаном футляре, прицепленном к ремню). Торп нагонял на нас панический ужас; Фитцхаллен, выходец из очень состоятельной семьи, отказался от зарплаты в пользу школы и таким образом заработал привилегию брать для изучения то, что нравилось ему (прежде всего «Семейные сказки» братьев Гримм, «Одиссею», «Большие надежды», «Гекльберри Финна», а также Э. Б. Уайта, которого считал непревзойденным стилистом); Уиппл же был настолько ленив, что на уроках большую часть времени просто зачитывал нам вслух учебник. Единственное, что его по-настоящему интересовало, – это спорт: Ридпэт взял его себе в помощники.

Их личная жизнь была для нас тайной, покрытой мраком до такой степени, что, когда они на школьных праздниках появлялись с женами, мы все равно не могли поверить в существование последних, полагая, что учителя, как и мы сами, должны были жить с родителями. Впрочем, точно так же мы понятия не имели, где они жили: их домом нам казался старинный школьный особняк вместе с новой пристройкой и спортзалом.

Глава 14

После урока Фитцхаллена мы столкнулись в коридоре с группой старшеклассников, выходивших из соседней аудитории, где у них был урок французского. Имена большинства из них я уже знал по начальной школе, да и всезнайка Бобби Холлингсуорс заранее оповестил нас, кто есть кто. Они окружили нас, как только Фитцхаллен отправился в учительскую. Ко мне подвалил не кто иной, как Стив Ридпэт собственной персоной, – он просто-таки навис надо мною, и мне пришлось задрать голову, чтобы, как полагалось, смотреть ему в лицо. Краем глаза я заметил, что возле Дэла Найтингейла остановился Терри Питере, заместитель старосты их класса, а еще один, по имени Холлис Уэкс, сорвал фуражку с головы Дейва Брика. Еще несколько старших, с ухмылкой посмотрев на эту пару – Холлис Уэкс был никак не выше Брика, – прошли по коридору мимо нас по своим делам.

– Ну ты, насекомое, отвечай живо: как меня зовут? – процедил Стив Ридпэт.

Я сказал.

– А тебя как?

Я и это сказал.

– А ну, подними мои учебники. – Он "уронил" четыре толстых фолианта и несколько тетрадок, которые были у него в руках. – Да поторопись, салага: у меня скоро урок.

– Сейчас, мистер Ридпэт…

Я нагнулся, а когда выпрямился, он, склонившись, уставился прямо мне в лицо и прошипел:

– Ах ты, вонючий сопляк…

Теперь, столкнувшись с ним лицом к лицу, я убедился, насколько подходило ему прозвище: Ридпэт-младший был в самом деле тощим как скелет. Кости так и выпирали, воротник свободно болтался вокруг шеи, в обтянутой пергаментной кожей физиономии с глубоко запавшими глазницами не было ни кровинки – казалось, на меня скалился череп.

Его блеклые глаза под еле заметными стрелочками коричневато-серебристых бровей были цвета добела застиранных джинсов. От него исходил сильнейший запах лосьона для бритья, однако невозможно было представить себе, как на такой коже могло что-либо произрастать.

– Ты, гаденыш, испортил мне контрольную работу. – Скелет сунул мне под нос слегка помятый листок бумаги. – Пять отжиманий, живо!

– Прекрати, Стив! – попытался урезонить его Холлис Уэкс.

Я посмотрел в его сторону – он слегка приобнял Дейва Брика, который стоял по стойке "смирно" и держал учебники Уэкса на вытянутых руках.

– А ты не встревай, – огрызнулся Скелет. – Пять отжиманий, быстренько! – повторил он мне.

Мне ничего не оставалось, как пять раз отжаться прямо на полу коридора. Однако представление на этом не закончилось.

– Как звали первого директора, ты, сопляк?

– Б. Тармен Бантер, – мгновенно отреагировал я.

– В каком году он основал школу и как она в то время называлась?

– Мистер Бантер основал академию Лоудстар в 1894 году.

– Не правильно, салага, год не тот, – прошипел Скелет и влепил мне затрещину. Удар был не очень сильным, однако костяшки его пальцев вонзились мне в затылок, словно вязальные спицы.

Удар не застал меня врасплох: глаза Стива сверкали такой злобой, что я предполагал что-нибудь подобное. Просветлев, будто получил несказанное удовольствие, Скелет повернулся и бросил через плечо:

– Ладно, отдохни пока: у меня урок…

Сделал он, однако, лишь пару шагов и вдруг остановился словно вкопанный:

– А это что еще за чудо-юдо жирное?

– Это Брик, – ответил ему Холлис Уэкс.

Дейв Брик покрылся потом, и фуражка съехала ему на нос.

– Брик?! – расхохотался Ридпэт. – Ты только посмотри на него… – Двумя костлявыми пальцами он ухватил Брика за складки кожи под подбородком. – Ну-ка, Брик, сколько книг в школьной библиотеке? Брик, как меня зовут? – Скелет сыпал вопросами, ухватив теперь беднягу Дейва за толстую щеку. – Что, жирняк, не знаешь?

– Н-нет, сэр, – всхлипнул Брик.

– Меня зовут мистер Ридпэт. Запомни мое имя, тупица.

Надо же, Брик… Брик-педрик! Ведь ты – педрила, да? Признавайся: педрила? Брик-педрик с волосами как у зулуса…

Ты лучше подстригись, Брик-педрик, а то у тебя там грязи больше, чем у моего батюшки под машиной.

Стоя все еще с учебниками Скелета в руках, я заметил, что к нам приблизились Том Фланаген и Дэл Найтингейл.

– А это что за красавчик? – спросил Ридпэт у Терри Питерса.

– Найтингейл, – усмехнулся тот.

– Ба, Найтингейл! – проворковал Скелет. – Так я и думал. А ты, Найтингейл, и впрямь похож на маленького грека. Так это ты, Найтингейл, фокусничаешь с картами, а? Ну ладно,

птенчик, тобой я займусь попозже. Вот имечко как раз для тебя[1]. Спой, птенчик, не стыдись… – Скелет, похоже, вошел в раж. Вдруг он повернулся ко мне:

– А ты, сопляк, подпоешь, да? Вот дьявол, пора, – взглянул он на часы. – Давай сюда учебники.

Он вместе с Питерсом и Уэксом умчался прочь по коридору.

– Похоже, вы, ребята, заработали себе клички, – грустно усмехнулся Том Фланаген.

Глава 15

Непотребная кличка, данная Скелетом Ридпэтом Дейву Брику, и в самом деле намертво приклеилась к нему, в отличие от Дэла Найтингейла, который заработал нечто похуже после футбольной тренировки в первую октябрьскую пятницу. Неделей раньше наша младшая команда позорно продула свою первую игру со счетом 7:21[2]. Единственным, кто в той игре хоть что-то смог, был Чип Хоган; я же, к счастью, находился среди зрителей вместе с Дэлом, Моррисом Филдингом, Бобом Шерманом и другими. После той злополучной встречи Уиппл и Ридпэт провели с нами четыре тренировки, гоняя нас немилосердно. Мы с Шерманом терпеть не могли этот варварский вид спорта и не могли дождаться перехода в третий класс, где можно будет заниматься европейским футболом. В отличие от нас Моррис Филдинг просто обожал игру, к которой не имел, к своей досаде, абсолютно никаких способностей, а потому почти не покидал скамейку запасных. Когда же это все-таки случалось, сам Ридпэт восхищался бульдожьей цепкостью Филдинга, которой тот старался восполнить недостаток мастерства. Дэл, при его весе чуть больше девяноста фунтов, не имел ни малейших шансов. Форма с защитными накладками, придававшая большинству из нас вид здоровяков, делала его похожим на комарика, обложенного мешками с песком. На тренировках он мгновенно уставал, а после пробежки с барьерами (ими служили старые автомобильные покрышки) и полусотни прыжков на корточках Дэл передвигал ноги так, как будто они налились свинцом.

После прыжков на корточках Ридпэт выстроил нас возле тренажера для отработки приемов перехвата мяча – тяжелой металлической конструкции с болтающимися на верхней перекладине боксерскими грушами. Мы, следуя указаниям Ридпэта, разбились на пары напротив друг друга: один оттягивал грушу на себя и отпускал ее, другой же должен был ее поймать. Я оказался в паре с Моррисом Филдингом, а Том Фланаген – с Дэлом. Принимая пущенную Томом грушу, Дэл не удержался на ногах и рухнул в песок.

– Повторить! – крикнул Ридпэт.

На сей раз Том запустил грушу чуть сильнее, и Дэл, встретившись с тяжелым снарядом, опять свалился как подкошенный.

– Черт тебя побери, – взвизгнул Ридпэт, – ты кто, Флоренс Найтингейл?[3].

Флоренс… Потешное имя времен королевы Виктории.

Услышав его, мы так и прыснули: забавно Ридпэт окрестил Дэла. Сам Ридпэт тоже рассмеялся, и как раз в этот момент на поле появился мистер Уиппл со своим личиком херувима. Ридпэт направился к кромке поля, где старшая команда приступала к разминке, однако смена тренеров произошла слишком поздно для Дэла.

– Становись-ка, Флоренс, со мной в пару, – крикнул ему мускулистый, симпатичный парнишка по имени Пит Бейлис.

Все, прозвище прилипло к Дэлу…

---

[1] Nightingale (англ.) – соловей.

[2] Речь идет об американском футболе.

[3] Найтингейл, Флоренс (1820-1910), – английская медсестра, организатор и руководитель отряда санитарок во время Крымской войны 1853-1856 гг.

В течение следующего часа мы под присмотром Уиппла занимались тем, что бегали туда-сюда по полю.

Мы со старшими ребятами пользовались одной раздевалкой. Не успели мы сбросить форму и принять душ, как в гулкое, провонявшее потом помещение ввалились старшеклассники, и среди них, конечно. Скелет Ридпэт – весь вымазанный грязью, со ссадиной на левой щеке. Футболом он занимался лишь постольку, поскольку его заставлял отец, причем из рук вон плохо: в последней игре он, выпущенный на замену за пятнадцать минут до финального свистка, умудрился за это время дважды нарушить правила.

Переодевался Скелет медленнее остальных: одноклассники его были уже в душевой, а он только еще отвязывал щитки. Я заметил, как он посмотрел в нашу сторону, чему-то ухмыляясь про себя. Раздевшись наконец до трусов, он направился к нам, остановился чуть поодаль и, уперев руки в бока, проговорил:

– У нас что теперь – смешанная школа? Мальчики с девочками, да?

– Он точно из могилы вылез, – шепнул мне Шерман, глядя на его костлявую фигуру.

Ридпэт злобно покосился на нас, раздосадованный, что не расслышал замечания Шермана, однако мы его сейчас интересовали мало.

– Итак, в нашем дружном коллективе появилась девочка, – продолжал он, уставившись на Дэла Найтингейла.

От нехорошего предчувствия Дэл, стоявший в одних трусах, задрожал как осиновый лист.

– Эй, Флоренс, ты разве не знаешь, что бывает с девочками, которых мальчики застукают в своей раздевалке? – не унимался Скелет. – Тебе что, показать?

– Заткнись, – не выдержал Том Фланаген.

Ридпэт замахнулся, однако Том находился от него футах в семи.

– Ах ты, маленький засранец… Это твоя подружка, да?

Ну, Флоренс, отвечай: ты его подружка?

Он шагнул к Дэлу – тот был почти в два раза его ниже – и встал над ним, покачиваясь из стороны в сторону, словно громадный костлявый белый червь. Ни у кого из нас – а в раздевалке оставалось сейчас человек десять-двенадцать – не было сомнений, что он ненормальный: его поведение вышло далеко за рамки обычных школьных шуточек. Мы замерли, не в силах сообразить, что от него ждать дальше: он, похоже, совсем ополоумел.

Его физиономия с синяком исказилась гримасой, и он прошипел:

– А почему бы тебе, Флоренс, не пососать мой…

Том Фланаген молнией метнулся к Ридпэту, и тот еле успел подставить кулак. Удар пришелся Тому в грудь. Изо рта Скелета закапала слюна, и он с яростью оттолкнул Тома.

В этот момент из душа появился Брюс Бивер из третьего, предвыпускного, класса. Был он голый, только зеленое школьное полотенце болталось на шее (впоследствии его и еще одного парня исключили из школы за курение).

– Эй, Скелет, – крикнул он, – чем это ты тут занимаешься? Здесь же с минуты на минуту появится твой старик! Ты что, офонарел?

– Ненавижу этих сопливых жирняев, – пробормотал Скелет и повернулся к нам спиной. Сзади он выглядел еще более тощим и тщедушным.

Хлопнула входная дверь, и донесся голос мистера Уиппла: "Один лишь Хоган делает все как надо…" Брюс Бивер, покачав головой, принялся вытираться.

Вслед за Ридпэтом-старшим и Уипплом в раздевалку проник глоток свежего воздуха. Я заметил, как мистер Ридпэт, глядя на сына, с трудом сохранял улыбку на лице.

Глава 16

Две недели спустя наша команда встречалась в тренировочной игре со старшеклассниками. Сидя, как обычно, на скамейке запасных, я видел, как Том Фланаген то и дело сбивал с ног Скелета Ридпэта, делая это, даже когда борьба за мяч проходила на другом конце поля. После того как он сотворил это в третий раз, Скелет дождался, пока Уиппл отвернется, и ударил Тома по лицу. В следующей игре Том Фланаген, отбирая у Скелета мяч, так жестко (впрочем, в пределах правил) повалил его на поле, что звук падения был слышен с трибуны.

– Отлично сыграно, просто великолепно! – восхитился мистер Ридпэт. – Вот он, дух школы!

Глава 17
СУББОТА, ПОЛНОЧЬ: В ДВУХ СПАЛЬНЯХ

Мальчики лежали на отдельных кроватях в спальне Дэла, переговариваясь в темноте. Заснуть им не давали его крестные – Тому было отлично слышно, как Тим Хиллман периодически орал на Валерию: «Ну ты, сука». За ужином оба напились, хотя Валерия чуть меньше, чем муженек. Бад Коупленд накрыл мальчикам стол на кухне, а убирая после ужина посуду, заметил:

– Теперь жди ночью неприятностей… Вам, ребятки, лучше залечь пораньше и закрыть уши, чтоб не завяли.

Но выполнить его совет было невозможно: вопли Тима и вялые отругивания Валерии разносились по всему дому.

– Дядя Коул говорит, что Тим так пьет, чтобы забыться, – послышался голос Дэла из темноты. – Когда он пьян, он сам себе кажется другим: таким, каким хотел бы быть.

– Ты думаешь, он хочет быть таким?

– Думаю, да.

– Невероятно.

– Дядя Коул всегда прав, можешь мне поверить. Он никогда не ошибается. Хочешь узнать, что он говорит о магии?

– Конечно.

– Это почти как с Тимом: дядя Коул утверждает, что настоящий фокусник – он предпочитает слово "маг" – должен абстрагироваться от повседневности, переделать себя, ибо у него – особое предназначение. Только тот маг, который осознает себя как частичку вселенной, способен стать по-настоящему великим.

– Осознать себя частичкой вселенной?

– Да, маленькой частичкой, но при этом вобравшей в себя всю вселенную. Все, что вне этой частички, должно также присутствовать и внутри ее. Ты меня понимаешь?

– Думаю, да.

– Тогда ты должен понять, почему я хочу стать магом.

Знания – это разум, так? Спорт – это тело, мускулы. А маг приводит в действие всего себя: как разум, так и тело. Дядя Коул говорит, что маг синтезирует в себе все. Синтез, понимаешь? Магия – это музыка и кровопролитие, рассудок и жестокость. Все это и многое другое необходимо обнаружить в себе и научиться этим управлять. Именно таким путем и можно абстрагироваться от окружающего мира.

– Так, значит, все дело в умении управлять собой?

– Да, и не только собой. Это значит – стать как Бог.

Том понимал, что Дэл ждет его ответа, однако сказать ничего не мог. Он вовсе не был религиозен – даже не переступал порога церкви с самого Рождества в прошлом году, тем не менее последняя фраза Дэла чрезвычайно его расстроила, показавшись явно кощунственной.

Даже в темноте, на расстоянии. Том не увидел, а почувствовал улыбку Дэла, когда тот проговорил:

– А ведь в тебе тоже есть жестокость. Я видел, как ты обошелся со Скелетом во время игры.

***

Предмет их разговора – в ком уж точно жестокости было хоть отбавляй – лежал, как и двое младших мальчиков, без сна, и даже то, что проносилось у него в голове, имело поразительное сходство с темой их беседы. Дэл Найтингейл несказанно поразился бы, узнай он об этом. Отличие состояло в том, что тишину вокруг разрывали не пьяные вопли, а музыка Бо Диддли, такая напряженная, пульсирующая, мощная, что проникала ему под кожу и, казалось, могла приподнять его тщедушное тело с кровати, заставив воспарить.

Скелет прекрасно сознавал себя не частичкой, а частью вселенной, и ненависть – главная черта его натуры – проходила стержнем через его собственную вселенную. Скелету тоже доводилось видеть во сне грифов – обитателей пустыни, внезапные и яростные всполохи в пустынном небе, фиолетово-багровый песок в сумерках. Уже в раннем детстве, голодном и тоскливом, он знал, что подобные явления ему близки как никому, созвучны мрачным нотам, которые доносились из глубин его души. Окружающие были для него слепыми котятами: одни смотрели на эту выжженную пустыню и не видели, точнее, не желали ее видеть, другие старались отгородиться от истины, первоосновы как их собственной натуры, так и вселенной вообще. Истина же в том, что жестокость свойственна любому, что каждый человек в душе – убийца, более того, жестокость глубоко сидит в любом растении, даже в песчинке. Дотроньтесь до дерева – и вы почувствуете, как по нему текут ядовитые соки, высасываемые из подземных глубин и перекачиваемые через кору, ветви и крону в воздух…

В последнее время, заклеивая стены своей комнаты "штуковинами" – картинками, изображающими страх и боль, он все сильнее и сильнее проникался пониманием этой истины. Постепенно в его голове начали формироваться некоторые новые соображения, относящиеся к этой теме, над чем, однако, он пока не решался задуматься всерьез. Соображения эти были продолжением его, Скелета Ридпэта, натуры, но при этом самого его пугали, ибо далеко выходили за некие дозволенные рамки.

И вот, в последнее время…

…В последнее время…

…Эти мысли стали все настойчивей овладевать им. С развешанных по стенам картинок сходил человек и снимал широкополую шляпу, чтобы он смог рассмотреть его лицо: то было лицо зверя. Человек этот демонстрировал ему, как прав он был в своих размышлениях-догадках о сущности вещей и как мало, однако, он знал об этом. Тот человек был одновременно повсюду и нигде, существовал в его воображении и в то же время вполне осязаемо бродил из одной комнаты в другую, он был животным, деревом, пустыней, птицей.., носил длинный, до пят, плащ с поясом, а шляпа скрывала его лицо – он был реальностью. Он разговаривал со Скелетом, когда тот думал о нем, и он внушал ему: "Я здесь затем, чтобы тебя спасти". Он что-то требовал от несчастного Скелета, он подчинял его себе, и тот ради него, не задумываясь, отрубил бы на руке все пальцы, если бы человек этого захотел. Сила его не знала преград. Он был порождением грозы, сыном молнии и грома.

"Он – это я, – думал Скелет. – Я…" Ридпэт-младший уставился во тьме на одну из фотографий, где была запечатлена громадных размеров птица.

Глава 18
"ГУСИНАЯ ПАСТУШКА"

– В некотором царстве, в некотором государстве жила-была старая королева, – читал мистер Фитцхаллен вслух. – Супруг ее давным-давно умер, осталась только красавица дочка. Так начинается сказка «Гусиная пастушка». Как вы думаете – о чем она?

Как обычно, первым поднял руку Бобби Холлингсуорс:

– О красавице дочке.

– Правильно. Итак, король умер, остались старая королева с молодой и прекрасной дочерью. Принцессе, уже наполовину сироте, вскоре, надо думать, предстоит разлучиться с матерью и пуститься в дальнюю дорогу. И действительно, об этом говорится уже в следующей фразе сказки: ее выдают замуж за принца, и она отправляется к жениху в далекую страну. Как видите, события развиваются по классическому для сказки сценарию… Кто скажет, что ее ждет дальше?

На этот раз ответил Хоуи Стерн:

– С принцессой отправляется служанка – жестокая и злобная. Она издевается над принцессой, а потом умудряется занять ее место.

– Совершенно верно. Помните, мы говорили о роли личности, индивидуальности, анализируя другие сказки? Вот и тут то же самое. Итак, служанка лишает нашу героиню индивидуальности, можно сказать, похищает ее личность. Волшебный талисман принцессы – лоскут с тремя капельками крови – пропадает, и злая служанка подчиняет ее своей воле, заставляя поменяться с ней одеждой. Одежда – это символ нашей индивидуальности: так мы сообщаем окружающим, кто мы такие, но одновременно можно скрыть при помощи одежды свою действительную сущность. Итак, служанка выходит замуж за принца, а настоящую принцессу отсылают помогать Конраду, который пасет гусей. Теперь скажите: может что-либо подобное произойти на самом деле?

– Ни в коем случае, – ответил Боб Шерман. – Помимо одежды есть множество признаков, по которым принцессу легко отличить от служанки. Например, речь… И даже ту же самую одежду они будут носить по-разному.

– То есть существует очень много мелких признаков, определяющих социальное положение человека, – подвел итог мистер Фитцхаллен. – Абсолютно правильно. Однако из сказки следует, что человека можно лишить индивидуальности, похитить его личность, подменив ее своею собственной. Так что ответил ты верно, тем не менее суть вопроса здесь гораздо глубже. Существует теория о том, что каждый человек обладает так называемой тенью, и эта тень способна вселяться в своего хозяина, подменяя его личность. Теория эта еще более невероятна, чем то, что происходит в нашей сказке, и одновременно она более пугающая. В самом деле, если существует сама возможность похитить, подменить личность, то, значит, и в каждого из нас может вселиться кто-то или даже что-то. – Учитель сделал паузу, давая время нам осмыслить это неожиданное заключение. – Кто-нибудь знает, каким образом принцессе удалось вернуться в свое прежнее качество?

Тут заговорил Дэл:

– Отец принца заставляет ее поведать свою историю перед камином, а сам подслушивает через дымоход и таким образом узнает, кто она на самом деле.

– Да, но что его побудило к этому?

– Фалада, – ответил уже Том Фланаген.

– Правильно, Фалада. Лошадь, подаренная ей матерью.

– Это волшебство, магия, – с улыбкой пояснил Дэл. – Она вновь обрела собственную личность при помощи магии.

– Ты далеко пойдешь, – заметил Фитцхаллен. – Точно, здесь имело место волшебство. Злая служанка приказала отрубить Фаладе голову и, словно охотничий трофей, повесить ее на стену. Как-то раз Конрад, тот самый, что пас гусей, услышал, как его помощница заговорила с лошадиной головой и та ответила ей: "О, моя несчастная принцесса, если б королева-мать узнала про твою беду, сердце ее разбилось бы навеки". Таким образом, то, что нам знакомо и привычно – здравый смысл, признаки, характеризующие социальное положение, и тому подобное, – здесь обращается в ничто, и мы вступаем в некий потусторонний, волшебный мир, мир, в котором невозможного нет. Помните начало сказки? "В некотором царстве, в некотором государстве…" Неважно, что за этим последует: слова эти уже сами по себе дают понять, что перед вами – необыкновенный мир, где общепринятые правила не действуют. Здесь звери говорят, а люди превращаются в зверей – в общем, все становится с ног на голову.

Но в конце концов…

Он вопросительно взглянул на нас.

– В конце концов все возвращается на свои места, – сказал Дэл. – Разумеется, волшебным образом, иначе говоря, с помощью магии.

– Временами, Найтингейл, твоя голова работает просто великолепно, – поставил точку мистер Фитцхаллен.

***

Звонок возвестил окончание урока. Я в очередной раз восхитился чувством времени, которым обладал мистер Фигцхаллен. Оно представлялось частью того мира, что мы сейчас обсуждали, а вовсе не обыкновенного школьного мирка.

Мистер Фитцхаллен и мальчики принялись складывать книги, как вдруг сидевший со мной Том Фланаген что-то проворчал себе под нос, скорее рассерженно, чем изумленно.

А изумиться было чему: карандаш его парил в воздухе, примерно в футе от тетрадки. Том тут же схватил его, причем, как мне показалось, сделал это с некоторым усилием, словно карандаш приклеился к тому месту, где завис.

Слегка смутившись, Фланаген быстро сунул карандаш в карман рубашки, пожал плечами и буркнул в мою сторону:

– Ну что ты так уставился? Что-нибудь забавное увидел, да?

В конце концов я решил, что Том просто проделал нелепый, хоть и ловкий трюк: подбросил карандаш, а я взглянул на него как раз в тот миг, когда он, достигнув верхней точки траектории, должен был упасть.

Глава 19

Половина третьего ночи. Внезапно и бесповоротно пробудившийся Скелет Ридпэт скинул с себя одеяло: в доме было безумно жарко. Из за стены доносился громкий храп отца вперемежку с постаныванием и всхлипами – от этих звуков Скелета передернуло. Скорчив гримасу, он потянулся к выключателю.

И тут же едва не завопил: прямо над головой, футах в восьми от его глаз, зависло то самое видение, из-за которого он и проснулся, – громадная серая птица с распростертыми крыльями и растопыренными когтями. И все же птица была не совсем та: сейчас он видел орла, а это чудище из сна…

Нет, то был определенно не орел. Птица билась крыльями об оконную раму снаружи, приказывала впустить ее, и пробудился он как раз от ужаса, представив себе, что произойдет, если он повинуется настойчивым командам жуткой говорящей твари. Теперь он понимал, что принял за ее голос отвратительный отцовский храп.

Сделав над собой усилие, чтобы успокоиться и прогнать кошмарное видение, он окинул взглядом картинки – или, как он говорил, "штуковины" – вокруг фотографии парящего орла: орудия, ведущие огонь по неведомым целям, окровавленные тела, младенец, поднятый в воздух на острие копья.

Изображения рукотворных ужасов сменялись городскими пейзажами, роскошными автомобилями и фотографиями шикарных женщин, которым на место лиц он приклеил головы животных, главным образом шакалов и человекообразных обезьян.

Каждый участок стен занимали "штуковины", подобранные по какой-то определенной теме, причем вся эта на первый взгляд беспорядочная мозаика создавала единую картину, одну общую "штуковину". Так оно и было задумано давным-давно, много лет назад, когда он бросил все прочие увлечения и стал обклеивать картинками стены комнаты. Еще в то время он предвидел, что однажды все эти картинки, повинуясь мощному импульсу, сформируют единое грандиозное эпическое полотно.

Начал он с собирания изображений того, что искренне и глубоко ненавидел, – символов так называемого образа жизни Карсона: новеньких автомобилей, громадных холодильников, набитых едой, красиво одетых женщин, футбольных "звезд".

Все, что отец и коллеги отца возвели в ранг жизненных ценностей, что в своей совокупности составляло тот мир, который он мечтал взорвать, все это доставляло ему некое болезненно-извращенное наслаждение: он обожал смотреть на то, что было ему так ненавистно. Он аккуратно вырезал все комично-жуткие изображения, попадавшие на глаза, и вклеивал эти кошмарики среди столь презираемых атрибутов "образа жизни Карсона". Таким образом создавался безумный коллаж, в отдельных местах доходивший до четырех слоев наклеенных одна на другую "штуковин", и постепенно наверху оказывалось то, что, по мнению Скелета, и составляло истинную сущность этого мира.

Год назад его приятно поразило неожиданное осознание того, что своеобразная картина мироздания, создаваемая им на стенах комнаты, есть зеркальное отражение его собственной натуры. К такому выводу он пришел за завтраком, с отвращением прожевывая безвкусный бифштекс под неизменную отцовскую нотацию о пользе занятий спортом, и эта мысль настолько потрясла его, что он уронил стакан с "кока-колой".

Однако следующим летом мысль эта оказалась вытесненной другой, еще более ошеломляющей и угрожающей настолько, что он не позволял себе в нее углубляться. Тем не менее она упрямо сверлила его мозг всякий раз, когда он закрывал за собой дверь собственной спальни.

То, что он создал на стенах этой комнаты, отнюдь не являлось отражением его внутреннего мира.

Это было не зеркало, а окно.

Окно, которое открывалось не внутрь, а наружу.

Причем открывалось оно не сразу: то, что в действительности лежало там, снаружи, представало перед его взором постепенно, фрагментарно.

В последнее время на стене стали появляться изображения человека в длинном черном плаще, который вызывал ассоциации со злыми королями и кровожадными волками из сказок Фитцхаллена. Как он отыскал того, кто ему был нужен? Или, быть может, тот нашел его? Так или иначе, именно этот человек с его широкополой шляпой и указующим перстом должен помочь ему составить из фрагментов мозаики единую картину, которая и будет окончательной.

Скелет спрыгнул с постели и принялся лихорадочно копаться в куче иллюстрированных журналов.

***

– У нашей школы существовала своя тайна, – говорил мне Том. – И то ужасное происшествие во время нашего с Дэлом представления, или, если хочешь, магического действа, лишь поставило финальную точку в этой тайне, однако не дало разгадки. Разгадку эту следует искать в Обители Теней, точнее, сама Обитель Теней является разгадкой.

Во сне Скелету являлся человек в длинном плаще и широкополой шляпе. Являлся он и мне. Разумеется, я ничего не знал про видения Скелета – а если б даже знал, какой в том прок ?

Ты видел на уроке у Фитцхаллена, как мой карандаш внезапно завис в воздухе, и, как я понимаю, решил, что это некий обман зрения. Я и сам на твоем месте сделал бы аналогичный вывод: в конце концов, человеку свойственно искать рациональное объяснение явлениям, кажущимся сверхъестественными. Например, когда Ури Геллер проделывает свои трюки, люди предпочитают не верить собственным глазам.

Однако ты заметил мое смущение – я даже покраснел. Со мной творилось тогда нечто странное. Выражение «кошмары во сне» вряд ли подойдет, скорее – «кошмары наяву»… В любом случае никто не знал, что со мной происходило, даже Дэл. Случалось, я проводил целые дни так, как будто и не просыпался: в школе и после занятий меня продолжали преследовать неясные, но страшные видения, предзнаменования…

Хочешь примеры? Во-первых, временами мне мерещились птицы – будто они наблюдают за мной, выслеживают меня.

Так, однажды по пути домой на обед я обратил внимание на стайку воробьев: каждый из них сверлил меня своими глазками-бусинками. Дома я выглянул в окно гостиной и увидел на газоне малиновку, которая тут же обернулась и уставилась на меня через стекло, словно хотела что-то мне сказать. И так было несчетное число раз… Сначала я перепугался – думал, что у меня крыша поехала, однако потом мне это стало даже нравиться.

Но вот другие вещи понравиться не могли никак. Помню как-то раз, за неделю или две до экзаменов, я подошел к школе и чуть не упал в обморок: вместо вестибюля, лестницы и дверей библиотеки передо мной – всего лишь на секунду, ну, максимум на две-три – предстало нечто вроде джунглей. Воздух вдруг стал горячим и влажным, я очутился среди невероятно густых зарослей: деревьев было столько, сколько в жизни я не видел; увитые лианами, они сцепились кронами так, что образовали над головой сплошной зеленый покров. Одновременно я ощутил небывалый прилив энергии. В этот миг листва передо мной расступилась, и выглянула звериная морда. Я чуть не потерял сознание, и тут же все встало на свои места: и лестница, и дверь в библиотеку, и даже Терри Питере, который дал мне пинок под задницу, чтобы пошевеливался.

Подобные «кошмары наяву» стали посещать меня примерно раз в месяц после того, как я подружился с Дэлом. Но и это еще не все. Были и ночные кошмары. Практически каждую ночь я, заблудившись в дремучем лесу, спасался бегством от охотившихся на меня диких зверей или же летал в поднебесье, зная, что вот-вот рухну на землю… Странная, однако, вещь: какими бы жуткими ни были те кошмары, меня не покидало ощущение, что все это происходит на самом деле. Как будто я заглянул внутрь некоего таинственного механизма, что управляет ходом вещей во вселенной, и увидел, точнее, почувствовал хитросплетение великого множества шестеренок, поршней и тому подобных штуковин. Я испытывал страх и одновременно странное чувство удовлетворения от знания чего-то недоступного другим. Разумеется, понять принцип работы этого грандиозного механизма я не мог, но, по крайней мере, я его видел.

Вообрази, к примеру, что перед тобою вдруг разверзлась твердь небесная и ты увидел гигантское колесо, которое вращает нашу Землю вокруг Солнца, тогда ты, может быть, поймешь мои ощущения.

Хотя подобные ощущения возникали не всегда. Иногда я видел приближающийся ко мне темный силуэт, причем он двигался, словно паря в воздухе, как и я сам. В руке у него был кинжал, а может, меч – в общем, какой-то длинный и опасный предмет.

Он все приближался и приближался, постепенно заполняя собой поле зрения, и вдруг.., он отрубал своим оружием мне руки, сразу обе. Во всяком случае, их пронизывала такая жуткая боль, что казалось – они отрублены…

Я внимательно посмотрел на шрамы, розовеющие на кистях его рук.

– Об этом мы еще поговорим, – сказал мне Том.

Глава 20

В течение последующих недель Скелет Ридпэт походил на черепаху, спрятавшуюся в панцирь. Вид у него был отсутствующий, под глазами образовались синяки. Лишь однажды, в первую субботу ноября, он напомнил себя прежнего: проезжая по бульвару Санта-Роза, он остановился у кондитерской, вылез из машины и отвесил выходившему оттуда Дейву Брику такую затрещину, что толстячок едва удержался на ногах. Оказалось, тот забыл надеть школьную фуражку.

Однако головы как у старшеклассников, так и у нас были заняты другим: предстояли весьма суровые зачеты, а там, глядишь, уже и январские экзамены не за горами. Кроме того, за полторы недели до зачетов должны были состояться "домашние" игры с нашим извечным соперником – школой Ларча, а на следующий же вечер был назначен первый в этом году школьный бал. Это последнее мероприятие было не для новичков, однако шестерым из нас предстояло исполнять на балу роль официантов – в белых пиджаках и, разумеется, фуражках.

Все мы знали, что зачеты и экзамены не сулят Скелету ничего хорошего, и надеялись, что он таки вылетит в конце концов из школы. Впрочем, надежда эта была слабой. Те же, кому предстояло быть на балу официантами, уповали лишь на то, что Скелет туда не явится: должен же он понимать, что вряд ли какая-нибудь девушка согласится с ним потанцевать.

Смесь отвращения и страха была тем чувством, которое мы все без исключения испытывали к Скелету Ридпэту. Том Фланаген был в наших глазах героем, потому что весьма круто проучил Ридпэта, ударившего его по лицу на футбольном поле, и доказал тем самым, что зло должно и может быть наказано.

Именно в те две-три недели, когда Скелет переключил свое внимание с нас на другие, надо думать, неприятные для него вещи, Том и Бобби Холлингсуорс заметили его однажды у двери директорского кабинета, но он поспешил скрыться за аркой. Тут же было сделано естественное предположение, что Змеюка Лейкер вызвал его, чтобы объявить об исключении. Спустя пару дней Том, отправленный мистером Уэзерби к директору отнести отчет о посещаемости, буквально нос к носу столкнулся возле двери кабинета со Скелетом. Тот не стал прятаться, а махнул нетерпеливо и повелительно костлявой рукой: с дороги!

Чуть позже в тот же день школу облетела новость об исключении Брюса Бивера и Харлена Уиллоу за курение в туалете спортзала. Известие это так нас взбудоражило, что мы тут же забыли о странных перемещениях Скелета возле кабинета директора. По такому поводу Лейкер Брум созвал общешкольное собрание, ради чего была отменена тренировка после уроков. Пока мистер Ридпэт сидел мрачнее тучи на заднем ряду, горюя о потерянных полутора часах подготовки, столь драгоценных перед предстоящей нелегкой игрой, Брум долго и нудно говорил, что в школе случилось "несчастье": двое безусловно способных учеников покрыли себя

позором и, возможно, сами себя лишили будущего; это, конечно, трагедия для них, однако тяжесть их проступка лишила его возможности помочь им.

При этом на его физиономии не было и тени сожаления: наоборот, он выглядел страшно довольным. Нам с первого ряда это было особенно хорошо заметно.

Глава 21

В последние четыре дня перед игрой Ридпэт совершенно озверел на тренировках: он заставлял нас повторять одни и те же приемы по десять-двенадцать раз кряду. В его предыгровых раскладках мы были не более чем крестиками-ноликами, которыми можно манипулировать как заблагорассудится. Каждая тренировка заканчивалась тремя кругами бега вокруг поля, что обычно служило наказанием лишь для абсолютно бестолковых или неуклюжих. Это и в действительности было своего рода наказанием – за потерю Бивера и Уиллоу, которые неизменно попадали в основной состав команды старшеклассников и были там в числе лучших. После тренировок мы еле доползали домой – все в синяках, кровоподтеках и с разбитыми носами, не в силах не только делать уроки, но даже смотреть телевизор.

В день игры поле вылизали тщательнейшим образом, а разметку обновили мелом. Небо сияло безоблачной голубизной. Несмотря на позднюю осень, еще не похолодало.

Трибуны постепенно заполнялись возбужденными родителями, причем мужчины в большинстве своем были, несомненно, выпускниками школы Карсона – это прямо-таки читалось на их физиономиях.

Шерман, Хоуи Стерн, Моррис Филдинг и, конечно, я сидели на скамейке запасных и наблюдали, как наша младшая команда проигрывает Ларчу по всем статьям. Мяч трижды побывал в нашем зачетном поле, на что мы сумели ответить лишь один голом.

Старшеклассники выбежали на поле под приветственный рев публики, перекрываемый истошными воплями самых рьяных болельщиков, – большинство отцов явились на игру явно не с пустыми фляжками. Однако шум стих уже после первых минут игры: наши выглядели на поле просто катастрофически беспомощно. Дальнейшее описывать не буду – результат говорит сам за себя: 21:0 в пользу Ларча.

Мистер Ридпэт совершил фатальную ошибку, выжав из нас все соки на тренировках.

Глава 22

По правде говоря, я воздерживаюсь от описания игры главным образом из-за того, что внимание мое, да и не только мое, было отвлечено неким странным эпизодом.

По окончании игры младших команд нашему классу достались места лишь в заднем ряду трибуны, откуда был прекрасно виден травянистый склон по ту сторону поля. Когда гостевая автостоянка возле личного входа директора Брума оказалась заполненной до отказа, родители стали парковать машины вдоль этого склона, и теперь их "бьюики", "линкольны" и несколько "эм-джи" выстроились в длинную шеренгу, уставившись блестящими решетками радиаторов прямо на нас. Где-то к концу первого тайма я бросил в ту сторону случайный взгляд: между двух автомобилей стоял незнакомец.

Он явно не был одним из родителей и уж тем более выпускником Карсона – об этом красноречиво говорили его длинный, почти до пят, плащ с поясом и старомодная широкополая шляпа из мягкого коричневого фетра, натянутая чуть ли не на глаза. Руки он держал в карманах. В общем, выглядел он, как Шелдон Леонард в телесериале "Международная интрига". Тогда, в конце пятидесятых, плащи свободного покроя с поясом и широкополые, натянутые на глаза шляпы были совершенно не типичны на американском Западе и скорее ассоциировались с Европой, неся в себе романтический дух путешествий, дальних стран, международного

шпионажа. Ничто в этом весьма экзотическом типе не указывало даже на малейший интерес к футболу вообще и к встрече между двумя школьными командами в частности.

И тут я ощутил реакцию Дэла Найтингейла на появление таинственного незнакомца. Дэл, сидевший рядом с Томом Фланагеном в трех рядах от меня, внизу, взглянул в ту сторону одновременно со мной. Человек, одетый на манер Шелдона Леонарда, произвел на него поразительное впечатление: Дэл оцепенел, словно кролик перед удавом, и держу пари, что, если б его в тот момент кто-нибудь тронул за плечо, он задрожал бы мелкой дрожью. Затем он как-то пискнул, будто электронный прибор, – вероятно, то был возглас изумления.

Появление незнакомца произвело неотразимый эффект еще на одного персонажа моего повествования: сидевший в форме Скелет Ридпэт чуть не свалился со скамейки запасных.

В этот момент человек в плаще попятился за машины и скрылся из виду. Скелет обернулся и окинул взглядом задние ряды. Голова его, торчавшая из неестественно широченных под защитными накладками плеч, казалась малюсенькой виноградиной, в лице же не было ни кровинки.

Глава 23
"ИНОГДА Я ПРОСТО СЧАСТЛИВ"

С потолка аудитории свисали длинные разноцветные ленты; ряды металлических стульев были убраны, чтобы освободить место для танцев; столы расставлены по периметру и накрыты темно-синими скатертями. Бал еще не начался – было без десяти восемь, и кроме нас, шестерых «официантов», в помещении находились лишь распорядители: мистер и миссис Роббин. Мистер Роббин, учитель физики и химии, – худой седеющий мужчина, его чопорную манеру держаться подчеркивали очки с толстенными стеклами. Супруга была выше его ростом, волосы она зачесала наверх и собрала в пучок. Сидя рядышком у стены, среди спиралей серпантина всех цветов радуги, Роббины своей несовременной и чересчур «ученой» внешностью напоминали доктора и мадам Кюри.

До сих пор мы с Роббинами не были знакомы: преподавали они только в старших классах. Здороваясь с нами, они ограничились сухим кивком. Неожиданно мистер Роббин обратился к Дэлу:

– Ты Найтингейл, не так ли? Новичок?

А дело в том, что по школе прокатились слухи, будто Дэл Найтингейл, потеряв родителей, стал обладателем сказочного наследства и якобы банк, являющийся его опекуном до достижения совершеннолетия, фактически принадлежит ему.

Роббин постучал указательным пальцем по циферблату часов:

– Сегодня запустят спутник. Без пяти десять. Искусственная звезда….

Помимо меня самого, Дэла и Тома "официантами" были Бобби Холлингсуорс, Моррис Филдинг и Том Пинфолд, футбольный фанат, до сих пор не пришедший в себя после игры.

Моррис, который занимался фортепиано, напросился сам на эту должность, надеясь послушать оркестр.

Музыканты, волоча за собой футляры с инструментами, явились вскоре после восьми, а вслед за ними зал стали наполнять ученики второго и третьего классов. Те, что пришли с девушками, немедленно отправились за бумажными стаканчиками с пуншем, остальные, прислонившись к стене, принялись наблюдать за происходящим на сцене.

Казавшиеся гномами на необъятной авансцене, одиннадцать музыкантов расселись на стульях и стали настраивать инструменты и перелистывать ноты. Моррис и я уже были наслышаны о тенор-саксофонисте в темных очках и возлагали на него большие надежды. Наконец музыканты заиграли "Маленький отель".

В половине девятого появились и первые старшеклассники – Холлис Уэкс и Пол Дерринджер, разумеется с девушками. Увидев, что никто еще не танцует, они уселись за один из столиков, предназначенных только для старших, и принялись озираться в поисках белых курточек официантов, то есть нас.

– Самое время хорошо повеселиться, после того как нам надрали задницы на поле, – услыхал я замечание Уэкса, подойдя к их столику. – Всем джин с тоником, – бросил он мне небрежно; после этого, оглядев сцену, скривился:

– Вы только посмотрите на это убожество – вот уж лабухи так лабухи. Один еще к тому же и слепой… Эй, ты! – Это уже в мою сторону: я только отошел от столика, чтобы принести им пунш. – Организуй-ка нам братьев Эверли заодно!

В течение следующих двадцати минут явилось большинство старшеклассников. Одеты они были весьма небрежно, как и их родители, присутствовавшие на игре: на балах школа отдыхала от традиционных пиджаков и галстуков. На танцплощадке закружились первые пары – из тех, что посмелее.

Мистер и миссис Роббин поднялись из-за столика и принялись со скучающим видом бродить между танцующими. Мы с Бобби Холлингсуорсом занялись приготовлением очередной порции пунша, смешивая в хрустальном кувшине виноградный сок, содовую воду и безалкогольное пиво. Оркестр заиграл польку. Мистер Роббин водил головой туда-сюда, словно измеряя расстояние между ближайшими к нему парами. Как и Дейв Брик, он не расставался с логарифмической линейкой и сейчас, оказавшись вдруг без этого необходимого инструмента, выглядел каким-то потерянным. Саксофонист в солнечных очках заиграл соло, полностью оправдав возлагавшиеся на него надежды. Бобби Холлингсуорс, на секунду оторвавшись от адского пойла, с усмешкой показал кивком на Терри Питерса. Тот стоял возле одной из дверей в компании сногсшибательной девицы и, озираясь по сторонам (не смотрит ли на него мистер Роббин?), свинчивал крышку плоской серебристой фляжки. Открыв ее, он плеснул оттуда в стакан из-под пунша и себе, и своей спутнице.

К нам подскочил Моррис Филдинг с подносом:

– Шесть стаканов… Нет, вы слышали, как он играет?

Обалденно! Кому он, интересно, подражает: Биллу Перкинсу или Зуту Симсу?

Моррис отошел от нас со своими шестью стаканами, и одновременно Терри Питере вывел свою девицу за дверь, причем так быстро, что их ухода почти никто и не заметил.

Бобби Холлингсуорс захихикал, но вдруг осекся. Я тоже замер: в зал змеей вполз Скелет Ридпэт, в черном свитере и черных же брюках. Он определенно был то ли возбужден, то ли пьян – даже его обычно бледная как смерть физиономия раскраснелась. Скелет стал пробираться между столиками, направляясь к сцене. Саксофонист заиграл "Иногда я просто счастлив", однако я его уже не слушал: все мое внимание переключилось на Скелета. А тот, по пути прихватив с незанятого столика стакан пунша, приблизился со спины к Дэлу Найтингейлу, оттянул ему воротник и опорожнил туда стакан.

***

От неожиданности Дэл подскочил и взвизгнул, словно месячный щенок, затем обернулся, увидел, кто перед ним, и, отпрянув, чуть не свалился на столик.

– Ой, Флоренс, ради Бога извини, – проговорил Скелет, виновато разводя руками.

Слова эти я разобрал с трудом, зато прекрасно уловил оскорбительно-насмешливый тон Скелета. Дэл и Стив, один – маленький, в белой курточке, другой – длинный, весь в черном, похожий на костлявого червя, двигались по кругу, пятясь. Кроме двух-трех старшеклассников за соседним столиком, за этой сценой ошеломленно наблюдали только Бобби Холлингсуорс и я. Когда они обошли столик, Скелет опять разинул пасть:

– Увидимся позже, Флоренс, да?

Дэл снова отпрянул, ударился о тот же самый столик, повернулся и выбежал в коридор. Скелет же плюхнулся на один из стульев, провел костлявой ладонью по лицу и мерзко осклабился. Потом на его физиономию вернулось то отрешенное выражение, которое не сходило с него все последнее время.

Когда музыканты объявили перерыв, я видел, как Скелет поднялся по ступенькам на сцену и скрылся за подставками для инструментов.

После того как оркестр вернулся, мистер Роббин то и дело посматривал на часы, а когда решил, что спутник уже можно наблюдать в небе, сложил руки рупором и крикнул на весь зал:

– Кто хочет видеть настоящее чудо, пожалуйте на выход!

Расслышала его, надо думать, лишь стоявшая рядом верная супруга, по крайней мере остальным было наплевать.

Тогда он крикнул еще громче:

– Идемте же! Это важнее ваших танцев! – Он махнул оркестру, чтобы перестал играть:

– И вы, ребята, отдохните.

Глотните свежего воздуха.

– Иди в задницу! – ответил басист, вызвав одобрительные улыбки танцующих.

Оба саксофониста немедленно сунули сигареты в зубы.

Остальные музыканты, пожав плечами, отложили инструменты в сторону.

Глава 24
О ЧЕМ ПОЗЖЕ РАССКАЗАЛ ТОМ

Когда, как рассказал Том, зал опустел, Скелет наконец выполз из-за сцены и уселся возле стола, где мы готовили пунш, футах в пятнадцати от двери в коридор. Когда Дэл вернулся из туалета, куда его сопровождал Том, Скелет встретил их глумливой ухмылкой:

– Что, Флоренс, почистила перышки? Да уж, наверное, неприятно, когда эта гадость стекает прямо по спине.

– Отстань от него, – сказал Том.

Мальчики, обойдя Ридпэта, направились к дальнему концу длинного стола.

– А ты не лезь, болван. Я что – с тобой разговариваю? – Ридпэт повернулся вместе со стулом так, чтобы оказаться к ним лицом. Никого больше в зале не было, за исключением двух музыкантов, которые курили на сцене, и нескольких парочек, обнимавшихся в дальнем конце аудитории. – Ты, Флоренс, боишься меня, да?

Вопрос был задан напрямую…

– Да, – пробормотал Дэл.

– Что – да?

– Да, мистер Ридпэт, боюсь.

– Вот так-то лучше. Потому что ты будешь делать все, что я скажу, как и положено тебе, вонючка. Один твой вид, Флоренс, вызывает у меня тошноту: ты мне напоминаешь клопа или таракана…

Ридпэт поднялся, и Том заметил что-то белое в уголках его рта. Схватив стакан с пуншем, он швырнул его прямо в Дэла. Тот еле успел отскочить.

Том открыл было рот, но Скелет злобно прошипел:

– Ты, Фланаген, лучше отвали, не то я разорву тебя на мелкие кусочки. – После этого он вновь повернулся к Дэлу.

Глаза его горели. – Ты ведь его тоже видел…

Дэл покачал головой.

– Видел, я знаю. Я наблюдал за тобой… Кто он? Говори, крысенок, кто он такой? Он что-то хочет от меня, да? Ему от меня чего-то надо, так ведь?

– Ты псих, – проговорил Дэл.

– О, нет, нет, нет, – быстро забормотал Скелет, наклоняясь к самому лицу Дэла. – Послушай, ведь на нас никто не смотрит… Мы будто одни здесь… – Он словно клещами вцепился Дэлу в запястье. – Ну скажи же мне, кто он.

И опять Дэл покачал головой.

– Ты видел его… Ты знаешь, кто он…

В отвращении содрогнувшись всем телом, Дэл сделал попытку вырваться, однако Скелет с быстротой молнии переместил хватку с запястья на ладонь Дэла и сжал ее изо всех сил.

– Что, девочка, – зашипел он, – хочешь от меня удрать, малышка?

Он стиснул ладонь Дэла так, что кости, казалось, вот-вот хрустнут.

Том схватил Скелета за клешню, но тот с удивительной легкостью вырвался, при этом чуть не вздернул Дэла в воздух. Бросив на Тома злобный и одновременно какой-то полный отчаяния взгляд, Ридпэт внезапно рванул кисть Дэла вниз, к кувшину с пуншем. В последнее мгновение он разжал пальцы и кулаком ударил сверху по руке Дэла, со страшной силой саданув ею по кувшину.

Крик Дэла смешался со звоном расколоченного вдребезги кувшина. Жидкость кирпичного оттенка залила стол и забрызгала все вокруг. Скелету досталось меньше – он непостижимым образом успел отскочить. Дэл едва не упал в обморок прямо на стол.

– Я должен знать, – крикнул напоследок Ридпэт, выбегая в коридор.

***

Когда все налюбовались красноватой точкой, проплывшей в небе над футбольным полем, и возвратились в зал, Том с Дэлом вытирали тряпкой пол. Дэл с перекошенным от боли лицом одной рукой водил тряпкой по полу, другую же держал навытяжку, чтобы кровь из пореза на костяшках кисти капала в мусорное ведро.

– Бог ты мой, до чего ж вы неуклюжи, – укоризненно произнес мистер Роббин и велел супруге сходить в учительскую и принести из аптечки вату, бинт и йод.

Глава 25
НОЧЬЮ

– Но мне-то можешь сказать? Ведь я – твой лучший друг!

– Мне нечего сказать…

– Я, кажется, уже и сам догадываюсь, кто это был.

– Какой-то щеголь.

– Ну что это еще за страшная тайна?!

– Что ты ко мне пристал? Поинтересуйся лучше у Скелета, а я понятия не имею, о чем он говорил.

Глава 26
ALIS VOLAT

На следующий уик-энд у нас была назначена игра на выезде – в Вентноре, городке еще побогаче нашего, расположенном примерно в сотне миль на север. Школа там в отличие от Карсона была перворазрядной, известной по всему Юго-Западу. Еще бы: она, единственная в

трех штатах, обладала собственной командой яхтсменов, не говоря уже о том, что ее ученики занимались также фехтованием и регби.

Мы считали школу Вентнора скопищем невыносимых снобов. Она кроме всего прочего славилась коллекцией антикварного фарфора и стекла – предполагалось, что это чрезвычайно способствует эстетическому воспитанию учащихся.

Мы отправились в Вентнор на школьном автобусе. Дорога заняла два с половиной часа. Сразу по прибытии нас угостили "кока-колой" с сандвичами – гостеприимные хозяева позаботились, чтобы мы перед игрой немного подкрепились.

Впрочем, родительский комитет, организовавший угощение, преследовал несколько иную цель: познакомить нас с будущими друзьями-соперниками. Знакомство, однако, не состоялось: вентнорцы сгрудились в одном конце школьной столовой, интерьер которой был словно скопирован с кабинета нашего директора Брума (а может, наоборот?), мы – у противоположной стены…

Скелет Ридпэт, молчавший всю дорогу, выдул шесть или семь стаканов "кока-колы", после чего принялся разглядывать экспонаты из знаменитой коллекции антиквариата, выставленные здесь же на полках. Всякий раз, как взгляд его падал на Дэла, физиономию искажала злобная гримаса. За это время Скелет еще больше отощал и выглядел готовым кандидатом на больничную койку.

Кисть Дэла, до сих пор забинтованная, ярко белела на фоне его оливковой кожи. Одет он был в голубой блейзер и белоснежную сорочку с галстуком в красно-синюю полоску и в этой благопристойной экипировке казался старше своих лет. Перебинтованная рука, словно боевая медаль, придавала ему некий романтический ореол. Вообще я как бы увидел его с новой, незнакомой стороны, при этом у меня появилось предчувствие чего-то совершенно необыкновенного, что ожидало Дэла.

– Подъем, ребята, и вперед, – скомандовал, кашлянув в кулак, мистер Ридпэт и повел нас в раздевалку.

***

Как и в прошлый раз, обе игры закончились для нас весьма плачевно. Младшая команда снова пропустила три мяча в зачетное поле. Старшие начали чуть лучше и даже после первых пятнадцати минут вели в счете, однако Вентнору удалось выйти вперед еще до перерыва, а в самом начале второго тайма их защитник по имени Крич пробежал с мячом не меньше тридцати ярдов и приземлил его в зачетном поле.

После этого наша защита, да и вся команда, просто развалилась, и вентнорцы творили на поле что хотели, не встречая ни малейшего сопротивления.

– У них тут денег куры не клюют – они же просто покупают футболистов со стороны, – заявил Чип Хоган, когда мы, покинув трибуны, понуро брели вдоль великолепного поля назад к столовой, где нам был обещан прощальный ужин. – Ты видел тех двоих амбалов в полузащите и того монстра-защитника? Я знаю их: они не местные. Им предоставили стипендии, бесплатное жилье, форму и даже усиленное питание. Не то что у нас… – Он скрипнул зубами. – Ладно, увидимся на их чертовом ужине.

И он припустил бегом: ходить не спеша Чип просто не умел.

Я мог бы последовать за ним прямо через поле, а затем вверх по склону к главному зданию или же по дорожке, что шла вдоль пруда, то есть в обход. Последний путь выбрала примерно половина нашего класса: после второго разгромного поражения кряду ребята сгорали со стыда и всячески старались оттянуть свидание как с победителями, так и с собственным тренером. Поколебавшись, я присоединился к своим друзьям.

– Господи, как мне неохота тащиться на этот ужин, – вздохнул Бобби Холлингсуорс.

– К сожалению, – сказал Моррис, – выбора у нас нет, но, по правде говоря, я бы предпочел свалиться прямо здесь в траву и выспаться.

– В автобусе выспишься, – усмехнулся Том.

– Точно, – вставил Бобби, – а Ридпэт споет тебе колыбельную… – Сунув руки в карманы, он посмотрел по сторонам. – Нет, каково местечко, а? Вот уж точно, гнездо нуворишей… Меня прямо тошнит от всего этого.

– А мне этот городок кажется довольно симпатичным, – возразил Дэл.

– Да иди к дьяволу, Флоренс, – взорвался Бобби. – Ну и покупай все это дерьмо! Сделаешь кому-нибудь рождественский подарок…

– Не выступай, Бобби, остынь, – принялся успокаивать его Том. – Конечно, ты не в себе из-за очередного проигрыша, и все же…

– Конечно, – усмехнулся Бобби, и не подумав извиниться, – в отличие от тебя. Тебе же нравится проигрывать? Ну подумаешь, испортили игру, сели в автобус и убрались восвояси – что тут особенного? А ты уговори Флоренс купить автобус – тогда мы выкинем оттуда Ридпэта, и все дела. Бог ты мой, ну что за кретины!

Перепалка, грозившая перерасти в настоящую потасовку, явно осточертела Дэлу. Поежившись, он пробормотал, что стало холодать, с явным намеком на то, что пора присоединиться к остальным, которые, наверное, уже в столовой.

С места, где мы стояли, переругиваясь, отделенные от пруда несколькими разлапистыми деревьями, была прекрасно видна вся школьная территория вплоть до спортзала. Старшеклассники, уже переодевшись и приняв душ, двигались небольшими группами к административному зданию. Слишком большое расстояние и сгущавшиеся сумерки мешали рассмотреть их лица, однако распознать, кто есть кто, можно было без труда – по одежде и по походке. Майлс Тигарден и Терри Питере брели между двух зданий, при этом Тигарден так сутулился, что, казалось, пытался что-то отыскать в траве.

– Скотина, – пробормотал Том, когда Скелет Ридпэт вышел из спортзала (его-то фигуру не узнать было невозможно). Скелет довольно бодро зашагал к административному зданию: вот уж кому на всякие там проигрыши глубоко наплевать!

Дэл – он был уже в шести-семи футах от нас – вдруг тихо застонал, будто получил несильный удар под дых: человек – тот самый, похожий на Шелдона Леонарда, – шествовал перед нами по направлению к трибунам. Его прямая как палка фигура казалась чуть размытой в сумерках, шляпа, как и раньше, была низко надвинута на лоб, широкий пояс обхватывал плащ в талии.

– Идем, Дэл, – позвал Том.

Но Дэла словно парализовало. Тогда и мы принялись наблюдать за удаляющимся незнакомцем.

– Что, дворник работает здесь допоздна? – поинтересовался Бобби Холлингсуорс. – Надеюсь, в темноте он сломает себе шею…

Дэл поднял забинтованную руку, как будто защищаясь или давая кому-то сигнал.

– Какого черта мы уставились на дворника? – проворчал Моррис Филдинг. – Мне тоже становится холодно.

– Да он вовсе не дворник, – возразил Боб Шерман, – наверное, отец кого-нибудь из местных богатеньких. Такие плащи стоят пару со ген.

– Не заливай, – сказал Моррис и решительно двинулся к школе.

– Две сотни, говорю тебе, – настаивал Шерман.

Мы все, исключая Морриса, словно завороженные продолжали пялиться на удаляющегося человека. Широкие полы его плаща и концы пояса трепетали на ветру. От него, казалось, исходило некое таинственное сияние, вот только было оно темным, темнее сумерек. Уже во

второй раз за день в мозгу у меня промелькнуло, что это не простой смертный, а персонаж таинственного потустороннего мира.

Фигура наконец скрылась за главной трибуной.

– Да идем же, – взмолился Том. – Догоним Морриса.

И тут вдруг в сотне ярдов от нас Скелет Ридпэт испустил дикий вопль. Это был не вопль ужаса, нет, скорее, как ни удивительно, – некий торжествующий крик. Костлявые руки взметнулись над головой, тело стало извиваться в какой-то безумной пляске. Вслед за этим сзади слабо послышалось хлопанье крыльев, и, обернувшись, я увидел громадную птицу в момент ее взлета над трибуной стадиона.

– Да, пора идти, – бесцветным голосом сказал Дэл.

Взяв Тома за руку, он повел его по дорожке – догонять Морриса Филдинга.

***

Не могу умолчать еще об одном происшествии того же злополучного дня.

В столовой было гораздо больше народу, нежели в первый раз: теперь тут толклись еще и родители. Одеты они были с иголочки, да и вообще выглядели на миллион долларов – ясное дело, после такого исхода игр чего уж желать больше… Получив свою порцию, я пристроился к Дейву Брику.

– Вот что я тут вычислил, – обратился он ко мне, убирая свою логарифмическую линейку назад в футляр. – Оказывается, их школьная территория в два и три десятых раза превышает нашу.

– Потрясающе, – прокомментировал я это великое открытие.

Мимо нас продефилировал Скелет Ридпэт. Он был похож на лунатика. Мы с Бриком посторонились, давая ему дорогу, но он на нас даже не покосился, а продолжал незряче двигаться, пока не уперся в стенку. Волосы его, до сих пор не высохшие после душа, слиплись и свисали перьями. Некоторые из родителей взглянули на него и тут же отвели глаза.

Тем временем Скелет как автомат приблизился к полкам с антиквариатом, к которым уже присматривался перед игрой. И тут мы с Дейвом Бриком не поверили своим глазам:

Ридпэт-младший взял с одной из полок маленькую стеклянную штуковину и опустил ее в собственный карман.

Глава 27
В КОМНАТЕ ТОМА

Здесь не было ни звездных карт, ни черепов, ни аквариума с экзотическими рыбками; не было также фотографий знаменитых фокусников – только снимки самого Тома и его отца, то верхом на лошадях и с ружьями в прерии Монтаны, то на лодке с удочками. Единственной картинкой, не относящейся непосредственно к Тому, была репродукция одного из произведений «голубого периода» Пикассо – с печальными акробатами. Одну стену полностью занимал встроенный стеллаж с книгами.

По возвращении из Вентнора мальчики вторично поужинали, на сей раз с родителями Тома, после чего отправились в спальню немного позаниматься.

В половине одиннадцатого Дэл заявил, что у него уже глаза слипаются, закрыл учебники и нырнул в гостевую постель.

– Завалишь математику, – попытался урезонить его Том.

– А, наплевать, – отмахнулся Дэл, зарываясь головой глубже в подушку. – Я же не Дейв Брик.

– Ну, тогда мне тем более плевать! Вот только экзамены уже в среду…

Том бросил вопросительный взгляд через плечо: но Дэл лежал неподвижно, вниз лицом. Внезапно Том почувствовал, как от щуплой фигурки друга невидимыми волнами исходят флюиды страдания. На мгновение они смешались в мозгу Тома с собственным ощущением близкой тяжелой утраты, и мальчик едва сдержал подступившие вдруг рыдания. За ужином отец выглядел так, будто мысли его витают далеко-далеко, где-то в горах за тысячу миль: днем он прошел очередную консультацию у доктора, которая сильно затянулась.

Мальчик нутром чуял предстоящий вскоре "серьезный разговор" с отцом или с матерью, после которого вся жизнь семьи кардинально переменится.

Том тупо уставился на стену. Он как будто видел на кремового цвета штукатурке зеркальное отражение собственного лица, только постаревшего на десять, двадцать лет, с таким же выражением щемящего одиночества в глазах, как.., как у Скелета Ридпэта…

"Одинок, как Дэл", – мелькнуло вдруг у него в голове.

Он обернулся, локтями отодвинув в сторону учебники.

– Тебе не кажется, что нам пора все это обсудить?

Дэл чуть расслабился, вытянувшись на кровати.

– Н-наверное…

– Еще в автобусе я чуть не откусил себе язык, понимая, что там ты ни за что на свете не захочешь говорить.

Дэл согласно кивнул.

– И то же самое за ужином.

– Верно.

Перевернувшись вверх лицом, Дэл посмотрел на друга.

– Мы с тобой провели здесь за учебниками часа три.

Думаешь, я не видел, как ты раза по четыре перечитывал одно и то же? И выглядишь ты, надо сказать, ужасно. Я так от всего этого устал, что терпение мое вот-вот лопнет. Тебе не кажется, что время наступило уже давно?

– Для чего?

– Чтобы ты мне рассказал наконец про того типа.

– Не могу. Я сам ничего не знаю.

– Да перестань же ты! Думаешь, я тебе поверю?

– Но это в самом деле так. Почему ты считаешь, что я должен что-то знать о нем?

Теперь Дэл сидел на кровати, подтянув колени к подбородку и уронив на них голову. Тому показалось, что он старается весь сжаться, как бы уменьшиться в размерах.

– Потому что… – Внезапно Том потерял всякую уверенность. Собравшись с духом, он выпалил:

– Сдается мне, это тот человек, который постоянно у тебя на языке. Твой замечательный дядюшка.

– Ничего подобного.

Дэл совсем сжался в комочек.

– Тогда докажи, что это не так.

Дэл поднял голову:

– Хочешь поговорить о дяде Коуле? Изволь. Я точно знаю, что сейчас он в Новой Англии, изучает магию.

– Изучает магию?

– Ну конечно! Именно этим он и занимается, именно там сейчас находится. Почему ты этого не знал? Потому что не спрашивал. По-моему, он тебя раньше и не интересовал вовсе. – Дэл часто-часто заморгал, лицо его задрожало.

– Послушай, Дэл… – Том был растерян. – Я… Я не знал…

"Я не знал, что ты мне ответишь, – пронеслось у него в мозгу. – Да еще это предупреждение Бада Коупленда в день нашего знакомства: будь осторожен, Рыжик!"

– Ну конечно же, он меня очень заинтересовал, – сказал он вслух.

– Ага, тебя и еще Скелета… – Дэл снова уронил голову на колени. Помолчав, он как-то сдавленно проговорил:

– Да, все меняется.

– Что?

– Меняется все. Я-то надеялся, что все всегда останется по-прежнему, тогда можно заранее сказать…

Заранее сказать, что есть и что будет.

Неожиданно Дэл свесил ноги с кровати и сел совершенно прямо.

– У меня такое странное ощущение… – Он весь напрягся, словно йог на ложе, утыканном гвоздями. – Ты читал "Франкенштейна" или "Историю Гордона Пима"? Нет? Так вот, я чувствую, что меня несет к чему-то, напоминающему конец этих книг: вокруг лишь ледяное безмолвие, все белым-бело, весь мир то ли застыл от холода, то ли, наоборот, кипит – не важно… И ледяные глыбы… Никакого выхода оттуда, одни лишь ледяные глыбы. И что-то такое, по-настоящему ужасное, все ближе и ближе…

– Ну разумеется, – сказал Том, – и тут вдруг появляется прекрасный принц, произносит магическое заклинание, три ворона кладут к твоим ногам волшебные талисманы, а громадная рыбина уносит тебя оттуда на спине.

Он попытался выдавить усмешку.

– Нет, – Дэл был невозмутим, – все не так. Ты не забыл любимое выражение мистера Торпа, если кто-то не в состоянии ответить на его вопрос? Hie vigilans somniat – "Он, бодрствуя, спит". Вот и со мной такое происходит: я будто не живу, а сплю и вижу сны, при этом сам не верю в них. – Внезапно он спросил:

– Как бы тебе понравилось жить вместе с Тимом и Валерией Хиллманами?

– Что это ты…

– Ну ладно, ладно. Мы в самом деле говорили вовсе не об этом.

– Да, давай лучше вернемся к ледяным глыбам, прекрасному принцу, трем воронам и волшебной рыбине.

– Правильно, ну их, Хиллманов… Знаешь, о чем я подумал?

– Что пора спать?

– Твой принц, вороны и вся эта ахинея… Так сказать, спасательная экспедиция…

– Ну так что же?

– На Рождество я собираюсь навестить дядю Коула. Хочешь, поедем вместе? Как раз и познакомишься с ним.

Том закружился в водовороте противоречивых чувств: страх смешивался с приятным ожиданием чего-то необыкновенного, ощущение собственной беззащитности – с надеждой обрести могущественного покровителя. Ему захотелось обнять Дэла, но, взглянув на друга, он понял, что тот сейчас далеко-далеко, среди своих ледяных глыб. И тут Том вспомнил об отце.

– Нет, Дэл, не могу. Извини, но я действительно не могу.

Через какое-то мгновение до Тома дошло, что Дэл беззвучно плачет.

– Господи, Дэл, перестань… Когда-нибудь я смогу.

Я смогу, Дэл. Ну прекрати же! Лучше покажи что-нибудь с картами: как ты их хитро тасуешь, например…

– Как прикажешь, мой повелитель. Тасовать карты можно и не просыпаясь…

Глава II
МАГИЧЕСКОЕ ДЕЙСТВО

Глава 1

В понедельник Лейкер Брум собрал нас в самой большой аудитории, чтобы объявить о пропаже из столовой в школе Вентнора стеклянной фигурки совы, сделанной в восемнадцатом веке. Тем же ледяным тоном он добавил, что, по мнению вентнорского директора, фигурка была украдена в день футбольного матча.

– Мистер Данмур – человек очень тактичный, и потому он воздержался от прямого обвинения нашей школы в том, что среди нас есть личности настолько гнусные, что могут быть способны на воровство, – заявил Змеюка Лейкер. – Однако налицо ряд неопровержимых фактов. Школьный завхоз регулярно удаляет пыль с коллекции, и в последний раз протирал экспонаты на открытых полках в субботу в четверть двенадцатого, то есть незадолго до нашего приезда. Хозяева делали все, чтобы у вас, джентльмены, осталось благоприятное впечатление о Вентноре. Пропажа обнаружилась вскоре после нашего отъезда, о чем было немедленно доложено мистеру Данмуру. Это серьезнейшая потеря не только из-за собственной стоимости фигурки – около тысячи двухсот долларов, но и потому, что без нее коллекция, которая оценивается в несколько сотен тысяч, является неполной, что сильно уменьшает ее ценность.

Мистер Брум протер стекла очков, вышел из-за кафедры и приблизился вплотную к нашему первому ряду.

– Кроме того, вопрос стоит о том, что вообще бесценно: о чести нашей школы. Я отказываюсь верить в то, что кто-то из наших учеников способен на подобного рода низость, однако я просто вынужден поверить в этот поистине отвратительный факт. Тот, кто украл фигурку, находится сейчас здесь, среди вас, и слышит мои слова. Вентнорская школа является интернатом. Уже в субботу, а также в воскресенье был произведен тщательнейший обыск в помещениях, занимаемых как учащимися, так и преподавательским составом, причем все до одного оказывали в этом деле всяческое содействие. Джентльмены, вы, надеюсь, понимаете, что отсюда вытекает для нас с вами?

Очки вернулись на разгневанное лицо директора.

– Лишь некоторые из наших учеников способны на такую мерзость, и мы их знаем. Как мне кажется, личность вора нам известна. Так пусть же лучше он сам признается.

Я требую, чтобы он сегодня же подошел лично ко мне. Ему же будет легче, если он добровольно возьмет на себя ответственность за содеянное. Если ему хватит на это смелости, наказание может быть ограничено исключением из школы.

В противном случае будут предприняты более суровые меры.

Склонив голову, мистер Брум уставился на первые два ряда. Глаза его метали молнии. С Дейва Брика он перевел взгляд на Боба Шермана, затем – на Дэла Найтингейла.

– Я вам гарантирую, – сказал он с расстановкой, – что в любом случае виновный будет найден. Все свободны.

Мы высыпали в коридор. Дейв Брик ухватил меня за локоть:

– Он смотрел прямо на меня! Наверное, думает, что это я.

– Тихо, – прошептал я ему.

– Что же нам делать?

Я прекрасно понимал, что он имел в виду. Мы оба поискали глазами Скелета Ридпэта – тот, руки в карманах, как ни в чем не бывало вышагивал по коридору, чему-то усмехаясь про себя. Рассказать про то, чему мы стали свидетелями там, в вентнорской столовой? Для

этого мы оба слишком его боялись… Не говоря более ни слова, мы с Дейвом двинулись по лестнице наверх.

– Но ведь они должны же понимать, – не выдержав, заныл Дейв. – Ясно как день, что никто, кроме него…

Мы уже были у двери в класс мистера Торпа, и Дейв Брик, осекшись, испустил тяжкий вздох, в котором слышалось отчаяние. Он побледнел и весь покрылся гусиной кожей – страх сделал его и в самом деле похожим на вора.

Мистер Торп принялся орать практически с первой же секунды. Из всей его тирады мне запомнилось одно лишь выражение, разумеется, на латыни: "Mala causa est quae requirit misericordiam", то есть "Лишь плохой поступок нуждается в милосердии". Говорил он якобы о предстоящих экзаменах, однако мы прекрасно понимали, что настоящим поводом являются не они. Несколько раз он употребил словечко "vermin"[4] – в общем, это был кошмарный урок. Настроение у нас стало еще более гнусным.

Звонок мы встретили с облегчением. Проходя по застекленной галерее, я заметил, как Скелет выскользнул из здания через запасной выход. "Ну и черт с тобой, – подумал я, – сделай одолжение: уматывай".

Глава 2

В тот же понедельник на стене у библиотеки были вывешены результаты зачетов. Протолкнувшись к листку нашего класса, я пробежал глазами список, нашел себя и выяснил, что оценки у меня были примерно такими же, как у моих основных «конкурентов». Старшеклассники, сгрудившиеся у своего списка, издавали то горестные вздохи, то победные выкрики.

Миссис Тьют, библиотекарша, с громадным трудом пробилась сквозь толпу к своим владениям, при этом прическа ее растрепалась, а лицо побагровело. Впрочем, такие лица были у большинства учителей с того момента, как директор объявил о краже в Вентноре.

После обеда я обнаружил, что у списка старшеклассников торчит один лишь Холлис Уэкс. Я подошел к списку.

– Там, на балу, ты так и не принес мне джина с тоником, – насмешливо, но беззлобно сказал Уэкс. – Ну и новички в этом году – ничего нельзя доверить.

– Прошу прощения, сэр, – ответил я ему в тон, разыскивая фамилию Скелета и ожидая увидеть одни единицы.

Каково же было мое удивление, когда напротив строчки "Ридпэт С." я обнаружил три пятерки и две четверки. У Холлиса Уэкса не было ни одной оценки выше тройки.

– Все-таки ты засранец, – заявил он и "уронил" на пол свои учебники.

Мне, разумеется, пришлось поднять их, затем десять раз отжаться от пола, а также завязать ему шнурки.

Глава 3

Лейкер Брум вызвал Дейва Брика в свой кабинет. Произошло это во время урока мистера Торпа, а соответствующего содержания записка была доставлена миссис Олинджер. Лицо ее было непроницаемо-холодным, словно айсберг, так что даже Торп не посмел выразить неудовольствие вторжением секретарши, а молча пробежал глазами записку, после чего бросил:

– Брик, к директору.

Бедняге Брику-педрику ничего не оставалось, как сунуть книги и тетради в портфель и на негнущихся ногах поплестись к двери.

---

[4] Преступник (лат.).

Перед зачетами он таки посетил парикмахерскую, и голова его теперь напоминала ярко-розовый баскетбольный мяч. Отсутствовал он на обоих оставшихся до обеда уроках, и мы лишь терялись в догадках и предположениях.

– Да ничего ему не грозит, – успокаивал всех Шерман. – Просто Змеюка хочет показать, что он пока еще капитан потерявшего было управление корабля. Вот увидите, за Бриком последуют другие.

За обедом место Дейва тоже пустовало. Тревога наша все росла, а учителя, напротив, явно расслабились. И тут до нас стало доходить, что, по-видимому, учителя вздохнули с облегчением, полагая, что вор обнаружен, что это именно Брик и что его из школы уже выперли. Я для себя решил, что, если худшие опасения подтвердятся, поговорю с глазу на глаз с мистером Фитцхалленом и расскажу ему все как было.

Брик отыскался возле запасного выхода: он сидел на бетонных ступеньках, постукивая по ним своей логарифмической линейкой. Мы – не помню уже, пятеро или шестеро – как раз возвращались с обеда коротким путем и, увидев его там, застыли как вкопанные, не зная, как себя вести.

Однако тут же поняли, что он бы тут не торчал, если б директор вышвырнул его из школы. Конечно, сразу посыпались вопросы.

Отвечать у него определенно не было ни малейшего желания.

– Да бросьте вы, – отпирался он, – мы очень мило побеседовали, только и всего. Ну вот ей-богу, правда!

До нашего появления он плакал – это было ясно по его виду, но о причине говорить он ничего не стал, а расспрашивать мы постеснялись. Бобби Холлингсуорс уже было собирался что-то брякнуть по этому поводу, однако вовремя прикусил язык. Несомненно, Дейв Брик получил от Змеюки Лейкера по полной программе, причем абсолютно незаслуженно, и с честью выдержал это поистине тяжелейшее испытание. Никогда – ни до того, ни после – Дейв Брик не вызывал со стороны одноклассников такого понимания и сочувствия, как в тот момент.

Глава 4

После следующего урока у нас было свободное время, и Брик подсел ко мне в библиотеке, шепнув на ухо:

– Нам нужно поговорить. Пойдем куда-нибудь.

Спросив у миссис Тьют разрешения выйти, мы собрали учебники, спустились в аудиторию, где проходил школьный бал, и поднялись на сцену. Моррис Филдинг что-то наигрывал на фортепиано, однако он настолько был сконцентрирован на музыке, что лишь кивнул нам, пока мы пробирались в самый темный уголок за сценой.

Сюда не проникали даже звуки фортепиано, лишь логарифмическая линейка Брика позвякивала о металлическое кольцо, которым крепилась к поясу.

– Я ничего ему не сказал. Честное слово, ничего. Он впился в меня, как клещ, ну ты знаешь, как он это умеет…

Дейв всхлипнул, но сумел сдержаться, боясь, очевидно, что услышит Моррис. Коротенький и толстый, стриженный почти наголо, он выглядел как гигантский младенец-грудничок, однако, подумалось мне, каким же мужеством нужно обладать, чтобы в его ситуации не рассказать обо всем Бруму!

– Я упрямо повторял, что ни в чем не виноват, и все…

Не мог же я заложить ему Скелета, а? Как ты считаешь?

– И что же, он отпустил тебя? – уклонился я от ответа.

– Отпустил в конце концов. Заявил, что верит мне и при этом надеется, что я осознаю, насколько необходимо отыскать виновного. Потом он попросил меня передать миссис Олин-

джер и мистеру Уэзерби вот это. – Он вытащил из кармана пиджака две одинаковые бумажки, запятнав их потными пальцами. – Какое-то объявление…

Он и сам еще не знал, о чем оно. Оказалось, о том, что учащимся со второго полугодия разрешается создавать клубы по интересам.

– Только и всего-то? – удивился Брик.

Не в силах стоять дольше на подгибающихся ногах, он тяжело опустился на свернутый в рулон занавес. Лицо его выражало одновременно чувства облегчения и разочарования. Еще бы: после всего, что он так мужественно вытерпел в директорском кабинете, каково было узнать, что Брум просто-напросто использовал его как мальчика на побегушках!

– Ну и что? – попытался успокоить я его. – Главное, он понял, что ты ни в чем не виноват.

– Так, значит, он ни в чем не виноват? – раздался до боли знакомый голос.

Мы вздрогнули: в полумраке, словно привидение, нарисовался силуэт Скелета Ридпэта собственной персоной.

– Брик-педрик ни в чем не виноват, так вас надо понимать? А ну, щенки, пошли отсюда к чертовой бабушке, и чтоб я вас здесь больше никогда не видел! – Он повернулся к Моррису:

– И ты, Филдинг, оставь этот чертов инструмент в покое.

– Я имею право играть на фортепиано, – спокойно возразил Моррис.

– Пра-а-аво?! Ты еще мне говоришь о правах? Вот дерьмо! – Скелет вдруг весь затрясся, как отряхиваются от воды собаки, подлетел к Моррису, схватил его костлявыми пальцами за горло и принялся стаскивать с табуретки. – Твое единственное право – повиноваться мне беспрекословно и не вякать, слышишь, ты, ублюдок? Убери свои грязные лапы с инструмента!

Сначала Моррис пытался сопротивляться, но потом, видимо, решил, что лучше поступиться чувством собственного достоинства, нежели пожертвовать собственной шеей. Скелет сбросил его с табурета и швырнул на пол.

– Ни один из вас, говнюков, больше никогда сюда и близко не подойдет, усвоили? Держитесь отсюда подальше, слышите, вы? – Он провел ладонью по лицу, больше похожему на скалящийся череп. – Что ты на меня пялишься? – повернулся он вдруг к Брику.

Дейв все еще неуклюже восседал на бархатном рулоне.

– Что ты пялишься? – повторил Скелет.

– Ненавижу тебя, – проговорил внезапно Дейв. – Думаешь, не знаю, что ты…

Первая фраза выскочила из него на одном дыхании, вторая же застряла на полуслове.

– Что – я?

Скелет угрожающе придвинулся к нему.

– Н-ничего…

– То-то же. – Скелет оглянулся по сторонам, как будто в поисках невидимых свидетелей. Не обнаружив их, он треснул Брика по шее. – Кыш отсюда, быстро! И, повторяю еще раз, держитесь от этого места подальше!

Мы ретировались. Дейв Брик, морщась от боли, потирал шею. У нас было еще два урока, во время которых он не говорил, а скорее квакал. То же самое можно сказать и о Моррисе Филдинге. Однако после тренировки нормальный голос Брика почти восстановился. По пути в раздевалку он заявил мне:

– Если он сделает что-нибудь подобное еще раз, клянусь, я заложу его. Пускай тогда убивает меня – плевать я на него хотел.

Глава 5

В продолжение двух недель, предшествовавших рождественским каникулам, за которыми почти сразу же последовали экзамены по итогам первого полугодия, в школе, а точнее, главным образом в нашем, младшем, классе подспудно, практически незаметно стороннему

взгляду, бурлили два водоворота. Первый, разумеется, был вызван организованным Змеюкой Брумом частным расследованием факта кражи стеклянной совы. Неделю спустя после трехчасового допроса Дейва Брика аналогичным образом был отозван с урока латыни Боб Шерман. На этот раз, однако, «хоронить» подозреваемого не спешили; только несколько ребят – среди них Пит Бейлис, Том Пинфолд и Маркус Рейли – принялись утверждать, что виновный обнаружен и «дело о сове» можно считать закрытым. Однако все они, будучи футбольными фанатами, терпеть не могли Шермана за то, что тот без должного уважения относился к их кумирам.

Как и в случае с Бриком, Боба мы обнаружили у запасного выхода, возвращаясь с обеда. Выглядел он молодцом, хоть и немного утомленным, и вовсе не желал быть в центре всеобщего внимания.

– Прими наши поздравления, – протянул я ему руку.

– У него определенно крыша поехала, – заявил вместо ответа Боб, имея в виду директора. – Если бы мне приспичило разбогатеть, я организовал бы лучше похищение нашей Флоренс, получил выкуп и обеспечил себя на всю оставшуюся жизнь.

***

За два дня до того, как наступила очередь Дэла предстать перед директором для трехчасового допроса, истек срок подачи заявок на формирование клубов по интересам. Это и было тем вторым водоворотом, в который оказался втянут вместе со всей школой наш класс в течение недель, предшествовавших рождественским каникулам. Большинство восприняло эту инициативу с юмором, и среди предложений фигурировали, к примеру, такие, как «Клуб гурманов» (основная идея – питаться не в школьной столовой, а в городских ресторанах), «Клуб хронических бездельников», «Плейбой-клуб», а также клубы поклонников «Харди Бойз»[5] и Элвиса Пресли. Эти и подобные им дурашливые заявки были с порога отметены мистером Уэзерби и остальными членами комиссии, специально созданной для проработки предложений. Лишь немногие заявки проскочили это сито и дошли до мистера Брума, который одобрил только три, причем одна из них – относительно Общества Дж. Д. Сэлинджера – так и не воплотилась в жизнь. Идея эта умерла сама собой, поскольку ее авторы, двое старшеклассников, слишком отождествляли себя с Холденом Колфилдом[6], чтобы еще и посещать какие-то там собрания. Моррис Филдинг основал «Общество любителей джаза» и даже с течением времени привлек туда двух членов, учеников второго класса: ударника и басиста, которые с лихвой компенсировали отсутствие таланта избытком энтузиазма. Несомненно, Брум одобрил это предложение с такой легкостью лишь потому, что приглашаемому на школьные балы оркестру вроде бы нашлась бесплатная замена. Согласился он и с созданием «Кружка иллюзионистов». Том Фланаген считал, что идея эта прошла, поскольку показалась Бруму вполне невинным развлечением детишек даже после его «беседы» с Дэлом.

Так это или нет, в любом случае следует отметить один небезынтересный факт. После ставшей уже традиционной процедуры вызова к директору с урока Торпа Дэл вошел в высочайшие апартаменты, и первое, что он увидел на девственно чистом столе Змеюки, был листок с заявкой, которую он собственноручно отпечатал на машинке шестью днями ранее. Конечно, Дэл предположил, что по этому поводу его и вызвали, и ему сразу полегчало: в конце концов, с какой стати подозревать его в краже стеклянной безделушки?

И в самом деле, Брум встретил его чуть загадочной улыбкой:

– Как я погляжу, твой интерес к магии не ограничивается карточными фокусами, не так ли?

---

[5] Серия детских детективных книг, выходивших с 1926 г.

[6] Главный герой романа Джерома Дэвида Сэлинджера «Над пропастью во ржи».

– Конечно же, сэр, он гораздо глубже, – ответил Дэл.

– Ну и насколько он глубок?

Подвоха Дэл никак не ожидал – он наивно полагал, что Брум проявляет к нему искренний, без задней мысли, интерес.

– Сэр, это мое самое глубокое увлечение, даже, наверное, дело всей жизни, – признался он.

– Поня-я-ятно…

Откинувшись на спинку кресла, директор задрал ноги на край стола – типичная поза вечно загруженного делами начальника, решившего слегка расслабиться. Серьезное усталое лицо, манжеты, выглядывающие из рукавов пиджака, очки в строгой роговой оправе и даже собака, мирно дремавшая у кресла, – все прекрасно соответствовало этому образу.

– Так, значит, это – дело всей твоей жизни? Ты действительно намереваешься пойти по этой, гм.., несколько необычной стезе?

– Да, это моя мечта, – заверил его Дэл. – И кое-чему я уже научился.

– Не сомневаюсь, – улыбнулся Брум. – Расскажи-ка мне подробнее, что ты думаешь о так называемой магии: ну, о фокусах и тому подобном.

– О, – возбужденно заговорил польщенный Дэл, – это нечто гораздо большее, нежели фокусы. Конечно, магия – это и развлечение, и игра, однако… – он замялся, подбирая слова, – прежде всего, я бы сказал, это совершенно особое мировоззрение, образ мыслей и образ жизни.

– Что ж, теперь я в самом деле вижу, что это для тебя серьезно. – Брум, опустив ноги, сдвинул листок Дэла на край стола. – Скажи, тебе нравится у нас в школе? Неприятностей никаких не было за это время?

– Очень нравится, – заверил его Дэл. – Хотя, конечно, кое-какие неприятности были.

– Касательно того малосимпатичного прозвища, да?

– Ну, – замялся Дэл, – в общем-то да, сэр.

– Я могу придумать кое-что более для тебя подходящее.

Не ожидавший подвоха Дэл простодушно поинтересовался:

– Что, сэр?

– Вор. Трус. Подлец. Надеюсь, теперь тебе все ясно?

С этого момента и начался собственно допрос, проходивший по уже знакомому сценарию.

Глава 6
УРОК ЭКОНОМИКИ

Когда отец Тома вынужден был сократить работу наполовину, затем – на две трети, Том снова увидел грифа. К тому времени Хартли Фланаген потерял сорок фунтов веса. Хотя он и не бросил свою юридическую службу и даже занятия в Клубе легкой атлетики, его все больше приводили в уныние растущие мешки под глазами и старые костюмы, висевшие теперь на нем будто на вешалке. Очень скоро, тоскливо размышлял он, сил у него достанет лишь на дорогу из дома в больницу, хорошо еще, если и обратно…

С наступлением зимы футбольные тренировки на свежем воздухе временно уступили место занятиям баскетболом в зале. Том резко переменился: куда только девались его прежние энергия и оптимизм? В учебе он тоже сильно сдал. Теперь он страшился решительно всего: боялся, что провалит экзамены, что у него поедет крыша, что его вышибут из баскетбольной команды, но более всего он боялся за отца. Никогда еще он не ощущал дыхание смерти так близко, как теперь. Что будет с ним, если отец умрет, если он вообще останется без отца? Когда он задумывался об этом – а такое теперь бывало то и дело, – перед глазами вставала знакомая картина: темная, покрытая мраком долина, так и дышащая угрозой.

"Да", – сказал ему гриф.

В клекоте птицы он теперь не только разбирал слова, но и понимал их смысл. Гриф говорил ему:

"Да, все правильно. Темная долина, полная опасностей. Это то, что тебя ожидает. Но, мальчик мой, чего же ты хотел?

Остаться навсегда ребенком ?"

Нет, но…

"Да, именно на это ты надеялся".

Что ж, ты прав…

Гриф понимающе кивнул. Том видел его все в той же пустыне, где солнце стояло в зените и не было теней.

"А знаешь, что с тобой произойдет, когда ты попадешь в эту долину?"

Ответа не было: ужас, парализовавший Тома, казалось, забрался ему под кожу.

"Понятно что, мой мальчик: ты погибнешь. Без поддержки и защиты ты погибнешь".

Том краем глаза заметил, как дочиста обглоданный скелет, бывший когда-то его отцом, повернулся и вперил в него взгляд незрячих глазниц.

"Теперь, мальчик мой, я – твой отец, твоя поддержка и защита. Я, а также все, что вокруг тебя в этой долине".

Сковавший его ужас вызвал теперь дрожь по всему телу.

Гриф приблизился, не отводя от него сверкающих, все понимающих глаз.

Мерзкая птица. Пожиратель падали. Гадина.

"Ну хватит, птенчик!"

Сложив крылья за спиной, гриф сделал молниеносный бросок, и его громадный желтый клюв впился Тому в руку.

Разбудил его собственный пронзительный крик.

***

Скелету гой же ночью приснился здоровенный муравейник, где у муравьев были лица учеников младшего класса.

Они беспорядочно сновали туда-сюда по бесчисленным проходам и закоулкам, останавливаясь лишь для того, чтобы пискляво поболтать друг с другом о какой-то ерунде. В руках у него была кочерга, и он уже собирался разворошить ею этот чертов муравейник, как вдруг раздался грохот, словно откуда-то накатилось колоссальное цунами. Перед его глазами возникла на какой-то миг незабываемая коричневая шляпа, натянутая на лоб, чтобы скрыть лицо, которое человеческим назвать никак было нельзя. Ужас охватил его, и в этот момент он проснулся. Грохот тем не менее не стих, наоборот, усилился. Он уже знал, что это такое, но страх мешал ему выглянуть в окно. Он, переборов себя, все-таки взглянул, и тут его чуть не вытошнило: в окно к нему рвался не знакомый орел, а неимоверных размеров белая сова, четко выделяющаяся на черном фоне ночи. Он мог рассмотреть буквально каждое перо огромных крыльев, которыми сова упрямо молотила по стеклу, требуя, чтобы ее впустили. Скелет отлично понимал, что, если он откроет окно, пернатое чудовище тут же разорвет его на мелкие кусочки. Голова у совы была ничуть не меньше его собственной… Скелет, дрожа от страха, вжался в стену. Что, если орел с фотографии на потолке вдруг тоже оживет и набросится на него, стараясь выклевать глаза? Помимо воли он прижал кулаки к глазницам, защищаясь, потом в отчаянии зарылся лицом в подушку.

Глава 7

За два дня до начала рождественских каникул настала моя очередь нести в учительскую отчет о посещаемости.

Миссис Олинджер, в своей неизменной шерстяной кофте, вела одну из битв бесконечной и идущей в любой школе войны между преподавателями и администраторами. На сей раз противником ее был мистер Пэтбридж, учитель французского, изнеженно-томный блондин с красиво очерченным ртом. Носил он твидовые, слегка приталенные пиджаки, разумеется, французского производства, как и его элегантные очки в тонкой оправе. Миссис Олинджер по-настоящему наслаждалась сражением с ним и отвлекаться на меня положительно не желала.

– Никак я не могу понять, – скулил мистер Пэтбридж, – ну почему нельзя вести дела так, чтобы для каждого документа было свое, определенное место?

В руках у него была стопка экзаменационных листов, а всем своим видом он словно восклицал: "Ох уж эти женщины?."

– И не поймете, – хладнокровно отбрила миссис Олинджер.

– Да, дорогуша, где уж мне…

– Видите ли, мистер Пэтбридж, документы у нас постоянно находятся в работе, их становится все больше и больше.

Кроме того, есть еще один аспект: сохранность и безопасность.

– Боже милостивый!

– Вам что-то не нравится, мистер Пэтбридж?

– Да, миссис Олинджер, не нравится. Вместо того чтобы просто сложить экзаменационные листы в одну из папок, местонахождение которой мне точно известно, я должен ждать, пока вы, применив теорию случайных чисел, не соизволите указать мне, куда их наконец положить. При этом мы оба теряем драгоценное время и…

– А я, мистер Пэтбридж, теряю свое драгоценное время из-за того, что вы упорно не желаете мыть за собой чашки после кофе. К тому же вы подаете дурной пример остальным.

Я наблюдал из коридора за их перепалкой. Внезапно рядом выросла длинная костлявая фигура. С гнусной ухмылкой Скелет Ридпэт "уронил" на пол целую кучу учебников.

Пока я нагибался и поднимал их, кляня про себя на чем свет стоит и миссис Олинджер, и Скелета, секретарша сдержанно-гневным тоном разъяснила преподавателю французского ту непререкаемую истину, что ее время несравненно ценнее его собственного, после чего с готовностью приняла у Скелета кучку мелочи и протянула ему чистую тетрадь. Тот, окатив меня презрением, забрал свои учебники и отошел в сторонку. Наконец миссис Олинджер удостоила меня своим драгоценным вниманием, однако не преминула проворчать:

– Ну что вы, малыши, вечно сшиваетесь возле учительской? Заняться больше нечем, да?

Когда я вышел, Скелет все еще торчал в коридоре, делая вид, что подводит стрелки наручных часов.

Чуть позже в тот же день мистер Брум передал через миссис Олинджер и мистера Уэзерби, что "Общество любителей джаза" Морриса Филдинга и "Кружок иллюзионистов"

Дэла должны продемонстрировать свое искусство перед всей школой в рассчитанном на час представлении, которое назначено на апрель. В конце дня мистер Уэзерби огласил это распоряжение. Моррис занервничал, а Дэл с Томом пришли в восторг.

Глава 8

Для всех нас, за одним-единственным исключением, рождественские каникулы стали долгожданным, хоть и кратковременным отдыхом от школы. Я с родителями отправился в Лос-

Анджелес навестить бабушку и дедушку; Моррис – тоже, разумеется, с родителями – уехал в Аспен покататься на лыжах, а заодно продумать программу для своего трио, так чтобы за отведенные полчаса у слушателей совсем не завяли бы уши. Все остальные традиционно праздновали Рождество у семейного очага. Когда мы вернулись из Калифорнии, я тут же на автобусе домчался до дома Фланагенов, но Тома, как мне сообщили, не было. Не было у них также рождественской елки, никаких праздничных украшений, одни лишь книги и настольные игры – очевидно, подарки Тому от родителей – валялись кучей на полу гостиной. Мать его выглядела просто измученной, осунувшейся донельзя.

Все это – ее изможденное лицо, отсутствие праздничного убранства и жалкая кучка никому не нужных подарков – создавало тягостное впечатление запустения и безысходности.

Глава 9

Экзамены по итогам первого полугодия проходили в течение четырех дней в помещении возле футбольного поля, где тренеры обычно собирали перед матчем команды и давали установку на игру. По стенам были развешаны старые фотографии как «звезд», так и местных футболистов, среди которых оказалось немало знаменитостей. Трудно поверить, но когда-то школа Карсона была совсем не похожа на теперешнюю…

Все эти четыре дня Том Фланаген походил на человека, занесенного внезапным ураганом в страну Оз или же превращенного в ледяную статую. Сказать, что вид у него был отсутствующий, значило не сказать ничего. Должно быть, он просто-напросто не понимал, кто он такой и что здесь делает.

Результаты экзаменов, в большинстве случаев лишь повторившие оценки по зачетам, принесли и несколько неожиданностей. Когда их спустя две недели вывесили на доске у библиотеки, мы с удивлением обнаружили, что Том помимо своих обычных "трояков" умудрился получить одну четверку, и это в его-то состоянии! Удивил и Дэл: ни одной тройки, только "хорошо". Рискнув взглянуть в список старшеклассников, а именно в графу "Ридпэт С.", мы нашли там пять выстроившихся в ряд оценок "отлично".

Глава 10
ПРИЧУДЫ И КОШМАРЫ

Расследование «дела о сове», в ходе которого инквизиторским допросам были подвергнуты с полдюжины подозреваемых – как младших, так и старшеклассников (ясное дело, Скелет Ридпэт среди них не фигурировал), результатов не дало, после чего школьная жизнь вернулась – хотя бы внешне – в нормальное русло. Февраль и март ознаменовались волной капризов моды: сначала несколько старшеклассников принялись щеголять в ковбойских сапожках, за ними последовали почти все остальные, а вскоре родилось еще одно поветрие: все стали ходить с поднятыми воротничками, будто укрываясь от сильного ветра.

Появилась и другая причуда: школу прямо-таки захлестнула волна черного юмора – думаю, это была чуть запоздалая истеричная реакция неокрепшей психики на события последних недель. Приведу несколько примеров подобного юмора.

"Буратино достал папу Карло привычкой ковырять в носу, и тот отпилил ему все пальцы". "Дракула говорит своим детишкам: скорей, ребятки, ешьте суп, пока он не свернулся".

"А что сказала дочке мама во время месячных? То же самое".

Такие вот, прямо скажем, мерзкие шуточки приводили нас в восторг.

Дальше – больше. По школе прокатилась еще одна волна, похуже первой, связанная с "ночными кошмарами". Эта вторая волна наглядно продемонстрировала, что бесславно завер-

шившееся "следствие" Лейкера Брума создало в школе явно нездоровую атмосферу, которая затронула нас всех.

Более того, то, что терзало втайне Тома Фланагена, было, как оказалось, свойственно не только ему. Это и привело к невиданному доселе взрыву директорской ярости на общешкольном собрании в конце марта.

А началось все с выступления мистера Уиппла (прозванного за его ангельское личико Бэмби) на аналогичном собрании. Каждый преподаватель, по заведенному правилу, раз в год выступал перед всей школой. За неделю до Бэмби Уиппла слово держал мистер Торп, и его выступление, как обычно перенасыщенное, мягко говоря, эмоциями, также, безусловно, повлияло на школьную атмосферу.

Начал он с того, что обрушился на некие загадочные "тенденции", которые якобы подрывали моральный дух учеников, лишая их мужской твердости и отваги. Как и на уроках, Торп брызгал слюной, запускал пальцы в волосы, надсаживал глотку – в общем, бесновался. Между делом упомянул он Иисуса и Деву Марию, президента Эйзенхауэра и его детство в Канзасе, наконец дошел до одного из бывших своих учеников, "отличного парня, поддавшегося, однако, этим пагубным влечениям, которые его едва не погубили". Торп сделал паузу, шумно выдохнул и возопил:

– Молитва! Вот что спасло этого неплохого в целом парня! Однажды ночью, когда он остался в спальне наедине с самим собой, искушение охватило его так сильно, что он чуть снова не поддался греху. И все-таки он отыскал в себе силы опуститься на колени и молиться, молиться, молиться…

Он дал Богу и самому себе обет… – Торп прямо-таки навис над нами с кафедры. – А чтобы напоминание об этом обете постоянно было с ним, он достал перочинный нож… – С этими словами Торп, на самом деле вытащив из кармана нож, потряс им перед нами, – открыл его и, стиснув зубы, полоснул лезвием по ладони. Слышите, этот славный парнишка вырезал крест на собственной правой ладони! Чтобы шрам всегда напоминал ему о данном обете! И больше никогда он…

И так далее в том же духе.

Разумеется, проповедь Бэмби Уиппла неделю спустя была гораздо менее экспансивной. Как и в классе, говорил он почти без подготовки, и его несколько бессвязный монолог имел столь потрясающий эффект скорее всего потому, что почва была уже подготовлена торповским "ужастиком". Уиппл говорил, перескакивая с одной мысли на другую. Вдруг что-то, вероятно, щелкнуло в его голове, и он заговорил о снах:

– Ребята, сны иногда бывают весьма и весьма забавными. Вот мне, к примеру, приснилось на той неделе, что я совершил жуткое преступление и меня разыскивает полиция.

Укрывшись в каком-то огромном помещении, вроде склада, я внезапно понял, что очутился в тупике, бежать отсюда некуда, рано или поздно меня схватят и остаток жизни я проведу за решеткой… Ощущение, ребята, было ужасным, просто кошмарным…

В тот же день на доске объявлений возле библиотеки появился листок бумаги, в котором говорилось: "На той неделе мне приснилось, что громадный нью-гемпширский медведь отдубасил меня подушкой до полусмерти. Ощущение, ребята, было ужасным, просто кошмарным. Миссис Олинджер сорвала эту ахинею, на месте которой тут же возник новый бред:

"Мне приснилось, что моя постель кишит омерзительными крысами…" Листок этот сорвала библиотекарша, миссис Тьют, однако доска пустовала лишь до следующего утра. Теперь там было написано: "Змея, гипнотизируя меня взглядом, открывала пасть все шире и шире, пока я не свалился туда…"

И пошло-поехало. Теперь доска не пустовала ни минуты.

Миссис Тьют и миссис Олинджер срывали "страшилки", но на их месте тут же появлялись десятки других. Они словно приоткрывали дверь в некий потусторонний мир, лежащий за порогом сознания.

"…Волки принялись рвать меня на части, и я понял, что умираю.., в полном одиночестве среди ледяного безмолвия, окруженный лишь айсбергами и наползавшими друг на друга огромными льдинами.., ее длинные волосы развевались ореолом вокруг головы, а с ладоней девушки стекала на пол кровь.., я все летел и летел, не в силах вернуться на землю, а ветер нес меня все дальше и дальше, в неизвестность.., человек без лица гнался за мной, не ведая, что такое усталость…"

И наконец, нечто, по всей видимости вдохновленное рассказом Уильяма Торпа. "Он все полосовал и полосовал лезвием мою ладонь, не обращая ни малейшего внимания на мой крик…"

***

По этому поводу, очевидно, преподаватели совещались не раз: бедняга Уиппл ходил как в воду опущенный, однако мистер Торп как ни в чем не бывало продолжал метать громы и молнии – уж его-то никто, даже, наверное, Змеюка Лейкер, не посмел бы ни в чем упрекнуть. Мистер Фитцхаллен посвятил целый урок обсуждению проблемы сновидений, связав ее со своими любимыми сказками братьев Гримм.

Но самым верным признаком чрезвычайной обеспокоенности педагогов стало неожиданное появление на кафедре мистера Брума во время очередного еженедельного собрания.

В тот раз была очередь миссис Тьют. Когда вместо библиотекарши перед нами предстал директор, все сразу поняли, что сейчас взорвется бомба: Лейкер Брум прямо-таки кипел и был похож на мешок, полный шипящих ядовитых змей.

После краткой молитвы ("Господи, помоги нам стать на праведный путь и научи нас быть честными и правдивыми. Аминь!") он протер очки и, вместо того чтобы водрузить на место, принялся крутить их за одну дужку.

Уже на второй фразе он перешел на крик:

– Джентльмены, год этот для школы оказался отвратительным. КОШМАРНЫЙ год! Мы стали свидетелями нарушений дисциплины, выразившихся, в частности, в курении, некоторые завалили экзамены, имело место воровство; наконец, нас посетило просто какое-то проклятие – настолько патологически извращенное, что за всю мою карьеру педагога я не сталкивался с чем-либо подобным. НИКОГДА! Наша школа заражена ядом – все вы знаете каким. Некоторые из вас, возможно, под влиянием необдуманных речей, прозвучавших с этой кафедры, – он бросил уничтожающий взгляд на Уиппла, – разносят этот яд, поддавшись неуемным болезненным фантазиям, то есть тому самому соблазну, против которого мистер Торп так красноречиво выступил месяц назад.

Он воздел руки, все еще держа в одной из них очки.

– Причина этого отвратительного явления мне известна: это не что иное, как чувство вины. Именно оно, поражая разум и душу, вызывает ночные кошмары. А разум и душа, разъедаемые чувством вины, являют опасность и для окружающих, ибо разносят заразу. Болезнь эта затронула практически всех вас. – Он сделал небольшую паузу. – Итак, прежде всего я намерен положить конец распространению этой заразы.

Сзади, со второго ряда, послышался тихий шепот – Том Пинфолд, наклонившись к Маркусу Рейли, невесело пошутил:

– Он что, собирается ввести телесные наказания?

– Чтоб больше ни один – слышите, ни один из вас! – и не заикнулся о каких-то там кошмарах! А если кто-то этим чересчур озабочен, предлагаю ему проконсультироваться у школь-

ного психолога. Тот, кто станет распространяться насчет своих ужасных сновидений или тем паче вывешивать дурацкие писульки на эту тему в общественном месте, будет немедленно исключен. Все, хватит. Терпение мое лопнуло.

Очки наконец заняли положенное им место, а лицо директора искривилось.

– Следующее. Я намереваюсь обнаружить источник этой заразы и выставить его на всеобщее обозрение – прямо здесь и прямо сейчас! Тот, кто положил начало всему этому безумию, не может оставаться среди нас ни минуты. Мы должны избавиться от него немедленно, разоблачить его сейчас, пока мы все в сборе. Клянусь, и часа не пройдет, как совершивший кражу в Вентноре будет собирать свои вещички, чтоб духу его в школе больше не было!

Рискнув оглянуться на задние ряды, занятые старшеклассниками, я увидел лицо Скелета Ридпэта – безжизненно застывшее и отсутствующее.

Мистер Брум спустился с кафедры, подошел к первому ряду и ткнул пальцем в крайнего справа. Это был Моррис Филдинг.

– Ты. Филдинг, ты украл фигурку совы?

– Нет, сэр, – выдавил из себя Моррис.

– Ты.

Палец уперся в Бобби Холлингсуорса.

Когда он, опросив первый ряд (в том числе и меня), принялся за второй, я с изумлением понял, что он намеревается проделать то же самое буквально с каждым из более чем сотни учеников, собранных в аудитории.

Покончив с нами, он принялся за второй класс. Проход между рядами здесь был уже, директор то и дело натыкался на спинки стульев переднего ряда, иногда с такой силой, что сдвигал их с места, однако он ничего не замечал. Наш класс дружно повернулся, наблюдая за происходящим. А происходило неизменно одно и то же: указующий обвиняющий перст и вопрос-окрик:

– Ты, Шрик. Признавайся – ты украл?

Плечи Брума под голубым камвольным пиджаком заметно подрагивали.

Мистер Торп, сидевший на стуле возле кафедры, поднялся и быстрым шагом направился к заднему ряду – переговорить о чем-то с миссис Олинджер. Лейкер Брум не обратил на него никакого внимания, в то время как вокруг миссис Олинджер и преподавателя латыни собрались остальные учителя.

– Ты, Кинг. Признавайся – ты украл? Ты, Гамильтон.

Виновен? Сознавайся!

Наконец он добрался до старшеклассников, оставив за собой кавардак из сдвинутых стульев. Плечи его дрожали заметно сильнее, голос осип, однако он продолжал орать:

– Ты, Уэкс. Уэкс, слышишь меня?! Ну-ка, посмотри мне в глаза. Ведь это был ты?

– Нет, сэр.

– Питере! Это был ты?

– Что вы, сэр, нет.

Я с боязливым ожиданием наблюдал, как он подходит все ближе и ближе к Ридпэту. Скелет на него даже на разу не взглянул, уперев пустые глаза куда-то вверх.

И вот момент наступил!

– Ты, Ридпэт. Ридпэт! – Посмотри на меня! Ты украл?

Молчание.

– ОТВЕЧАТЬ!

И снова тишина.

– ТЫ УКРАЛ, ИЛИ НЕ ТЫ?

И тут мы все услышали голос Скелета. Подчеркнуто медлительно, растягивая слова, тот проговорил:

– Нет, мистер Брум, конечно же, не я. Да я уже обо всем этом забыл…

– ЧТО-О-О?!

Кулаки мистера Брума взметнулись вверх, он издал то ли стон, то ли вопль. Учителя, сгрудившиеся у заднего ряда, замерли, один лишь мистер Торп сделал два быстрых шага в направлении директора. Тот, однако, жестом остановил его.

– Ладно… Следующий. Тигарден, это был ты?

Так он добрался до последнего старшеклассника, неизменно получая отрицательный ответ. Брум остановился в проходе у последнего, учительского, ряда, спиной к ученикам.

Плечи его тряслись. Я уже думал, что сейчас он вернется к нашему классу и все начнет сначала. Часы показывали, что первая большая перемена уже закончилась, что и подтвердилось раздавшимся в коридоре звонком.

– Так, – нарушил наконец молчание мистер Брум, – мы еще не закончили. Один из вас дважды мне солгал. С ним я разберусь позже, а сейчас все свободны.

Во время урока я выглянул в окно, выходящее на автостоянку, и увидел, как мистер Торп выруливает на бульвар Санта-Роза. Рядом с ним на месте пассажира сидел директор.

Час спустя мистер Торп вернулся – один. В течение следующих двух дней мистер Брум в школе не появлялся.

Глава 11
НЕПОНЯТНОСТИ

На другой день, после урока английского, у нас было свободное время. Моррис со своим трио получил разрешение порепетировать на сцене, так же поступил и Дэл: их представление должно было состояться уже через три недели.

Моррис со своими напарниками – двумя второклассниками – незамедлительно отправился по лестнице вниз, а Дэл еще несколько минут торчал возле своего шкафчика, размышляя, как же ему отрабатывать трюки в отсутствие партнера:

Том в школу не явился, так как, по слухам, его отцу (он к тому времени лежал в больнице) стало заметно хуже. В конце концов Дэл, что-то бормоча себе под нос, поплелся вслед за Моррисом и его ребятами.

– Гомики они, что ли? – предположил Бобби Холлингсуорс, на что Шерман посоветовал ему заткнуться.

Проведя минут десять в библиотеке, я спохватился, что одна из необходимых книг осталась в шкафчике. Рядом сидел Дейв Брик, но он, оказывается, тоже забыл этот учебник.

Выяснить это мне удалось с большим трудом: с того времени как Лейкер Брум устроил нам на собрании удивительное представление, Брик стал похож на сомнамбулу и в этом состоянии пребывал повсюду, исключая уроки алгебры.

– Черт, – прошептал он, выйдя на мгновение из ступора, – ведь мне этот учебник тоже нужен…

– Ладно, – в ответ шепнул я, – пойду принесу. Одного на двоих вполне достаточно.

Получив разрешение, я вышел в коридор. Книга нашлась на самом дне шкафчика, среди всякого хлама. Я осмотрелся – коридор был пуст. Из класса Фитцхаллена доносился оживленный разговор, а из кабинета, где урок вел Уиппл, – приглушенные голоса. Внезапно в конце коридора приоткрылась дверь, и показалась все такая же отсутствующая физиономия Скелета Ридпэта. На мгновение он замер, прислушиваясь и озираясь по сторонам, и вдруг припустил по коридору в противоположную от меня сторону. "Что еще за чертовщина?" – подумал я. Скелет пронесся по ступенькам вниз, и одновременно до меня донеслись звуки фортепиано.

– Господи, только не это! – произнес я вслух и заспешил по лестнице.

У зала я оказался как раз в тот момент, когда оттуда как ошпаренные выскочили Браун и Хэнна, напарники Морриса из второго класса.

– Не ходи туда, – бросил мне Хэнна, устремляясь по лестнице наверх, тогда как Браун застрял со своей трубой в дверях. Изнутри доносился разъяренный рев Скелета, но слова разобрать было невозможно. Наконец Браун протащил свою трубу в дверь и унесся прочь, а я вступил в полумрак.

– ..И не возвращайтесь, не то яйца вам отрежу! – орал Скелет, по всей видимости вдогонку второклассникам. – Так, теперь будем разбираться с вами, – прошипел он, понизив голос.

Первое, что мне бросилось в глаза, – сильно побледневшее лицо Морриса со смесью страха и упрямства в глазах. Дэл, стоявший возле накрытого черным бархатом стола, повернулся в мою сторону. Он был тоже здорово напуган. Футах в десяти от меня маячила долговязая фигура Скелета – смотрел он на Дэла.

– Они имеют право находиться здесь… – начал я и собирался уже продолжить, но тут Скелет обернулся ко мне, и слова застряли в горле: в жизни я не видел ничего подобного выражению его физиономии в тот момент.

Он выглядел как настоящий дьявол, которого к тому же раздразнили до умопомрачения. Неяркий свет падал на его лицо таким образом, что щеки совершенно провалились, а губы, казалось, вообще исчезли. Волосы приняли тот же цвет, что и мертвенно-бледная кожа. Мне вдруг почудилось, что передо мной вовсе не человек, а бесплотная тень в костюме, у которой вместо головы – череп. Одни лишь глаза сверкали совершенно безумной яростью и.., болью.

– Что, еще один?! Еще один? – завопил он, набрасываясь на меня.

Я успел подумать, что видел настоящее лицо Стива Ридпэта: свет на какое-то мгновение упал так, что лицо это приняло почти нормальный облик, вот только искаженный… да, болью и страданием. Таким я Ридпэта еще не знал…

Он налетел на меня как ураган, несколько раз удары его пришлись по ребрам, затем он приподнял меня за лацканы и швырнул куда-то между Моррисом и Дэлом.

Кровь прилила к голове и забарабанила у меня в ушах так, что я с трудом расслышал мягкий стук дерева о дерево, – это Моррис хлопнул крышкой фортепиано.

– Минуточку, – донесся до меня голос Филдинга.

– Минуточку?! – Костлявые кулаки взметнулись над головой Скелета. Теперь он не орал, а шипел:

– Ты еще мне говоришь "минуточку"? Я разве не предупреждал, чтоб ты тут больше не появлялся? – Говорил он с Моррисом, но смотрел при этом на Дэла. – Да отвали же ты, в конце концов, от инструмента! – Моррис привстал с табурета. Скелет, внезапно всхлипнув, заговорил почти умоляюще:

– Ну почему вы не хотите слушать, что вам говорят? Сказал же ясно: не подходите к… О Господи! – Он прикрыл ладонями глаза, и мне подумалось, что Скелет и впрямь всхлипывает. – Теперь уже поздно… Господи Иисусе. Все из-за вас, ублюдки. Какого дьявола вы тут все время сшиваетесь?!

– Мы тут репетируем, балда, – сказал Моррис. – А по-твоему что мы тут делаем?

– Я не с тобой разговариваю, – цыкнул на него Скелет и отнял ладони от глаз. Его землистое лицо было и в самом деле мокрым от слез. Это так поразило Морриса, что челюсть у него отвисла.

– Ты вообразил, что все-все знаешь, – тихо проговорил Скелет, обращаясь к Дэлу.

– Ничего подобного, – ответил Дэл.

– Давай не будем… Ты также воображаешь, что он принадлежит одному тебе. Должен тебя разочаровать.

– Никто никому не принадлежит.

Я изумился, услыхав это от Дэла: оказывается, существует нечто известное только ему и Ридпэту…

– Ну, ты, гаденыш! – вспыхнул опять Скелет. – Хочешь отодвинуть меня в сторону? Думаешь, я буду спокойно дожидаться своей очереди, если она до меня вообще дойдет?

Черта с два, имей в виду, Флоренс, мне известно не меньше, чем тебе. И он мне помогает. Он хочет узнать меня поближе.

Теперь у нас с Моррисом не осталось сомнений относительно того, что Ридпэт не в своем уме, что и не замедлило подтвердиться.

Дэл, преодолев страх, отрицательно покачал головой, чем окончательно вывел Скелета из себя. Тот весь затрясся, даже сильнее, чем Лейкер Брум во время своих допросов.

– Ну сейчас я тебе покажу! – заорал он, бросился на Дэла и с размаху влепил ему две пощечины, после чего приказал:

– А ну, снимай пиджак и рубашку! Хочу взглянуть, какая у тебя кожа.

– Эй, ты, перестань! – попытался остановить его Моррис.

Обернувшись, Скелет пригвоздил нас к месту одним взглядом:

– Вы двое лучше заткнитесь, не то будете следующими.

Он рванул пиджак Дэла, и тот слетел. Дэл начал быстро расстегивать рубашку, при этом выглядел он поразительно спокойным, словно что-то помогло ему справиться со страхом. От ударов Скелета щеки у него горели.

– Не делай этого, Дэл, – сказал Моррис.

И тут же Скелет снова обернулся:

– Если кто-то из вас двоих еще хоть разок вякнет, я изничтожу вас обоих, прости меня, Господи.

В том, что он это сделает, сомнений не было: хоть и худосочный, он был здоровее и сильнее нас, к тому же он взбесился. Страх помешал нам прийти Дэлу на помощь.

– Ну, Флоренс задрюченная, – чуть ли не простонал Скелет, – раз уж ты здесь, придется тебе пройти через церемонию посвящения. – От ярости лицо его перекосилось и еще больше побледнело. – А посвящать тебя буду я – вот этим ремнем. Пригнись на табуретку у фортепиано!

Моррис застонал – впечатление было такое, что его вот-вот стошнит.

Не говоря ни слова, Дэл скинул переливчатую сорочку (она, как я понял, была шелковой) на покрытый слоем пыли пол, незряче подбрел к табуретке, встал на колени и наклонился. В полумраке белела его тощая мальчишеская спина.

Скелет, прерывисто дыша, расстегнул ремень, вытащил его из своих брюк и свернул вдвое.

Какое-то мгновение он просто разглядывал Дэла с уже знакомым дьявольским выражением, в котором были и безумие, и бешеная жажда, и непреклонность, и одновременно страх. При виде этого сатанинского лица я, как и Моррис, издал стон. Скелет встал сбоку от Дэла, поднял сложенный вдвое ремень и с оттяжкой опустил его на спину мальчика.

– Господи Иисусе, – выдохнул он в момент удара.

А изо рта Дэла не вырвалось ни звука. Через мгновение на месте удара проступила ярко-красная полоса.

Скелет еще раз поднял ремень, от усилия напрягшись.

– Нет! – раздался крик Морриса.

Ремень со свистом опустился на спину Дэла. Тот, лишь слегка вздрогнув, закрыл глаза. Из них катились слезы.

Повторив свою странную, наполненную болью молитву:

"Господи Иисусе", Скелет опять поднял ремень и хлестнул Дэла. Руки мальчика судорожно сжали ножки табурета". Слезы катились по щекам и капали на пол. Он так и не издал ни звука.

***

Я уже упоминал о двух наиболее сильных впечатлениях от школы Карсона, оставшихся со мною на всю жизнь. Вот это и есть второе: три ярко-красные полосы поперек обнаженной спины Дэла Найтингейла, перекошенная физиономия Скелета и его свистящий в воздухе ремень. Если вы еще не забыли, первым таким неизгладимым образом стал мистер Фитцхаллен, с чуть насмешливым выражением лица протягивающий шариковую ручку растерянному Дейву Брику. Та картинка по какой-то причине всплыла сейчас в моей памяти, и я невольно связал эти два таких разных эпизода школьной жизни.

***

– Богатенький уродец, – выл Скелет, пятясь от истерзанного Дэла. – У тебя есть все, и ты еще вознамерился отнять у меня последнее?!

Его затравленно-взбешенный взгляд остановился на нас с Филдингом, и мы попятились за сцену. Пробормотав слово "птица" – так, как бормочет человек, который явно не в себе, Скелет двинулся было за нами, но вдруг передумал, швырнул нам вслед ремень и будто слепой заковылял к двери.

Дверь хлопнула, и воцарилась мертвая тишина.

Глава 12

Тишина была какой-то звенящей, будто очумевший ударник грохнул ни с того ни с сего тарелками и тут же замер.

То, что удерживало меня и Морриса в своих цепких, парализующих объятиях, внезапно выпустило нас, сидящих к тому времени на свернутом занавесе, и мы словно оглушенные свалились на пол. Дэл тоже сполз с табурета и теперь лежал возле него.

Я двинулся к нему на четвереньках, Моррис – за мной.

Лицо Дэла было чем-то вымазано – это пыль с пола перемешалась со слезами.

– Ничего, ничего, – проговорил Дэл, – найдите мою рубашку.

– Как это – "ничего"? – возмутился Моррис. Он наконец поднялся с пола и принялся разыскивать сорочку Дэла. – Как это – "ничего"! Да ведь его теперь просто обязаны вытурить из школы. Как он тебя отделал – ты только посмотри на свою спину! Все, теперь ему конец.

– Интересно, как это я посмотрю на собственную спину? – Дэл еще был в состоянии шутить. Он поднялся на колени и оперся о табуретку. – Дай мне, пожалуйста, рубашку.

Моррис протянул ее Дэлу. Лицо у Дэла, хоть и сильно покрасневшее, было, как ни странно, абсолютно спокойным.

Разводы грязи напоминали боевую индейскую раскраску.

– Тебе помочь подняться? – спросил Моррис.

– Не надо.

Дверь вдруг снова хлопнула, и Моррис шумно вдохнул.

Мы с Дэлом, очевидно, тоже.

– Вы тут? – послышался знакомый голос. – Эй, где вы?

Знакомый-то он был знакомый, однако мы, в ожидании возвращения Скелета, никак не могли понять, кто это.

– Я тебя повсюду разыскиваю. Ну что, достал учебник? – Прямо на меня из темноты вылетел Дейв Брик. – Бог ты мой, что это с вами?

Он ошалело уставился на нас, особенно на "боевую раскраску" Дэла. Тот принялся натягивать рубашку. Брик, подойдя к нему поближе, присвистнул:

– Ну и ну… Чем это вы тут занимались?

– Ничем, – огрызнулся Дэл.

– Скелет высек его ремнем, – проговорил Моррис, отряхивая колени от пыли. – Совсем он спятил…

– Ремне-е-ем?! – Брик было рванулся помочь Дэлу натянуть пиджак, но тот его отстранил. – И в самом деле спятил. Дэл, с тобой все в порядке?

Дэл молча кивнул и отвернулся.

– Тебе очень больно?

– Не очень.

– Теперь мы сможем наконец избавиться от Скелета, – опять взялся за свое Моррис.

Брик, все еще не придя в себя, опустился на табурет у фортепиано.

– Прямо здесь? – спросил он глупо. – В школе?

Моррис задумчиво переводил взгляд с табуретки на фортепиано. Дэл с отсутствующим лицом смотрел куда-то в темноту. Я молчал.

– Вот что мне пришло в голову, – сказал Моррис. – Скелет взбесился уже во второй раз, и, как тогда, это случилось после того, как я сел за инструмент.

– И что отсюда следует? – Брик уставился на фортепиано.

– Следует отсюда то, что он здесь что-то такое спрятал.

Логично?

Мы с Бриком переглянулись, поняв, к чему он клонит.

– О Боже, – пробормотал я, – ну-ка, Брик, слезь с табуретки.

Он тут же спрыгнул с нее, и мы вдвоем сняли сиденье.

Моррис, скрестив руки на груди, наблюдал.

Брик вскрикнул: изнутри вылетело что-то маленькое – не больше мотылька, хрустально-серебристое и жужжащее, как жук.

Возглас Дейва вывел Дэла из транса, он обернулся и вместе с нами проводил взглядом серебристую штуковину, которая, описав широкую дугу над сценой, с глухим стуком упала на свернутый в рулон занавес.

– Эт-то еще что такое? – ошеломленно прошептал Моррис.

Первым пришел в себя Брик. Он протопал тяжело по сцене, нагнулся над рулоном, протянул руку и тут же ее отдернул.

– Это сова, – еле выговорил он. – Та самая, из Вентнора.

– Но она же летала, – недоумевающе пробормотал Моррис.

– Летала… – эхом повторил я.

– Да, летала, – сказал Дэл.

Я пристально посмотрел на него и изумился: на лице его играла еле заметная улыбка.

– Ты просто сильно тряхнул табуретку, вот она вроде как бы и вылетела, – заявил Моррис.

– Нет, – тихо произнес Дэл, но на него никто не обратил внимания.

– Да, наверное, – согласился Брик, поднимая фигурку. – Мы, вероятно, оба ее тряхнули.

– Да это ты тряхнул, – настаивал Моррис. – Стеклянные совы не летают… – Он склонился над тайником. – Ну, что тут еще интересного? – Один за другим, он принялся вытаскивать копии экзаменационных листов. – Так-так, теперь понятно, почему он здесь все время ошивался: проверял, на месте ли его сокровища. Когда про это все узнают, он и пяти минут в школе не продержится.

– Вот он где теперь у нас, – сжал кулак Брик, от радости готовый прыгнуть выше головы.

– Нет, – сказал вдруг Дэл, оглядывая нас.

Он молча протянул Брику раскрытую ладонь, и тот, так же молча, положил туда фигурку совы.

– Постой-постой, – начал Моррис, но было уже поздно.

Дэл поднял руку и изо всех сил шмякнул сову о сцену.

Звук был таким, словно взорвался небольшой снаряд. Фигурка разлетелась на тысячи сверкающих осколков.

Дейв несколько мгновений ошалело смотрел на останки совы и вдруг, захлюпав носом, расплакался.

***

Как только Дэл вышел из зала, прозвенел звонок на перемену.

– Ну и что дальше? – осведомился Брик, вытирая рукавом слезы.

– А дальше, – твердо заявил Моррис, – мы пойдем на урок.

– А потом? – спросил я.

– Потом надо будет найти кого-нибудь, кому можно про все это рассказать.

– У меня такое ощущение, – сказал я, – будто Дэл нам в этом не помощник.

Моррис пожал плечами. Ему было явно не по себе.

– Эта сова… – пробормотал Брик, все еще всхлипывая.

Мы все трое, посмотрели на осколки. Ничто в них теперь не напоминало злополучную сову. – Ведь мы не трясли скамейку…

– Да ведь ты сам же согласился, что тряхнул, – напомнил Моррис.

– Не было этого, – заявил вдруг я, еще не сознавая, что это замечание относилось ко всему, что произошло с того момента, как Скелет выскочил из зала.

В ушах у меня все еще стояло жужжание, издаваемое совой в полете.

– А ну вас к черту, нам пора идти, – отмахнулся Моррис. – Послушай, – обратился он ко мне. Он, кажется, все еще полагал, что рассказ об избиении ремнем одного школьника другим и в особенности о стеклянных совах, способных запросто пролететь не меньше тридцати футов над сценой, не покажется кому-то бредом сумасшедшего. – Ведь у тебя прекрасные отношения с Фитцхалленом. Ты – его любимчик. Почему бы тебе не поговорить с ним обо всем этом?

Что можно было ответить? Я лишь кивнул.

По пути на урок меня занесло к классной комнате старших – из-за двери доносился чей-то хохот. Меня всего передернуло: нутром я чувствовал, что это мог быть только Скелет Ридпэт, причем в одиночестве.

На перемене я действительно попробовал переговорить с Фитцхалленом. И напрасно: школа свято хранила свои тайны, в Карсоне царила круговая порука.

Глава 13
ТОРП

– Я переговорил с мистером Фитцхалленом, а вчера вечером имел беседу с Найтингейлом. – На сей раз мистер Торп прекрасно владел собой, и тем не менее я прямо-таки всей кожей чувствовал его ярость. – Я также связался с его крестными родителями, мистером и миссис Хиллман, а сегодня утром поговорил с глазу на глаз с Моррисом Филдингом. Хочу задать тебе один вопрос: не намерен ли ты что-то изменить в своем рассказе, принимая во внимание его, так сказать, неординарность?

Мы сидели в кабинете, которым мистер Торп пользовался только в качестве офиса заместителя директора – это была его вторая должность. Маленькая комната почти без мебели

располагалась в дальнем конце коридора, почти напротив владений школьного секретаря миссис Олинджер. Рядом с Торпом на стуле машинистки сидел мистер Фитцхаллен, а я и мистер Уэзерби, наш классный руководитель, стояли возле металлического письменного стола.

– Нет, сэр, не намерен, – ответил я. – А можно мне задать вам вопрос?

Он кивнул.

– Вы говорили со Стивом Ридпэтом?

Глаза его недобро блеснули.

– Всему свое время. – Он сложил перед собой в ряд три карандаша так, что их заточенные концы указывали на меня. – Итак, подведем кое-какие итоги. Во-первых, молодой человек, я не могу понять, с какой целью состряпана столь невероятная, нелепая история. Как ты уже знаешь, я переговорил с Найтингейлом. Так вот, он категорически отрицает избиение ремнем, хотя и подтверждает, что сын мистера Ридпэта, ученик выпускного класса, застав вас там, куда младшие, как правило, не допускаются, сделал вам за это выговор. – Он предупреждающе поднял ладонь, пресекая мои возражения. – Действительно, двое из вас, а именно Моррис Филдинг и сам Найтингейл, имели разрешение находиться на сцене, о чем Стивен Ридпэт, разумеется, понятия не имел.

Он, быть может, поступил несколько опрометчиво, однако сделал это в интересах поддержания дисциплины, что вполне согласуется с заметным улучшением как успеваемости, так и прилежания этого ученика в текущем году. По моей просьбе мистер Хиллман осмотрел спину Найтингейла. Так вот, мистер Хиллман сообщил мне, что не обнаружил ни малейших следов избиения, которое, как утверждаешь ты, а также – к моему большому сожалению – и Филдинг, якобы имело место.

– Никаких следов… – Я ушам своим не верил.

– Ни малейших, – повторил Торп. – Ну что ты на это скажешь?

Я недоуменно пожал плечами: такие страшные кровоподтеки безусловно, так быстро исчезнуть просто не могли.

– Тогда я за тебя скажу. Не было никакого избиения.

Я вполне верю Стивену Ридпэту, по словам которого, он велел Найтингейлу несколько раз отжаться от пола, а когда тот выполнил отжимания небрежно, шлепнул его по спине, при этом на мальчике были, разумеется, рубашка и пиджак. Действительно, период посвящения младшего класса в учащиеся школы Карсона официально завершен с окончанием первого полугодия, однако в определенных ситуациях мы, педагоги, закрываем глаза на его, так сказать, продление. Это делается с целью поддержания порядка.

– Порядка… – эхом отозвался я.

– Что, незнакомое понятие? Ладно, пойдем дальше. Стоит ли говорить о том, что мы не обнаружили на сцене никаких следов совы, похищенной из Вентнора? По той простой причине, что там этой фигурки никогда и не было. Да, мы действительно нашли копии экзаменационных листов, переписанные молодым Ридпэтом для того, чтобы после экзаменов использовать их в качестве учебного пособия.

– Какой в том смысл? Использовать экзаменационные листы как пособие, когда экзамены уже сданы?

– Именно когда сданы. Чтобы иметь под рукой материал для повторения пройденного. Очень разумно, должен сказать.

– Так, значит, все его художества сойдут ему с рук, – медленно проговорил я, не в силах еще этому поверить. – Значит, вы его прикрываете…

– Молчать! – Кулак мистера Торпа опустился на металлический стол с такой силой, что карандаши на нем со звоном подпрыгнули. – Прежде чем открыть рот, молодой человек, лучше хорошенько подумай. Мы к тебе будем снисходительны, но это только потому, что семья Филдингов училась в школе Карсона на протяжении полувека, а Филдинг-младший утверждает

то же, что и ты. Мы с мистером Фитцхалленом допускаем, что вы оба отнюдь не пытаетесь сознательно ввести нас в заблуждение, а лишь поспешили с явно необдуманными выводами под влиянием неумеренно разыгравшегося воображения. Типичный пример неразумности, в последнее время столь широко распространившейся по школе, именно против этого так ополчился мистер Брум. – При мысли о директоре он нахмурил брови. – Мне еще не приходилось сталкиваться с таким повальным увлечением всякой чертовщиной, которое наблюдается у нас в последний месяц.

Быть может, некоторым нашим преподавателям английского, – он покосился на Фитцхаллена, – следует впредь больше уделять внимания литературе, стоящей на принципах реализма. Хватит с нас всяких сказок – мы с вами живем не в потустороннем мире. Все это я уже высказал Моррису Филдингу. А вы, мистер Уэзерби…

Классный руководитель вытянулся по стойке "смирно".

– Вас я попрошу принять меры к тому, чтобы незамедлительно покончить с этим массовым психозом в начальном классе. Здесь, в Карсоне, функции учителей не ограничиваются ведением уроков.

***

В раздевалке перед баскетбольной тренировкой я постарался рассмотреть спину Дэла Найтингейла: следов и в самом деле не было. Заметил это и Моррис Филдинг. Мне вспомнилось жужжание стеклянной совы в полете (а летела ли она на самом деле?), и по выражению лица Морриса я понял, что мысли наши совпадали. Вначале я хотел переговорить с Дэлом до тренировки, теперь же я отпрянул от него, как от прокаженного.

***

А в конце марта умер отец Тома Фланагена.

Глава 14
"СЛЫШУ ТЕБЯ"

Честер Ридпэт выключил древний маленький телевизор в гостиной и искоса посмотрел на сына – тот съел только половину ужина. Мальчик просто морит себя голодом: временами он, казалось, забывал, что перед ним еда, и пялился в одну точку, словно зомби. Быть может, в эти минуты перед его глазами мелькали кадры любимых фильмов – отец считал, что их следовало бы запретить из-за извращенного воздействия на психику…

Честер немедленно прогнал эту мысль туда, куда он загонял все, что, по его мнению, так или иначе соотносилось с двухнедельной давности инцидентом, якобы имевшим место в школе. Старина Билли вступился тогда за Стива из чувства уважения к другу и коллеге, но Ридпэт понимал, что иногда Торп сомневается, правильно ли поступил. В эти минуты он был похож на игрока команды, терпящей поражение с разгромным счетом. По правде говоря, в последнее время все учителя выглядели подобным образом – следствие выходки Лейкера Брума на том злополучном собрании. Все в школе чувствовали себя теперь в подвешенном состоянии, не зная, что произойдет в следующую минуту… Что за безумный год!

Он взял поднос с грязной посудой и по пути прихватил недоеденный ужин Стива. Тот слабо улыбнулся – то ли благодарно, то ли насмешливо.

Слава Богу, Билли Торп никогда не был в комнате Стива!

Именно там следовало искать корни проблемы. Если уж Стив окружил себя подобной мерзостью, он запросто мог и высечь новичка, и смухлевать на экзаменах.

Да нет, мальчик на это не способен, по крайней мере что касается экзаменов.

В самом деле не способен?

Счищая остатки пищи в мусорное ведро, Ридпэт подумал, что его собственный отец вышиб бы из него мозги за то, что он выбрасывает еду. А его сынок? Да ему муху лень смахнуть с кончика носа!

Так поговори с ним. Ты же учитель, ты ежедневно общаешься с детьми!

Поговори с ним, это все же лучше, чем ничего не делать.

Нет, наверное, лучше в данном случае не делать ничего…

Ведь он уже пытался говорить со Стивом. Ну и что? Какое у него было лицо? Как у мертвеца – полнейшее безразличие.

Однажды, когда Стив еще пешком под стол ходил, он отвесил ему затрещину и уже тогда увидел как раз такое выражение на лице у маленького засранца.

Все-таки слава тебе, Господи, что Билли Торп не видел этого кошмара в комнате у Стива. Если у парня голова забита подобным дерьмом, тогда…

– Послушай, Стив! – Бросив мытье посуды, Ридпэт направился назад, в гостиную. – Видал, какие сигары курит этот хмырь, телеведущий? Как думаешь, сколько они стоят?..

Жалкая попытка завести разговор оборвалась чуть ли не на полуслове: стул, где сидел Стив, был пуст. Он уже поднялся к себе наверх – опять заниматься черт-те чем.

Надо пойти туда и сорвать со стен всю эту гадость, потом объяснить ему, что это для его же блага. Да, просто взять и все сорвать. Следовало сделать это еще давным-давно…

Нет, сначала объяснить ему, а уж потом сорвать.

Но для этого, конечно, слишком уже поздно… Когда в последний раз он по-настоящему беседовал со Стивом? Прошло четыре года? Больше?

Закончив вытирать столовое серебро, Честер пересек загаженную гостиную и в раздумье остановился у лестницы.

По крайней мере, безумная музыка сейчас не грохотала. Быть может, это признак того, что Стив все-таки взрослеет? Должно же к нему с возрастом прийти наконец понимание, что замыкаться в себе нельзя и, что бы ни произошло, как бы больно ни было, жизнь продолжается, надо только постараться пережить эту боль, вытравить ее из себя и жить дальше. Не этому ли отец обязан научить сына? Если с тобой что-то стряслось, какая-то беда, пусть даже трагедия, главное – не опускать руки, не сдаваться, и тогда все преодолеешь. Так, что ли? Наверное, так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.